

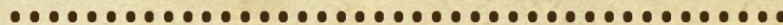

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОРОТИ Л.

САЙЕРС

ПОД ГРУЗОМ УЛИК

НЕЕСТЕСТВЕННАЯ
СМЕРТЬ

Лорд Питер Уимзи

Дороти Ли Сэйерс

**Под грузом улик.
Неестественная смерть**

«Издательство АСТ»

1924, 1927

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д.

Под грузом улик. Неестественная смерть / Д. Сэйерс —
«Издательство АСТ», 1924, 1927 — (Лорд Питер Уимзи)

ISBN 978-5-17-147011-1

В этот сборник вошли два интереснейших дела лорда Питера Уимзи — аристократа, интеллектуала и талантливого детектива-любителя. Неподалеку от охотничьего домика старшего брата Питера Уимзи, герцога Денверского, найден застреленным капитан Дэнис Кэткорт. Рядом обнаружено орудие убийства — принадлежащий герцогу пистолет. В довершение всего накануне капитан и герцог серьезно поссорились. Против герцога — все: от свидетельских показаний до веского мотива и улик. Но Питер Уимзи, верящий в невиновность брата, намерен найти настоящего убийцу... Казалось бы, в смерти сказочно богатой дамы Агаты Доусон нет ровно ничего подозрительного: она находилась в весьма преклонном возрасте и страдала от тяжелой неизлечимой болезни. Так что же насторожило обычного провинциального врача, решительно отказавшегося подписывать свидетельство о смерти? Питер Уимзи решает выяснить обстоятельства дела и обнаруживает, что мисс Доусон — лишь первая из жертв убийств, изощренно стилизованных под естественную смерть...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147011-1

© Сэйерс Д., 1924, 1927

© Издательство АСТ, 1924, 1927

Содержание

Под грузом улик[1]	7
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	57
Глава 6	65
Глава 7	72
Глава 8	79
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дороти Л. Сэйерс Под грузом улик Неестественная смерть

Серия «Золотой век английского детектива»

Dorothy L. Sayers

CLOUDS OF WITNESS

UNNATURAL DEATH

Перевод с английского

А. Соколова («Под грузом улик»)

И. Дорониной («Неестественная смерть»)

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается при содействии литературных агентств

David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC.

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1926, 1927

© Перевод. И. Дорониной, 2021

© Перевод. А. Соколов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

✎ ДОРОТИ Л. ✎
СЭЙЕРС

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс, Глэдис Митчелл – три гранд-дамы золотого века английского детектива, основательницы легендарного «Клуба детективов».

На родине Дороти Ли Сэйерс известна и любима не меньше признанной королевы жанра Агаты Кристи.

Романы об ироничном и проницательном сыщике-аристократе лорде Питере Уимзи принесли Сэйерс мировую славу и стали классикой детективной литературы.

Под грузом улик¹

Тайное становится явным

Сообщение о суде пэров над герцогом Денверским по обвинению в убийстве

У неподражаемых историй о монархе Тонги нет истинных окончаний, а у этой – в ее самом высокопарном стиле – меньше, чем у большинства из них. Но все повествование пронизано ароматом китайских палочек и наивысшим благородством, и оба ее персонажа самого высокого происхождения.

Э. Брам. Бумажник Кай Люня

¹ Перевод с английского А. Соколова

Глава 1

Злой умысел

Кто виноват?.. Скорей скажите, кто?..
*У. Шекспир. Отелло*²

Лорд Питер Уимзи с удовольствием растянулся на предоставленном отелем «Морис» простынях. После напряженного расследования баттерсийской тайны он последовал совету сэра Джулиана Фрека и решил отдохнуть. Ему внезапно наскучили ежедневные завтраки с видом на Грин-парк, и он неожиданно понял, что покупка на распродажах первых изданий книг – недостаточное занятие для мужчины тридцати трех лет, а типичные лондонские преступления слишком заумны.

Он оставил квартиру и друзей и улизнул в корсиканскую глушь. Последние три месяца он не держал в руках ни писем, ни газет, ни телеграмм – бродил по горам, с безопасного расстояния восхищался дикой красотой корсиканских крестьянок и изучал явление вендетты в ее естественной среде. Здесь убийство могло показаться не только оправданным, но даже привлекательным делом. Его доверенный слуга и помощник в расследованиях Бантер, благородно пожертвовав цивилизованными привычками, позволял господину ходить грязным и даже небритым, а своим фотоаппаратом пользовался для съемки скалистых пейзажей, а не отпечатков пальцев. Это казалось весьма освежающим.

Но зов крови – великая вещь, и он увлек лорда Питера в Париж. Накануне поздно вечером они прибыли сюда в убогом поезде и получили багаж. Осенний свет просачивался сквозь шторы, нежно касался стоящих на туалетном столике пузырьков с серебристыми горлышками и оттенял абажур лампы и телефон. Звук струящейся воды говорил о том, что Бантер открыл в ванной кран и приготовил вкусно пахнущее мыло, ароматические соли и огромную губку, то есть все то, чему не было применения на Корсике. И еще – массажную щетку на длинной ручке, которой так приятно проводить по спине. Жизнь – это контраст, сонно размышлял лорд Питер. Корсика – Париж – затем Лондон.

– Доброе утро, Бантер.

– Доброе утро, милорд. Хорошего настроения. Ванна вашей милости готова.

– Спасибо, – ответил лорд Питер, жмурясь от солнца.

Чудесная ванна, думал Уимзи, отмокая и гадая, сумел бы он жить на Корсике постоянно. Он довольно нежился в теплой воде, даже спел несколько тактов какой-то песни и через некоторое время услышал, как гостиничный служащий принес кофе с булочками. Кофе с булочками! Лорд Питер с плеском поднялся из ванны, с наслаждением вытер полотенцем свое худощавое тело и, закутавшись в банный халат, вышел.

И, к несказанному своему удивлению, увидел, что Бантер спокойно укладывает его туалетные принадлежности в несессер. Удивление усилилось, когда он отметил, что едва распакованные накануне вечером чемоданы снова собраны, снабжены наклейками и готовы к отъезду.

– Бантер, в чем дело? – спросил его светлость. – Вы же знаете, мы задержимся здесь на две недели.

– Простите, милорд, – почтительно отозвался слуга, – но, просмотрев «Таймс» (которую, милорд, учитывая все обстоятельства, все-таки очень быстро доставляют сюда по воздуху), я решил, что ваша светлость пожелает немедленно выехать в Риддлсдейл.

– В Риддлсдейл? – воскликнул Питер. – Что случилось? Что-то произошло с моим братом?

² Акт V, сцена 2. Пер. А. Соколовского. – Здесь и далее примеч. пер.

Вместо ответа Бантер протянул газету, развернутую на странице с заголовком:

ДОЗНАНИЕ В РИДДЛСДЕЙЛЕ

Герцог Денверский арестован по обвинению в убийстве.

Лорд Питер глядел на буквы словно загипнотизированный.

– Я посчитал, что ваша светлость пожелает быть в курсе дел, и взял на себя смелость...

Лорд Питер справился с волнением и спросил:

– Когда ближайший поезд?

– Прошу прощения, милорд. Я решил, что ваша светлость предпочтет более быстрый способ передвижения и заказал два места в самолете «Виктория». Вылет в одиннадцать тридцать.

Лорд Питер взглянул на часы.

– Десять. Отлично. Вы правильно поступили. Господи! Бедняга арестован по обвинению в убийстве! Так непривычно тревожиться за него. Это он не любил, когда я общался с полицейскими и судами. А теперь сам там оказался. Лорд Питер Уимзи на свидетельской трибуне. С ума сойти! И дает показания по поводу брата. А герцог Денверский – на скамье подсудимых. Еще того хуже! Полагаю, надо позавтракать.

– Конечно, милорд. В газете полный отчет о расследовании.

– Хорошо. Кстати, кто ведет дело?

– Мистер Паркер, милорд.

– Паркер – это неплохо. Старина Паркер. Как это его угораздило? Бантер, как, на ваш взгляд, обстоят дела?

– С вашего позволения, милорд, предстоит интересное расследование. В показаниях содержатся детали, наводящие на определенные мысли.

– С криминологической точки зрения все так, – кивнул его светлость, с удовольствием принимаясь за кофе с молоком, – но брату нет дела до криминологии, и все это чертовски неприятно. Ну так что там?

– Говорится, что у обвиняемого личного интереса нет, – ответил Бантер.

Сегодня в Риддлсдейле, на севере графства Йоркшир, началось расследование убийства. В три часа утра в четверг у дверей оранжереи охотничьей усадьбы герцога Денверского был обнаружен труп капитана Дэниса Кэткарта. Согласно свидетельским показаниям накануне вечером покойный поссорился с герцогом, а затем был застрелен в кустах рядом с домом. Неподалеку от места преступления обнаружен принадлежащий герцогу револьвер. Принят вердикт о виновности герцога Денверского в совершении убийства. Его сестра, леди Мэри Уимзи, которая была помолвлена с погибшим, дав показания, упала в обморок и теперь лежит дома в тяжелом состоянии. Вдовствующая герцогиня Денверская вчера поспешила приехать из города и присутствовала на дознании. Подробный отчет помещен на странице 12.

«Бедняга Джеральд, – подумал лорд Питер, открывая двенадцатую страницу. – И бедная сестренка Мэри! Интересно, ей и в самом деле нравился тот тип? Мать всегда утверждала, что нет. Но Мэри скрытная и никогда бы в этом не призналась».

Полный отчет начинался описанием маленькой деревушки Риддлсдейл, где герцог Денверский недавно арендовал на сезон охотничью усадьбу. Когда произошла трагедия, он находился там с компанией гостей. В отсутствие герцогини леди Мэри Уимзи играла роль хозяйки. Гостями были полковник Марчбэнкс с женой, почтенный Фредерик Арбатнот, мистер и миссис Петтигрю-Робинсон и жертва – Дэнис Кэткарт.

Первым давал показания герцог Денверский, который обнаружил труп. Он заявил, что в три утра в четверг 14 октября, направлялся в дом через дверь оранжереи и внезапно наткнулся на что-то ногой. Он включил электрический фонарь и увидел тело Дэниса Кэткарта. Тут же перевернул и понял, что Кэткарт получил пулю в грудь. Несчастный был мертв. Наклоняясь над трупом, герцог услышал в оранжерее крик и, подняв глаза, увидел потрясенную леди Мэри Уимзи. Переступив порог оранжереи, она воскликнула: «Господи, Джеральд, ты его убил!» (*Шум среди присутствующих.*)³

Коронер. Вас удивили ее слова?

Герцог Д. Я был чрезвычайно удивлен и потрясен всем, что увидел. Кажется, я ей сказал: «Не смотри туда». А она вскрикнула: «Это же Дэнис! Что произошло? Несчастный случай?» Я остался с телом, а ее отослал в дом разбудить остальных.

Коронер. Вы предполагали встретить в оранжерее леди Мэри?

Герцог Д. Я же сказал, что был потрясен и не задумывался об этом.

Коронер. Вы помните, как она была одета?

Герцог Д. Полагаю, не в пижаме. (*Смех.*) Кажется, в пальто.

Коронер. Как я понимаю, леди Мэри Уимзи была обручена с покойным.

Герцог Д. Да.

Коронер. Вы его хорошо знали?

Герцог Д. Он был сыном старинного друга моего отца. Его родители умерли. Насколько мне известно, большую часть времени он проводил за границей. Я пересекался с ним во время войны и в 1919 году, когда он приехал в Денвер. В начале этого года он обручился с моей сестрой.

Коронер. С вашего согласия и согласия родственников?

Герцог Д. О, разумеется.

Коронер. Что за человек был капитан Кэткарт?

Герцог Д. Я бы сказал, что он был настоящим сагибом, если вы понимаете, что я имею в виду. Чем занимался до 1914 года, когда вступил в армию, не знаю. Полагаю, жил на доход. Его отец был состоятельным человеком. Первоклассный стрелок, знал толк в играх – и все такое. До того вечера не слышал о нем дурного слова.

Коронер. Что вы имеете в виду?

Герцог Д. Понимаете, все это чертовски странно. Если бы такое сообщил кто-нибудь другой, а не Томми Фриборн, я бы ни за что не поверил. (*Шум в зале.*)

Коронер. Боюсь, ваша милость, мне придется спросить, в чем именно вы обвинили покойного?

Герцог Д. Ну, я не то чтобы его обвинил. Мой старинный друг выдвинул предположение. Я, разумеется, посчитав, что произошла ошибка, обратился к Кэткарту за разъяснениями, но тот, к моему изумлению, по сути, все подтвердил. Мы оба разозлились. Кэткарт послал меня к черту и выскочил из дома. (*Снова шум в зале.*)

Коронер. Когда произошла эта ссора?

Герцог Д. Вечером в среду. Тогда я его видел в последний раз. (*Сильный шум.*)

³ Данный отчет, по сути, тот же самый, что прочел лорд Питер в «Таймс», был исправлен и дополнен на основе стенографических записей, сделанных тогда же мистером Паркером. – *Примеч. авт.*

Коронер. Успокойтесь. Прошу держать себя в руках. А теперь, ваша милость, пожалуйста, расскажите, как вы помните, предысторию вашей ссоры.

Герцог Д. Примерно так. Весь день мы провели на болотах и рано поужинали. В половине десятого вечера почувствовали, что пора ложиться. Сестра и миссис Петтигрю-Робинсон ушли наверх, а мы решили выпить в бильярдной по последней джина с содовой. И тут Флеминг – это мой слуга – принес письма. Письма к нам поступают в какое угодно время – мы же находимся в двух с половиной милях от деревни. Нет, тогда я был уже не в бильярдной – запираю оружейную комнату. Письмо было от старинного приятеля, с которым я не виделся много лет, – Тома Фриборна. Мы с ним дружили в колледже.

Коронер. Что за колледж?

Герцог Д. Крайст-Черч, в Оксфорде. Он писал, что недавно наткнулся на объявление, из которого узнал, что моя сестра обручилась. В Египте.

Коронер. В Египте?

Герцог Д. То есть, я хотел сказать, это он находится в Египте, Том Фриборн, поэтому не написал раньше. Видите ли, он инженер. Уехал туда после войны, работает в районе месторождений нефти рядом с Нилом. Газеты туда приходят нерегулярно. Он извинялся, что вмешивается в такую деликатную тему, но известно ли мне, кто таков Кэткарт? Фриборн объяснил, что повстречался с ним во время войны в Париже. Кэткарт промышлял тем, что жульничал в карты. Фриборн готов был поклясться, что это правда, и привести подробности скандалов во французских домах. Он понимал, что мне захочется оторвать ему голову за то, что лезет не в свое дело, но, увидев в газете фотографию этого типа, решил, что мне лучше об этом знать.

Коронер. Вас удивило его письмо?

Герцог Д. Не то слово. Сначала я вовсе не поверил. Если бы такое писал не старина Том, швырнул бы лист в огонь, и все дела. Но даже учитывая, что автором был он, я не представлял, как поступить. Видите ли, французы часто поднимают шум из ничего. Однако Фриборн не тот человек, кто совершает ошибки.

Коронер. Как же вы поступили?

Герцог Д. Чем больше я задумывался над тем, что узнал, тем меньше мне нравилась ситуация. Но я не мог бросить все как есть и решил обратиться напрямую к Кэткарту. Пока я занимался письмом, все гости ушли спать. Я поднялся наверх и постучал в дверь Кэткарта. Тот ответил: «Что надо?» или «Кого там черти принесли?» – что-то в этом роде. Я сказал, что мне нужно войти на пару слов. Кэткарт впустил, но буркнул: «Давайте покороче». Я удивился: раньше подобной грубости за ним не замечал. Объяснил, что получил письмо, которое совершенно мне не понравилось, и решил обратиться к нему, чтобы все прояснить. «Оно от очень достойного человека – моего однокурсника и старинного друга. Он пишет, что встречался с вами в Париже». – «В Париже? – отозвался Кэткарт на удивление сердито. – Какого дьявола вам понадобилось обсуждать со мной Париж?» – «Не надо говорить со мной в таком тоне, – осадил я его, – поскольку в данных обстоятельствах это наводит на нехорошие мысли». – «На что вы намекаете?» – не унимался он. «Объяснитесь, и мирно разойдемся спать, – потребовал я. – Некто Фриборн утверждает, что знавал вас в Париже и там вы зарабатывали на жизнь жульничеством в карточной игре». Я ожидал, что он взорвется, но он ответил: «И что с того?» – «Как что с того?» – удивился я. – Я не могу поверить в такое без доказательств». И тут он сказал очень странную вещь: «Вера не имеет значения. Важно лишь то, что вы знаете о человеке». – «То есть вы ничего не отрицаете?» – изумился я. «А что толку? – фыркнул Кэткарт. – Делайте выводы сами. Такое обвинение никто не смог бы опровергнуть». А затем он вскочил, едва не опрокинув стол. «Мне безразлично, что вы думаете и как поступите, лишь бы поскорее убрался. Ради бога, оставьте меня одного». – «Не надо все принимать таким образом, – попытался я его успокоить. – Я же не сказал, что поверил в то, о чем говорится в письме. Возможна ошибка. Но дело в том, что вы помолвлены с Мэри. Согласитесь, я не мог оставить эту

информацию без внимания». – «О, если это вас тревожит, успокойтесь. Все кончено». – «Что кончено?» – не понял я. – «Наша помолвка». – «Но я разговаривал с сестрой о ее помолвке только вчера». – «Я ей еще об этом не сказал», – объяснил Кэткарт. «Вы наглец, – возмутился я. – Являетесь в мой дом с намерением порвать с сестрой?» Ну, я много чего сказал кроме этого, а под конец заявил, что он может убираться прочь, поскольку я не намерен терпеть такую свинью в своем доме. «С большой охотой». Он оттолкнул меня в сторону, бросился вниз по лестнице и хлопнул входной дверью.

Коронер. Что вы сделали дальше?

Герцог Д. Побежал в свою спальню, окна которой выходят на оранжерею, и крикнул, чтобы он не глумился. Шел дождь, и сильно похолодало. Кэткарт не возвращался, и я приказал Флемингу, на случай если Кэткарт передумает и вернется в постель, оставить дверь оранжереи открытой.

Коронер. Чем вы можете объяснить такое поведение Кэткарта?

Герцог Д. Ничем. Я был ошеломлен. Но могу предположить, что до него каким-то образом дошел слух о письме Фриборна и он понял, что игра окончена.

Коронер. Вы упоминали кому-нибудь о случившемся?

Герцог Д. Нет. Дело слишком неприятное, и я решил подождать до утра.

Коронер. То есть вы больше ничего не предпринимали?

Герцог Д. Нет. Мне претила мысль бегать за этим типом. Я слишком разозлился. И считал, что он одумается: ночь выдалась суровой, а на нем был только смокинг.

Коронер. Поэтому вы спокойно отправились спать и больше пострадавшего не видели.

Герцог Д. Нет, до трех утра, когда споткнулся об него у оранжереи.

Коронер. Ах да! А теперь объясните, почему вы в такое время оказались вне дома.

Герцог Д. (колеблясь). Мне не спалось, и я вышел прогуляться.

Коронер. В три утра?

Герцог Д. Именно. (С внезапным волнением.) Видите ли, моя жена в отъезде. (Смех в зале, комментарии в заднем ряду.)

Коронер. Прошу тишины... Вы утверждаете, что встали в три утра в октябре, чтобы пройти в сад под проливным дождем?

Герцог Д. Да, немного прогуляться. (Смех.)

Коронер. В какое время вы покинули спальню?

Герцог Д. О-о... полагаю, примерно в половине третьего.

Коронер. Каким путем вышли на улицу?

Герцог Д. Через дверь оранжереи.

Коронер. Труп в тот момент там не было?

Герцог Д. Нет-нет!

Коронер. Вы бы его непременно заметили?

Герцог Д. Господи, конечно! Мне бы пришлось через него переступить.

Коронер. Куда именно вы направились?

Герцог Д. (запнувшись). Так, побродить.

Коронер. Вы не слышали выстрела?

Герцог Д. Нет.

Коронер. Вы намного отделились от двери в оранжерею и кустарника?

Герцог Д. Пожалуй, порядочно. Вероятно, потому ничего и не слышал. Видимо, так.

Коронер. Могли вы отойти на четверть мили?

Герцог Д. Пожалуй, да... мог.

Коронер. А еще дальше?

Герцог Д. Не исключено. Было холодно, и я двигался энергичным шагом.

Коронер. Двигались в каком направлении?

Герцог Д. (заметно колеблясь). Куда-то за дом. Вероятно, в направлении лужайки для игры в шары.

Коронер. Лужайки для игры в шары?

Герцог Д. (увереннее). Да.

Коронер. Но если вы ушли на четверть мили, то должны были покинуть территорию усадьбы.

Герцог Д. Да... Наверное, покинул. Сейчас припоминаю, что шел по краю болота.

Коронер. Можете показать письмо, которое вы получили от мистера Фриборна?

Герцог Д. Разумеется... если только сумею найти. Помнится, сунул его в карман, но не обнаружил, когда его потребовал сотрудник Скотленд-Ярда.

Коронер. Может, случайно уничтожили?

Герцог Д. Нет, определенно положил в карман. (На этих словах свидетель смущенно запинаятся и краснеет.) Хотя постойте. Сейчас припоминаю: я его точно уничтожил.

Коронер. Жаль. Как же так вышло?

Герцог Д. Совершенно забыл, а теперь вспомнил. Письмо утрачено навсегда.

Коронер. Может, сохранился хотя бы конверт?

Свидетель отрицательно качает головой.

Коронер. Следовательно, вы не можете представить присяжным доказательство, что получили его?

Герцог Д. Не могу. Если только это не вспомнит и не подтвердит Флеминг.

Коронер. Ах да, ваш слуга... мы непременно проверим. Спасибо, ваша светлость. Приглашайте леди Мэри Уимзи.

При появлении благородной дамы, которая до утра 14 октября считалась невестой погибшего, послышался сочувственный шепот. Красивая, стройная, обычно розовощекая, теперь она выглядела бледной от горя. Одета в черное платье, леди Мэри давала показания очень тихо, временами едва слышно⁴.

Выразив соболезнования, коронер приступил к допросу.

Коронер. Как долго вы были помолвлены с погибшим?

Свидетельница. Примерно восемь месяцев.

Коронер. Где вы с ним познакомились?

Свидетельница. В доме жены моего брата, в Лондоне.

Коронер. Когда?

Свидетельница. Насколько помню, в июне прошлого года.

Коронер. Были ли вы счастливы в помолвке?

Свидетельница. Вполне.

Коронер. Вы, естественно, достаточно общались с капитаном Кэткартом. Много ли он вам рассказывал о своей предыдущей жизни?

Свидетельница. Не много. Мы обычно не предавались откровениям, а обсуждали взаимноинтересные темы.

Коронер. Много ли было таких?

Свидетельница. О да.

Коронер. Случалось ли вам общаться, когда капитана Кэткарта что-то беспокоило?

Свидетельница. Практически нет. Хотя в последние несколько дней он казался слегка встревоженным.

Коронер. Он рассказывал о своей жизни в Париже?

Свидетельница. Не припоминаю.

⁴ Согласно газетному репортажу, а не мистеру Паркеру. – *Примеч. авт.*

Коронер. Были ли заключены какие-либо финансовые соглашения в связи с вашей предстоящей свадьбой?

Свидетельница. Не думаю. Дату свадьбы еще даже не назначили.

Коронер. Всегда ли ваш жених производил впечатление обеспеченного человека?

Свидетельница. По-моему, да. Я об этом не размышляла.

Коронер. Он никогда при вас не жаловался на стесненные обстоятельства?

Свидетельница. На стесненные обстоятельства так или иначе жалуются все.

Коронер. Он был человеком веселого нрава?

Свидетельница. Очень легко поддавался переменам настроения и каждый день казался другим.

Коронер. Вы слышали показания своего брата: покойный собирался расторгнуть вашу помолвку. Вам что-нибудь об этом известно?

Свидетельница. Ровным счетом ничего.

Коронер. Можете объяснить это намерение?

Свидетельница. Нет.

Коронер. Вы поссорились?

Свидетельница. Нет.

Коронер. Следовательно, в среду вечером, с вашей точки зрения вы были по-прежнему помолвлены с погибшим с перспективой вскоре выйти за него замуж.

Свидетельница. Да-а... разумеется.

Коронер. Можно ли сказать – простите меня за этот жестокий вопрос, – что ваш жених был способным наложить на себя руки?

Свидетельница. Не знаю. Что ж... пожалуй, мог бы. Ведь это бы все объяснило.

Коронер. Леди Мэри, прошу вас, не расстраивайтесь и не спешите. Расскажите, что вы точно видели и слышали в среду вечером и в четверг утром.

Свидетельница. Я отправилась спать одновременно с миссис Марчбэнкс и миссис Петтигрю-Робинсон. Это было примерно в половине десятого. Мужчины остались внизу. Я пожелала Дэнису спокойной ночи, и он в это время вел себя вполне обычно. Я сразу ушла в свою комнату, и когда принесли почту, меня внизу не было. Моя комната в глубине дома. Я слышала, как примерно в десять снизу пришел мистер Петтигрю-Робинсон. Комната супругов Петтигрю-Робинсонов рядом с моей. Как поднялся наверх брат, я не слышала. Примерно в четверть одиннадцатого в коридоре громко разговаривали двое мужчин, затем кто-то сбежал по лестнице и хлопнул входной дверью. Потом я слышала в коридоре быстрые шаги и как брат закрыл свою дверь. После этого я легла спать.

Коронер. Вы не поинтересовались причиной возникшего шума?

Свидетельница (равнодушно). Я решила, что дело в собаках.

Коронер. Что произошло дальше?

Свидетельница. Я проснулась в три утра.

Коронер. Что вас разбудило?

Свидетельница. Я услышала выстрел.

Коронер. До того, как он раздался, вы не бодрствовали?

Свидетельница. Думаю, дремала. Я слышала выстрел очень отчетливо и не сомневалась, что это именно выстрел. Еще прислушивалась несколько минут, а затем спустилась проверить, все ли в порядке.

Коронер. Почему вы не позвали брата или других мужчин?

Свидетельница (презрительно). С какой стати? Я посчитала, что стрелял браконьер и нет причин тревожить людей в такой ранний час.

Коронер. Как по-вашему, стреляли близко от дома?

Свидетельница. Пожалуй. Хотя судить трудно. Если человека будит какой-нибудь звук, он всегда кажется громким.

Коронер. Вам не показалось, что стреляли в доме или в оранжерее?

Свидетельница. Нет, стреляли определенно на улице.

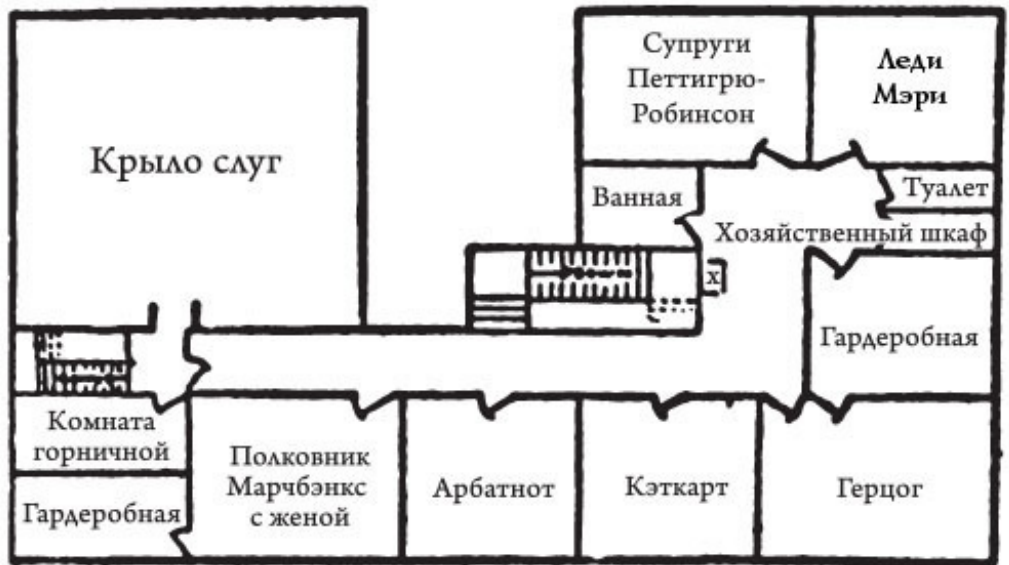
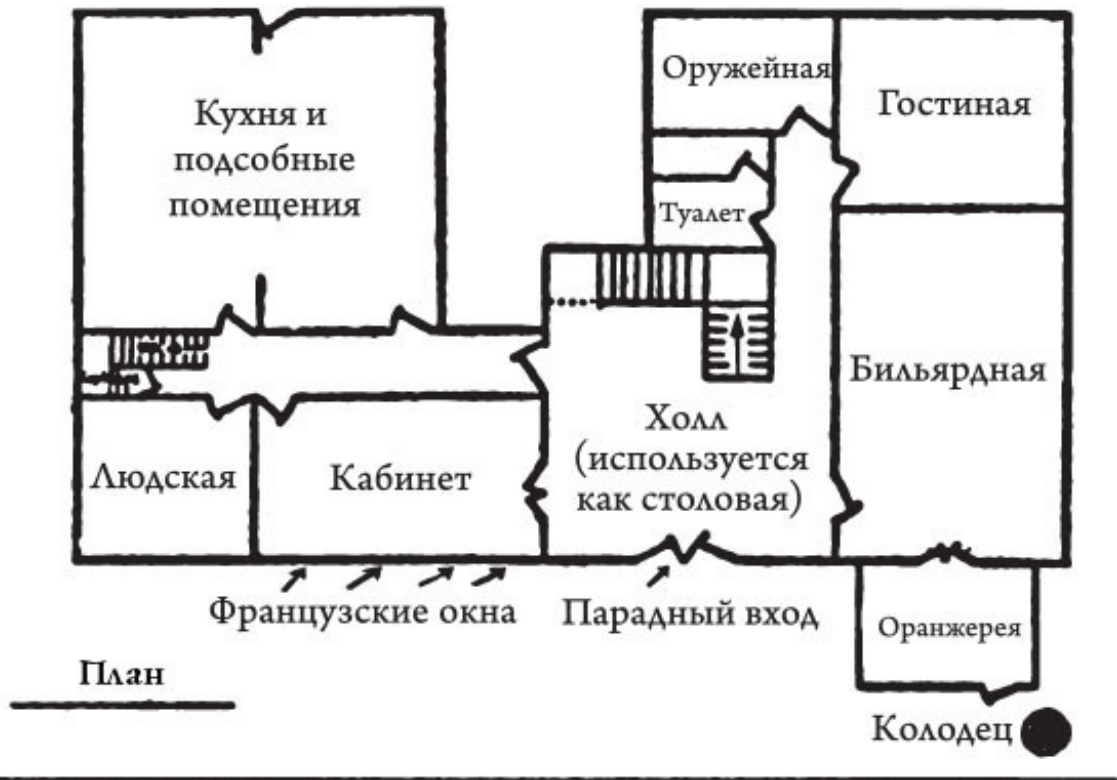
Коронер. Таким образом, вы спустились одна. Это очень отважно с вашей стороны, леди Мэри. Вы пошли сразу?

Свидетельница. Не совсем. Несколько минут я раздумывала, затем надела плотную куртку, шерстяную кепку и уличные сапоги на босу ногу. Из комнаты я вышла минут через пять после выстрела, спустилась по лестнице и через бильярдную прошла в оранжерею.

Коронер. Почему вы выбрали этот путь?

Свидетельница. Так быстрее, чем отпирать входную или заднюю дверь.

В этот момент суду предоставили план риддлсдейлского дома – построенного в классическом стиле просторного двухэтажного здания. Им владеет господин Уолтер Монтень, который сдал его на сезон герцогу Денверскому. Сам мистер Монтень проживает в Соединенных Штатах.

х-Старый дубовый сундук

Свидетельница (продолжает). Подойдя к двери в оранжерею, я увидела наклонившегося над чем-то на земле человека. Когда он поднял голову, я с удивлением узнала брата.

Коронер. Что вы предположили до того, как его узнали?

Свидетельница. Трудно сказать – все произошло очень быстро. Наверное, решила, что передо мной вору.

Коронер. Его светлость нам сообщил, что, увидев его, вы воскликнули. «Ты его убил!» Можете объяснить, почему вы это сказали?

Свидетельница (смертельно побледнев). Я решила, что брат, наткнувшись на вора, выстрелил в него в целях самообороны. Что-то в этом роде, если у меня вообще была способность думать.

Коронер. Хорошо. Вы знали, что у герцога есть револьвер?

Свидетельница. Знала.

Коронер. Что вы затем предприняли?

Свидетельница. Брат отправил меня за помощью. Я постучала в двери мистера Арбатнота и супругов Петтигрю-Робинсон. Потом внезапно почувствовала слабость и, вернувшись к себе в спальню, воспользовалась нюхательной солью.

Коронер. Вы были там одна?

Свидетельница. Да. Все остальные суетились и кричали. Это было выше моих сил...

На этих словах свидетельница, дававшая ранее показания собранно, хотя и тихо, пошатнулась, и ее пришлось под руки вывести из зала.

Следующим вызвали Джеймса Флеминга, слугу герцога. Тот вспомнил, что в среду без четверти десять принес почту из Риддлсдейла. Он отдал господину три или четыре письма в оружейной комнате, но не обратил внимания, была ли на каком-то из них египетская марка. Марки он не собирает: его увлечение – автографы.

Далее свидетельское место занял достопочтенный Фредерик Арбатнот. Он отправился спать вместе с остальными незадолго до десяти часов. Слышал, как через некоторое время пришел Денвер. Когда именно, сказать не может – он чистил зубы. (*Смех.*) Он, разумеется, слышал громкие голоса и перебранку в соседней комнате. Слышал, как кто-то сломя голову сбежал по лестнице. Арбатнот высунулся из двери и увидел в коридоре Денвера. Спросил: «Эй, Денвер, что там за шум?» Ответа он не разобрал. Герцог поспешил в свою спальню и крикнул из окна: «Не глупите!» Он явно злился, но достопочтенный Фредди не придавал этому значения. На Денвера иногда находит, но ничего страшного не случается. Пошумит и остынет.

Кэткарта он знает недавно – вроде нормальный. Не то чтобы он ему нравился, но ничего дурного он за ним не замечал. Господи, нет, он не слышал, чтобы Кэткарт мухлевал в карты. Ну нет, конечно, он не присматривался специально, жульничает ли кто. От людей подобного не ждешь. Однажды его попытались так нагреть в клубе в Монте, но он не подавал виду, что раскусил мошенника, пока не началась потеха. В отношениях Кэткарта к леди Мэри и ее к нему не замечал ничего необычного. С какой стати? Он за людьми не следит и в чужие дела нос не сует. Вечером среды он решил, что данный скандал не его забота, и улегся спать.

Коронер. Вы слышали что-нибудь еще в ту ночь?

Дост. Фредерик. Нет. До тех пор, пока ко мне не постучала бедняжка Мэри. Я спустился вниз и нашел Денвера в оранжерее. Он протирали лицо Кэткарта влажной губкой. Мы сочли, что нужно смыть с него гравийную крошку и грязь.

Коронер. Вы слышали выстрел?

Дост. Фредерик. Не слышал никаких звуков. Но должен сказать, что я сплю достаточно крепко.

Полковник и миссис Марчбэнкс размещались в спальне, которая находилась над так называемым «кабинетом», хотя эта комната служила скорее курительной. О состоявшемся в половине двенадцатого разговоре они дали одни и те же показания. После того как полковник лег в постель, миссис Марчбэнкс села написать несколько писем. Они слышали голоса и чьи-то быстрые шаги в коридоре, но не придали этому особого значения. Беготня и крики – обычное дело для подвыпивших гостей.

Полковник сказал: «Дорогая, ложись. Уже половина двенадцатого, и нам завтра рано вставать. Всех дел не переделаешь». Он так сказал, потому что его жена всегда была женщиной спортивной и ходила с ружьем вместе с остальными. «Уже иду», – ответила та. «Нарушаешь покой – ты единственная засиделась допоздна. Все остальные давно видят сны». – «Неправда, –

возразила жена. – Герцог еще на ногах. Я слышу, как он ходит по кабинету». Полковник прислушался и тоже различил шаги. Никто из них не слышал, чтобы герцог снова поднялся наверх. И никаких других звуков они ночью тоже не слышали.

Мистер Петтигрю-Робинсон вышел давать показания с большой неохотой. Они с женой легли в десять, но ссору герцога с Кэткартом слышали. Мистер Петтигрю-Робинсон, опасаясь, что происходит что-то нехорошее, приоткрыл дверь и высунулся в коридор в тот момент, когда Денвер заявил: «Если вы впредь посмеете заговорить с моей сестрой, я переломаю вам кости». Или что-то в этом роде. Кэткарт бросился вниз. Герцог побагровел. Он не видел Петтигрю-Робинсона, но бросил несколько слов Арбатноту и поспешил в свою спальню. Петтигрю-Робинсон, выйдя в коридор, обратился к Арбатноту: «Послушайте, дружище...» – но тот захлопнул перед его носом дверь.

Тогда Петтигрю-Робинсон приблизился к спальне герцога и спросил: «Все в порядке, Денвер?». Тот выскочил из комнаты, пробежал мимо него, будто не замечая, и сломя голову бросился вниз по лестнице. Петтигрю-Робинсон слышал, как он отдает приказание Флемингу оставить дверь оранжереи открытой, пока Кэткарт где-то бежит.

Вскоре герцог вернулся. Петтигрю-Робинсон попытался перехватить его по пути и опять спросил, что случилось. Однако герцог оставил его вопрос без ответа и, войдя в спальню, решительно затворил за собой дверь. Через некоторое время – если быть точным, в одиннадцать тридцать – дверь герцога снова открылась, и в коридоре раздались осторожные шаги. Петтигрю-Робинсон не разобрал, в сторону лестницы или нет. Ванная и туалет находились с его стороны коридора, и если бы кто-то туда зашел, он скорее всего услышал бы. Шаги не повторились. Засыпая, мистер Петтигрю-Робинсон слышал, как его дорожные часы пробили двенадцать. Дверь герцога он не спутает ни с какой другой: ее петли скрипят особенным образом.

Миссис Петтигрю-Робинсон подтвердила показания мужа. Она уснула еще до полуночи и поначалу спала крепко, но ранним утром сон стал более тревожным. Ее раздражала вся эта суматоха в доме в тот вечер, которая мешала ей отдохнуть. Точнее, она уснула около десяти тридцати, а мистер Петтигрю-Робинсон растолкал ее через час, чтобы сообщить о шагах в коридоре. То одно, то другое, и в результате полноценно поспать получилось только пару часов. Она снова проснулась примерно в два часа, и лежала без сна до тех пор, пока леди Мэри не подняла тревогу.

Она готова поклясться, что выстрела ночью не слышала. Ее окно находилось рядом с окном леди Мэри, с противоположной стороны дома от оранжереи. Миссис Петтигрю-Робинсон с детства привыкла спать с открытым окном. На вопрос coronera она ответила, что никогда не считала, что между леди Мэри и погибшим существовало реальное чувство. Казалось, что они каждый сам по себе, но такие отношения сейчас в моде. Во всяком случае, она не слышала ни о каком разладе.

Мисс Лидия Кэткарт, которую спешным порядком вызвали из города, рассказала об убийстве. Она сообщила coroneru, что является капитану тетей и единственной родственницей. Но с тех пор, как он унаследовал состояние отца, они почти не виделись. Он постоянно жил в Париже с друзьями, которых она не могла одобрить.

«Мы с братом не очень ладили, – заявила мисс Кэткарт. – Он отправил сына учиться за границу, где тот находился до восемнадцати лет. После смерти брата племянник, подчиняясь воле отца, уехал в Кембридж. Я осталась душеприказчицей и опекуной Дэниса до его совершеннолетия. Не понимаю, почему брат, который всю жизнь меня игнорировал, возложил на меня такую ответственность. Но отказаться я не посмела. Во время каникул Дэниса мой дом был для него открыт, но он, как правило, предпочитал проводить время с друзьями. Не помню имени ни одного из них. После совершеннолетия Дэнис унаследовал десять тысяч фунтов дохода в год. Как я понимаю, деньги вложены в какую-то заграничную собственность. В качестве душеприказчицы я тоже унаследовала некоторую сумму, но тут же обратила ее в

надежные английские ценные бумаги. Как поступил со своими деньгами Дэнис, я не знаю. Если он жульничал в карты, то это меня не удивляет. Я слышала, что люди, с которыми он общался в Париже, того же сорта. Но я с ними незнакома и никогда не бывала во Франции».

Следующим вызвали егеря Джона Хардро. Он с женой проживает в небольшом коттедже, который расположен прямо у ворот усадьбы Риддлсдейл. Владения примерно в двадцать акров окружает крепкий забор, а ворота на ночь запираются. Хардро показал, что в среду ночью, примерно без десяти двенадцать, он услышал выстрел неподалеку от коттеджа. Сразу от его дома начинаются десять акров заповедного поля. Он решил, что это браконьеры, которые иногда охотятся там на зайцев. Отправился с ружьем на звук, но никого не заметил. Возвратился домой в час по своим часам.

Коронер. Сами вы в ту ночь стреляли?

Свидетель. Нет.

Коронер. И больше из дома не выходили?

Свидетель. Нет.

Коронер. А других выстрелов не слышали?

Свидетель. Нет, только один. Но когда я вернулся домой и лег спать, меня разбудил шофер, который поехал за врачом. Минут пятнадцать четвертого.

Коронер. Вы не нашли странным, что браконьеры стреляли так близко от вашего дома?

Свидетель. Нашел. Если браконьеры решаются охотиться, то на другой стороне заказника, ближе к болоту.

Доктор Торп сообщил, что его вызвали осмотреть покойного. Он живет в Степли, примерно в четырнадцать милях от Риддлсдейла. Шофер поднял его в три сорок пять утра, он быстро оделся и поехал с ним. В Риддлсдейл они приехали в половине пятого. Осмотрев покойного, врач пришел к выводу, что тот мертв три-четыре часа. Пуля пронзила легкие, и смерть наступила от потери крови и удушья. Раненый умер не мгновенно, еще некоторое время жил. Посмертное исследование показало, что пуля отрикошетила от ребра. Никаких свидетельств, убил ли Кэткарт себя сам или в него стреляли с близкого расстояния, врач не нашел. Других следов насилия не было.

Вместе с доктором Торпом машина привезла из Степли инспектора Крейкса, который тоже осмотрел труп. Инспектор показал, что к тому времени покойный лежал на спине между дверью в оранжерею и крытым колодцем на улице. Как только рассвело, инспектор провел осмотр дома и прилегающей территории и обнаружил кровавые следы на протяжении всей ведущей к оранжерее дорожки и свидетельства того, что тело тащили. Тропа перетекает в главную дорогу, которая ведет от ворот к парадной двери. В месте слияния начинается кустарник, который тянется по обе стороны дороги до ворот и домика егеря. Кровавые отметины вели к небольшому просвету в кустах, примерно в середине расстояния от дома до ворот. Там инспектор обнаружил большую лужу крови, пропитанный кровью носовой платок и револьвер. На платке стояли инициалы Д.К., маленький револьвер был американского типа и не имел клейма. Когда инспектор прибыл, дверь в оранжерею была заперта, а ключ вставлен с внутренней стороны.

Покойный лежал в смокинге и туфлях, но без шляпы и пальто. Одежда была не только обильно пропитана кровью, но перекошена и вымазана грязью от того, что тело тащили.

В кармане обнаружили портсигар и маленький плоский перочинный нож. Осмотрели комнату покойного: искали бумаги, письма и прочее, – но не нашли ничего, что могло бы пролить свет на обстоятельства смерти.

Затем снова вызвали герцога Денверского.

Коронер. Должен вас спросить, ваша светлость, видели ли вы у покойного револьвер?

Герцог Д. После войны – нет.

Коронер. Вы знали, что у него при себе есть оружие?

Герцог Д. Понятия не имел.

Коронер. Полагаю, вы не догадываетесь, кому принадлежит вот этот револьвер?

Герцог Д. (крайне удивленно). Это мой револьвер, из ящика стола в кабинете. Как он попал к вам? (Шум в зале.)

Коронер. Вы уверены?

Герцог Д. Абсолютно. Я видел его там совсем недавно, когда искал для Кэткарта фотографию Мэри, и, помнится, сказал, что он ржавеет от того, что лежит без дела. Вот ржавое пятно.

Коронер. Вы его запирали?

Герцог Д. Господи! Конечно, нет! Вообще не понимаю, как он там очутился. Наверное, обнаружил с другим армейским барахлом и привез сюда в августе вместе с охотничьими принадлежностями.

Коронер. На ящике стола есть замок?

Герцог Д. Да, но там обычно всегда торчал ключ. Жена предупреждала, что это легкомысленно.

Коронер. Кто-нибудь еще знал, что в столе лежит револьвер?

Герцог Д. Полагаю, знал Флеминг. Об остальных ничего не могу сказать.

Детектив-инспектор Паркер из Скотленд-Ярда прибыл только в пятницу и пока не продвинулся в расследовании далеко. Некоторые детали наводили его на мысль, что на месте трагедии находился кто-то еще, кроме тех, кого опрашивали. Но он предпочел до поры до времени об этом помалкивать.

Коронер изложил показания свидетелей в хронологическом порядке. В десять часов или немного позже между герцогом Денверским и Кэткартом произошла ссора, после которой Кэткарт покинул дом и с тех пор его никто не видел. Имеются показания мистера Петтигрю-Робинсона, что в одиннадцать тридцать герцог спустился вниз, а также свидетельство полковника Марчбэнкса, что сразу после этого было слышно какое-то движение в кабинете – то есть там, где хранился имеющийся среди улик револьвер. Этому противоречат показания самого герцога, который под присягой сказал, что до половины третьего утра не покидал спальню. Присяжным следует решить, какому из противоречащих утверждений отдать предпочтение.

Теперь по поводу ночных выстрелов. Егерь заявил, что слышал выстрел без десяти двенадцать, но предполагает, что стреляли браконьеры. Вполне вероятно, что браконьеры находились где-то поблизости. С другой стороны, утверждение леди Мэри, что она слышала выстрел примерно в три утра, не слишком хорошо вяжется с заявлением врача, который считает, что к моменту его приезда в Риддлсдейл в половине пятого Кэткарт был уже мертв в течение трех-четырёх часов. Также необходимо помнить, что, по мнению доктора Торпа, погибший после ранения умер не сразу, а еще некоторое время жил. Если принять это во внимание, то момент смерти приходится отнести к периоду между одиннадцатью вечера и полуночью. В таком случае это был скорее всего тот самый выстрел, который слышал егерь. И тогда остаются вопросы по поводу выстрела, разбудившего леди Мэри Уимзи. Хотя, если согласиться с версией о браконьерах, не исключена любая возможность.

Затем речь шла о теле погибшего, которое обнаружил герцог Денверский в три утра перед дверью в маленькую оранжерею у крытого колодца. Согласно медицинскому освидетельствованию почти не вызывает сомнений, что выстрел произошел в кустах на расстоянии семи минут ходьбы от особняка, а затем труп отволокли с того места к дому. Смерть определенно наступила в результате ранения в легкие. Присяжным предстоит решить, было ли это самоубийством или стрелял другой человек.

И далее – произвел ли он выстрел случайно, в порядке самозащиты, или по злему умыслу с целью лишить жизни. В отношении самоубийства необходимо оценить характер жертвы и обстоятельства трагедии. Покойный был молодым мужчиной в расцвете сил и явно состоятельным. Он сделал достойную военную карьеру, и его ценили друзья. Герцог Денверский отно-

сился к нему настолько хорошо, что согласился на помолвку с ним своей сестры. Были свидетельства – хотя, возможно, не вполне очевидные, – что помолвленные прекрасно друг к другу относились.

Герцог утверждает, что в среду вечером покойный объявил о своем намерении разорвать помолвку. Согласны ли присяжные, что тот мог, не сказав ни слова своей избраннице, не написав никаких объяснений, выскочить из дома и застрелиться? И еще: они должны оценить обвинения герцога в отношении жертвы. Герцог обвинил его в шулерстве. В обществе, к которому принадлежат участники данного расследования, такое обвинение страшнее обвинения в убийстве или адюльтере. Не исключено, что простое предположение такого греха – неважно: обоснованное или нет – могло заставить джентльмена с ранимой натурой покончить с собой.

Но был ли покойный человеком достойным? Он получил образование во Франции. А французские представления о чести в корне отличаются от британских. Коронер по юридическим делам общается с французами и просит незнакомых с ними присяжных учитывать разницу в стандартах. К сожалению, содержащее детали обвинения письмо присяжным не представлено. Присяжные также могут задаться вопросом: не естественнее ли для самоубийцы выстрелить в голову? Как покойный завладел револьвером? И наконец: кто притащил труп к дому, зачем взял на себя этот труд, рискуя погасить в раненом последнюю искру жизни (буквально), вместо того чтобы разбудить домочадцев и вызвать помощь?

Если самоубийство исключается, остается несчастный случай, непредумышленное убийство или убийство. Если принять первое за основную версию и посчитать, что покойный или другое лицо взяли с некоей целью револьвер герцога Денверского – посмотреть, почистить, пострелять – и в это время произошел нечаянный выстрел, – остается вердикт «убийство по неосторожности». В таком случае как присяжные объяснят поведение того человека – кто бы он ни был, – который притащил труп к двери?

Далее коронер перешел к разъяснению, как закон определяет понятие «непредумышленное убийство». Он напомнил, что любые слова – как значимые, так и лишённые смысла – не являются достаточным оправданием убийства кого бы то ни было, конфликт должен быть внезапным и непреднамеренным. Не считают ли они, например, что герцог вышел из дома, желая вернуть гостя и убедить лечь спать в доме, а тот ответил кулаками или угрозами? Герцог, имея при себе револьвер, выстрелил в целях самообороны, и в таком случае получается, что произошло непредумышленное убийство. Тогда возникает вопрос: зачем герцог последовал за гостем со смертельным оружием в руке? И это предположение противоречит показаниям самого герцога.

И последнее: присяжные должны решить, достаточно ли свидетельств злого умысла, чтобы вынести вердикт о преднамеренном убийстве; имел ли кто-нибудь мотив, средства и возможность убить жертву; можно ли объяснить поведение этого человека другими предположениями; не является ли оно подозрительным или скрытым; не пытается ли он утаить относящиеся к делу улики или (тут коронер, глядя поверх головы герцога, заговорил с большим напором) сфабриковать такие, которые бы запутали следствие. Этого было бы достаточно для определения окончательной презумпции вины некоей стороны и вынесения вердикта о виновности этой стороны в совершении преднамеренного убийства.

Коронер также добавил, что при рассмотрении вопроса в данном ключе они должны исходить из собственного разума – человек, притащивший труп к двери оранжереи, сделал это в попытке оказания помощи или же с целью столкнуть тело в садовый колодец, который, как явствует из слов инспектора Крейкса, находится рядом с тем местом, где обнаружили покойного. Если присяжные сочтут, что жертву убили, но на основании имеющихся улик не будут готовы обвинить определенное лицо, то могут вынести обвинительный вердикт против неизвестного или неизвестных. Но если они считают доказанной чью-то вину в этом убийстве, то не должны допустить, чтобы чувство уважения к кому-либо мешало им исполнить свой долг.

Руководствуясь этими простыми советами, присяжные коротко посоветовались и без проволочек вынесли обвинительный вердикт против герцога Денверского в преднамеренном убийстве.

Глава 2

Зеленоглазый кот

Привет, гончий пес!

По следу скользит твой нос.

Д. Уайт-Мелвилл.

Пей, щенок, пей...

Некоторые считают завтрак самой приятной трапезой дня. Другие, не столь крепкие, – худшей, а воскресный завтрак из всей недели наихудшим. Судя по лицам собравшихся за столом в Риддлсдейл-лодже, завтрак вовсе не шел им на пользу – не способствовал укреплению ни физических, ни духовных сил. Лишь достопочтенный Фредди Арбатнот не был ни зол, ни обескуражен – молчал и увлеченно пытался выковырять из копченой сельди весь скелет целиком. Появление такой неблагородной рыбы на завтраке герцогини свидетельствовало о непорядке в хозяйстве.

Герцогиня Денверская разливала кофе. Это была одна из самых неудобных для остальных ее привычек: опоздавшие на завтрак болезненно сознавали свою нерадивость. Женщина с длинной шеей и прямой спиной, она приучала к дисциплине свои волосы и детей: никогда не злилась, не терялась и не показывала своего гнева, отчего он ощущался еще сильнее.

Полковник Марчбэнкс с женой сидели рядом. В них не было ничего особо прекрасного, кроме ровной взаимной привязанности. Миссис Марчбэнкс не злилась, хотя в присутствии герцогини испытывала неудобство, поскольку не могла выразить ей своего сочувствия. Если человека жалеешь, то называешь его бедняжкой или бедной. А поскольку назвать герцогиню бедняжкой совершенно невозможно, то и пожалеть ее толком нельзя. Это выводило миссис Марчбэнкс из равновесия, а полковник пребывал в замешательстве и сердился. В замешательстве – потому что не знал, о чем разговаривать в доме, где хозяина арестовали по обвинению в убийстве. А злился на повисшее над столом уныние, ибо сезон охоты не должны портить никакие неприятные инциденты.

Миссис Петтигрю-Робинсон не просто злилась, а была в ярости. Еще девочкой она приняла напечатанный на школьной тетради девиз: «Quocunque honesta»⁵. Она искренне полагала, что не следует забивать себе голову тем, что портит настроение. И в среднем возрасте так же старательно избегала газетных статей под заголовками вроде: «Нападение на школьного учителя в Крикльвуде», «Смерть в пабе», «75 фунтов за поцелуй» или «Она называла его родственником мужа». Миссис Петтигрю-Робинсон всегда говорила, что нет ничего хорошего в том, чтобы узнавать о таких вещах.

Она жалела, что согласилась приехать в Риддлсдейл-лодж. Леди Мэри она никогда не любила: считала неприятным образцом современных независимых молодых женщин. И помнила очень недостойный случай связи с большевиком, когда во время войны леди Мэри работала в Лондоне санитаркой. Миссис Петтигрю-Робинсон несколько не интересовал капитан Кэткарт: ей не нравились молодые мужчины подобной навязчивой красоты, – но поскольку муж изъявил желание погостить в Риддлсдейле, ей следовало находиться рядом. И она не виновата в таком печальном результате.

Сам же мистер Петтигрю-Робинсон злился, поскольку детектив из Скотленд-Ярда, когда осматривал дом и округу в поисках следов, отказался от его помощи. Будучи старше и обладая опытом в подобных делах (мистер Петтигрю-Робинсон служил мировым судьей графства), он

⁵ Добродетель превыше всего (лат.).

вызвался помочь. Ему не только отказали, но в грубой форме попросили выйти из оранжереи, где он пытался реконструировать события с точки зрения леди Мэри.

Неприятные чувства в компании не были бы такими острыми, если бы не присутствие детектива. Тихий молодой мужчина в твидовом костюме сидел рядом с солиситором⁶ Мерблсом и ел карри. Он приехал из Лондона в пятницу, раскритиковал местную полицию и резко разошелся во мнениях с инспектором Крейксом. Следственную информацию он держал в тайне, а ведь если подать ее открыто, арест герцога Денверского можно было бы предотвратить. Детектив бесцеремонно обошелся с несчастными гостями, пообещав проверить каждого, и устроил компании жуткий день. А в довершение всего объявил себя близким другом лорда Питера Уимзи, на этом основании поселился в домике егеря и заявился на завтрак в особняк.

Мистер Мерблс был уже в годах и страдал от капризов желудка. Он поспешно приехал вечером в четверг и нашел, что расследование ведется не так, как следует, а его клиент непроходимо упрям в своих показаниях. Он всеми силами пытался связаться с королевским адвокатом Импи Биггсом, но тот, не оставив координат, куда-то исчез на выходные. Мерблс жевал маленький сухой тост, и ему невольно понравился детектив, который называл его «сэр» и предлагал масло.

– В церковь кто-нибудь собирается? – спросила герцогиня.

– Мы с Теодором хотели бы, если это не доставит слишком много хлопот, – ответила миссис Петтигрю-Робинсон. – Хотя мы можем пойти и пешком, ведь церковь не *слишком* далеко.

– В добрых двух с половиной милях, – уточнил полковник Марчбэнкс.

Мистер Петтигрю-Робинсон кинул на него благодарный взгляд.

– Разумеется, вы отправитесь на машине, – пообещала герцогиня. – Я тоже поеду.

– Вот как? – удивился достопочтенный Фредди. – Не боитесь, что станете там объектом всеобщего внимания?

– Право же, Фредди, – усмехнулась герцогиня, – какое мне до этого дело?

– Ну как же, говорят, что здесь живут только социалисты и методисты...

– Методисты в нашу церковь не ходят, – заметила миссис Петтигрю-Робинсон. – Методистов там не будет.

– Полагаете? – не согласился Фредди. – Еще как придут, если решат, что там будет на что посмотреть. Для них это интереснее, чем похороны.

– В этом деле надо руководствоваться долгом, а не стремлением к приватности, – сказала миссис Петтигрю-Робинсон. – Особенно в наше время, когда люди настолько безвольны. – Она покосилась на Фредди.

– О, миссис П., – мило улыбнулся тот, – не обращайтесь на меня внимания. Все, что я хотел сказать: если эти господа поведут себя непотребно, не вините меня.

– Кому может прийти в голову вас винить, Фредди? – удивилась герцогиня.

– Не меня, так мою манеру изъясняться.

– А вы что думаете по этому поводу? – обратилась ее светлость к мистеру Мерблсу.

– Полагаю, – ответил солиситор, осторожно помешивая кофе, – хотя ваше намерение прекрасно и делает вам честь, мистер Арбатнот все-таки прав в своем мнении, что это может привлечь к вам... э-э-э... некоторое ненужное внимание. Я сам всегда считал себя искренним христианином, но думаю, что вера не требует, чтобы мы выставлялись напоказ в таких незавидных обстоятельствах.

При этих словах Паркер вспомнил изречение лорда Мельбурна⁷.

⁶ В Великобритании представитель одной из адвокатских профессий; ведет дела в судах графств, подготавливает материалы для барристеров; вести дела в высших судах права не имеет.

⁷ Премьер-министр Великобритании. «Дело совсем уж скверно, если религии позволено вмешиваться в личную жизнь».

– В конце концов, – вмешалась миссис Марчбэнкс, – Хелен права: какое это имеет значение? Нам всем нечего стыдиться. Совершенно очевидно, что произошла глупейшая ошибка, и я не понимаю: если кому-то хочется в церковь, почему бы не сходить?

– Согласен, дорогая, согласен, – тепло кивнул полковник. – Мы должны прислушиваться только к себе. Давай так и поступим, а перед проповедью уйдем. Покажем им всем, что не верим, будто старина Денвер наломал дров.

– Ты не забыл, дорогой, – перебила его жена, – что я обещала Мэри остаться с ней? Бедная девочка...

– Конечно, конечно! Как глупо с моей стороны, – кивнул полковник. – Как она?

– Всю прошлую ночь не могла найти себе места, – ответила герцогиня.

– Может, сегодня утром хоть немного поспит. Какой удар для нее!

– Который еще может оказаться для нее благом, – заметила миссис Петтигрю-Робинсон.

– Дорогая! – одернул ее муж.

– Интересно, когда мы что-нибудь услышим от сэра Импи? – поспешно спросил полковник Марчбэнкс.

– В самом деле, – протянул Мерблс. – Я рассчитываю на его влияние на герцога.

– Разумеется, – поддержала его миссис Петтигрю-Робинсон. – Герцог должен объясниться ради всеобщего блага: сказать, что делал на улице в такое время, – а если откажется, это обязательно нужно расследовать. Ведь именно для этого предназначены детективы. Не так ли?

– Таково их неблагодарное занятие, – подтвердил Паркер. Он долго молчал, и окружающие вздрогнули от его неожиданной реплики.

– Вот именно, – согласилась миссис Марчбэнкс. – Надеюсь, мистер Паркер, что со временем вы все проясните. Возможно, у вас уже есть на примете настоящий убийца... то есть подозреваемый, но вы не хотите об этом говорить.

– Не совсем так, – покачал головой Паркер. – Но я сделаю все, что от меня зависит. И кроме того, – он улыбнулся, – я рассчитываю на помощь.

– Чью? – поинтересовался мистер Петтигрю-Робинсон.

– Брата его светлости.

– Питера? – переспросила герцогиня. – Мистера Паркера, должно быть, забавляет семейный сыщик-любитель.

– Ничего подобного, – возразил Паркер. – Уимзи, если бы не его лень, был бы одним из лучших детективов в Англии. Но мы никак не можем с ним связаться.

– Я отправил ему в Аяччо телеграмму до востребования, – сообщил Мерблс. – Но понятия не имею, собирался ли он туда заезжать. Он не говорил, когда собирается вернуться в Англию.

– Перелетная птица, – бесцеремонно заявил Фредди. – Сегодня здесь, завтра там. Но теперь ему надлежит быть дома. Если что-то не так с герцогом, глава семьи он. И, пока не созреет молодежь, должен всем заправлять.

Его слова были встречены напряженным молчанием. И в это время в тишине явственно раздался стук вставляемой в стойку для зонтов трости.

– Это еще кто? – удивилась герцогиня.

Дверь легко распахнулась.

– Доброе утро всей честной компании! – весело поздоровался вошедший. – Здравствуй, Хелен. Полковник, вы с прошлого сентября должны мне полкроны. Доброе утро миссис Марчбэнкс, доброе утро, миссис П. Мистер Мерблс, как вам нравится эта отвра... несносная погода? Фредди, не трудитесь вставать, мне претит мысль, что я доставляю вам неудобство. Паркер, старина, вы тот самый человек, на которого можно положиться, такой же верный помощник, как патентованное притирание. Вы уже закончили завтрак? Я хотел подняться раньше, но так храпел, что у Бантера не хватило духу меня разбудить. Чуть было не заявился к вам вчера

ночью, но мы бы прибыли не раньше двух. Вы бы вряд ли обрадовались такому гостю. Что-то хотели спросить, полковник? Самолетом. «Викторией» из Парижа в Лондон. Из Северо-Западного округа в Норталлертон. Остаток пути – невозможные дороги, и перед самым Риддлсдейлом прокол колеса. Отвратительнейшая кровать в «Лорд-ин-Глори». Надеялся, что хоть здесь застану кусок колбасы. Неужели? Воскресное утро в английской семье – и никакой колбасы? Господи, куда катится мир? Может, вы мне скажете, полковник? Ну так что, Хелен, Джеральд в самом деле вляпался? Не надо было спускаться с него глаз. Он всегда норовил угодить в какие-нибудь неприятности. Это что такое? Карри? Спасибо, старина. Только кладите побольше. Я три дня был в дороге. Фредди, передайте тост. Большое спасибо. Миссис Марчбэнкс, вы что-то сказали? Корсика – презабавнейшее место. Черноглазые парни с кинжалами за поясом и веселые симпатичные девушки. В одном местечке старина Бантер закрутил продолжительный роман с дочерью хозяйки гостиницы. Кто бы мог подумать, что этот негодяй такой влюбчивый. Боже, как я голоден! Хелен, я хотел привезти из Парижа красивого крепдешина, но не успел купить – прослышал, что Паркер отбивает по части кровавых пятен мой хлеб. Мы тут же собрались – и вперед.

Миссис Петтигрю-Робинсон поднялась из-за стола.

– Теодор, думаю, нам пора собираться в церковь.

– Я вызову машину, – сказала герцогиня. – Питер, чрезвычайно рада тебя видеть. Ты не оставил адреса, и это было очень неудобно. Жаль, что ты не успел повидаться с Джеральдом.

– Все в порядке, – весело ответил лорд Питер. – Знаешь, а это довольно удачная мысль – совершать преступления в кругу семьи. Появляется гораздо больше возможностей. А вот Полли мне жаль. Как она?

– Ее сегодня лучше не тревожить, – решительно заявила герцогиня.

– И в мыслях этого не было. Уверен, она выдержит. Сегодня у нас с Паркером кровавый пир: он мне покажет эти чертовы следы. Не волнуйся, Хелен: это не ругательство, а фигура речи. Надеюсь, их не смыли?

– Нет, – ответил Паркер. – Большинство из них я накрыл цветочными горшками.

– Тогда перейдем к делу, – предложил лорд Питер. – Рассказывай.

После ухода верных приверженцев церковных служб атмосфера стала менее напряженной. Миссис Марчбэнкс протопала по лестнице сказать Мэри, что приехал лорд Питер, а полковник закурил длинную сигару. Фредди встал, потянулся, пододвинул кожаное кресло к камину и сел, положив ноги на решетку. Паркер обогнул его и налил себе еще одну чашку кофе.

– Полагаю, ты познакомился с материалами.

– Да, прочитал протоколы дознания, – кивнул лорд Питер. – Такое впечатление – если позволите так выразиться, – что свидетели главным образом поливали друг друга грязью.

– Постыдное чтиво, – добавил Мерблс. – Позор. Коронер вел себя неподобающе. Не в его компетенции делать подобные выводы. Чего еще ждать, если присяжные сплошь деревенщины. А какие всплывали подробности! Жаль, я не мог оказаться здесь раньше...

– Боюсь, Уимзи, это отчасти моя вина, – покаялся Паркер. – У Крейкса на меня зуб. Начальник полиции в Степли связался с нами через его голову. Когда пришло сообщение, я бросился к начальнику и попросил это дело. Решил, что, если возникнут сложности и недопонимание, ты тут же поможешь мне, как никто другой. У меня до этого было назначено несколько коротких встреч по делу о подлоге, которое я веду, туда-сюда, и в результате успел только на ночной экспресс. Когда я появился здесь в пятницу, Крейкс с коронером уже вовсю спелись и назначили дознание на сегодняшнее утро, что само по себе смехотворно. Они устроили так, чтобы их чертовы улики были представлены как можно драматичнее. Я же успел познакомиться с обстановкой только поверхностно. Да и то все было истоптано следами Крейкса и его дуболомов-помощников из местной полиции. Поэтому ничего не мог предложить присяжным.

– Взбодрись, – успокоил его Уимзи. – Я тебя несколько не виню. Кроме того, это все добавит погоне азарта.

– Положение таково, – вмешался Фредди, – что уважаемый коронер нас недолюбливает. Мы для него ветренные аристократы и распутные французы. Жаль, Питер, что вы разминувшись с Лидией Кэткарт. Она вернулась в Голдерс-Грин и увезла тело.

– Не страшно, – ответил Уимзи. – Не думаю, что на трупе оставались какие-то тайны.

– Ничего особенного, – подтвердил Паркер. – Если полагаться на медицинскую экспертизу, жертве прострелили легкие. И это все.

– Только учтите, – предупредил Фредди, – он не сам в себя стрелял. Я промолчал, не желая противоречить старине Денверу, но все рассуждения о том, что Кэткарт настолько расстроился, что решил покинуть этот мир, полная чушь.

– Почему вы так считаете? – поинтересовался Питер.

– Мы вместе поднимались наверх, в спальни. Я был не в настроении – изрядно потерял в акциях, утром все время мазал, проиграл спор с полковником по поводу числа подушечек на лапах кухонного кота. И прямо заявил Кэткарту, что наш мир безнадежно глуп, или что-то в этом роде. Несколько, возразил он. Наш мир прекрасен. На следующий день он собирался согласовать с Мэри дату бракосочетания, после чего они бы уехали жить в Париж, где лучше знают толк в сексе. Я буркнул какую-то ерунду, и он, насвистывая, оставил меня.

Паркер мрачно посмотрел на него. Полковник Марчбэнкс кашлянул.

– Что спрашивать с таких, как Кэткарт? Ничего. Французское воспитание, сами понимаете. Совсем не то, что прямолинейный англичанин. Взлет – падение, туда-сюда – жалко парня. Что ж, Питер, надеюсь, вы с мистером Паркером разберетесь в ситуации. Негоже, чтобы старина Денвер сидел в тюрьме: неподходящее для него место. Да и дичи много в этом году. Полагаю, мистер Паркер, вы пойдете в инспекционный обход? Не покатаь ли нам шары на бильярде, Фредди?

– Отчего же не покатаь? Только дайте мне сотню очков форы.

– Чепуха, – добродушно рассмеялся ветеран. – Вы прекрасный игрок.

Когда мистер Мерблс удалился, Уимзи и Паркер переглянулись поверх остатков завтрака.

– Питер, – начал детектив, – не знаю, правильно ли я поступил, заявившись сюда. Если ты считаешь...

– Будет тебе, старина, – перебил его товарищ. – Хватит деликатничать. Станем работать над этим делом, как над любым другим. Всплывет что-нибудь неприятное, я предпочитаю, чтобы свидетелем стал ты, а не кто-то другой. Интересная загадка в своем роде, и я собираюсь хорошенько потрудиться.

– Если ты уверен, тогда все в порядке...

– Вот что, дорогой: если бы тебя здесь не оказалось, я бы сам за тобой послал. А теперь к делу. Я, разумеется, исхожу из предположения, что старина Джеральд не убивал.

– Конечно, не убивал, – согласился Паркер.

– Нет-нет, – покачал головой Уимзи. – Это не твоя роль. Никаких непродуманных выводов, никакого доверия. Твоя задача – остужать мои надежды холодной водой и подвергать сомнению мои заключения.

– Договорились. С чего хочешь начать?

– Давай начнем со спальни Кэткарта, – подумав, предложил Уимзи.

Комната покойного оказалась умеренных размеров, с расположенным над центральным входом единственным окном. Кровать стояла справа, туалетный столик – перед окном, слева – камин, перед ним кресло и маленький письменный стол.

– Все как было, – заметил Паркер. – Крейкс придает этому большое значение.

– Прекрасно. Джеральд заявил, что, когда он обвинил Кэткарта в шулерстве, тот так подпрыгнул, что чуть не перевернул стол. Вот этот письменный стол. Следовательно, Кэткарт сидел в кресле и, оттолкнув стол, смял этот ковер. Пока все сходится. Теперь: чем он занимался за столом? Чем угодно, только не читал. Книги нигде нет. А ведь мы знаем, что он второпях выскочил из комнаты и больше сюда не вернулся. Может, писал? Тоже нет. Промокательная бумага кристально чистая.

– Он мог писать карандашом, – предположил детектив.

– Согласен, губитель моих теорий, мог. И засунул лист в карман, когда явился Джеральд, потому что здесь никакого листа нет. Но и в карман не засовывал, поскольку на теле его не нашли. Следовательно, он не писал.

– Если не забросил бумагу куда-нибудь еще, – не сдавался Паркер. – Я не всю территорию обошел. Примитивный расчет показывает, если услышанный Хардро выстрел в одиннадцать пятьдесят – *тот самый*, что у нас неучтенных полтора часа.

– Хорошо. Давай так – нет никаких свидетельств того, что Кэткарт писал. Что это нам дает? Ну, следовательно...

Лорд Питер достал лупу, внимательно осмотрел поверхность кресла и только после этого в него сел.

– Ничего полезного, – заключил он. – Ясно одно: Кэткарт сидел там, где теперь сижу я. Он ничего не писал. Он... Ты уверен, что в комнате ничего не трогали?

– Абсолютно.

– Тогда он также и не курил.

– Почему нет? Когда пришел Денвер, он мог выбросить остаток сигары или окурки сигареты в огонь камина.

– Только не сигареты, – покачал головой Питер. – Иначе мы обнаружили бы где-нибудь следы: на полу, на решетке. Легкий пепел разлетается по сторонам. Другое дело сигара: он мог курить сигару, не оставляя следов, – но думаю, что и этого не было.

– Почему?

– Потому что я считаю, старина, что в словах Джеральда есть элемент правды. Разнервничавшийся человек не станет утонченно наслаждаться сигарой перед сном и следить, куда падает пепел. Хотя, с другой стороны, если Фредди прав и Кэткарт был спокоен и доволен жизнью, его поведение могло быть именно таким.

– Тебе не кажется, что мистер Арбатнот все это сочинил? – задумчиво спросил Паркер. – Хотя на меня он не произвел такого впечатления. Чтобы такое сочинить, требуется воображение и недоброжелательность. По-моему, эти качества за ним не водятся.

– Согласен, – кивнул лорд Питер. – Я знаю Фредди всю свою жизнь, он мухи не обидит. И к тому же у него не хватит мозгов сочинить такой рассказ. Тревожит другое: у Джеральда тоже недостаточно воображения, чтобы сочинить такую драму, как в театре «Адельфи» – изобразить настоящие страсти между собой и Кэткартом.

– Хотя, с другой стороны, если мы на секунду представим, что это он стрелял в Кэткарта, придется согласиться, что у него был мотив. Если все настолько усложняется – это стимул для обострения воображения. И еще: приведенная история выдает неопытного рассказчика.

– Господи, ты топчешь все мои открытия. Ладно. Я ранен, но не сломлен. Кэткарт сидел здесь...

– Так утверждает твой брат.

– Будь ты неладен! Я говорю, что сидел. По крайней мере, кто-то сидел и оставил на подушке вдавленный отпечаток своего сидалища.

– Отпечаток мог остаться с более раннего времени дня.

– Вздор! В доме целый день никого не было. Не перегибай со своим саддукейским подходом, Чарлз. Я утверждаю, что здесь сидел Кэткарт. И вот пожалуйста. – Лорд Питер наклонился к решетке. – Здесь кусочки сгоревшей бумаги!

– Видел. Вчера я пришел в восторг, когда их обнаружил, но нашел точно такие же в других комнатах. Это растопка. В спальнях часто разжигают огонь днем, когда хозяев нет дома, а потом еще, за час до ужина. Из прислуги здесь только повар, горничная и Флеминг – маловато, чтобы обслуживать такую большую компанию.

Лорд Питер поднял обгоревшие кусочки.

– Нечего возразить, – грустно согласился он. – И эти фрагменты «Морнинг пост» лишнее тому подтверждение. Остается предположить, что Кэткарт сидел здесь в минорном настроении и абсолютно ничего не делал. Боюсь, это нас никуда не ведет.

Он встал и подошел к туалетному столику.

– Хорошие туалетные приборы из черепахового панциря. И одеколон «Бэзер дю суар» тоже очень приятен. Не знал такого. Надо обратить внимание Бантера. Очень милый маникюрный набор. Я сам люблю чистоту и аккуратность. Но Кэткарт был из тех людей, которые явно *чересчур* увлечены уходом за собой. Бедолага! В итоге он будет похоронен в Голдерс-Грин. Я видел его всего раз или два. Он старался создать впечатление, что знает все обо всем. Я удивился выбору Мэри, хотя понимаю, что чертовски мало ее знаю. Когда грянула война, она только окончила школу и жила в парижском доме. Вернулась, когда я уже поступил на военную службу. Ухаживала за ранеными, занималась общественной работой, так что мы почти не виделись. Она тогда увлекалась теориями, как сделать мир правильным, и нам не о чем было разговаривать. За ней ухаживал некий пацифист – как я понимаю, отменный красавец. Затем я заболел, потом получил отставку от Барбары, и мне больше не хотелось тревожиться о сердечных делах других, а после с головой погрузился в алмазное дело Аттенбери, и вот результат: я очень мало знаю свою сестру. Но похоже, что ее вкусы в отношении мужчин изменились. Мать говорила, что в Кэткарте было обаяние. Это, как я понимаю, означает, что он привлекал женщин. Ни один мужчина не объяснит, как это удастся другому мужчине. Но мама обычно всегда права. Что там с документами жертвы?

– Их здесь очень мало, – ответил Паркер. – Есть чековая книжка отделения «Кокса» на Чаринг-Кросс, но она новая и мало что дает. Держал там небольшие суммы для удобства, когда приезжал в Англию. Тратил на себя – расплачивался за отели, с портным.

– Больше никаких банковских книжек?

– Полагаю, все его важные документы в Париже. У него там квартира где-то у реки. С парижской полицией мы на связи. Еще у него есть комната в Олбани. Я просил ее закрыть до моего приезда. Хотел прокатиться туда завтра.

– Да, это правильно. Как насчет бумажника?

– Бумажник нашли. В нем около тридцати фунтов в разных купюрах, карточка виноторговца и счет за бриджи для верховой езды.

– Никакой корреспонденции?

– Ни строки.

– Ни строки... – повторил Уимзи. – Как я понимаю, он был из тех, кто не хранит писем. Инстинкт самосохранения.

– Да. Кстати, я спрашивал слуг по поводу его писем. Те подтвердили, что он получал их изрядное количество, но никогда не оставлял. Сколько писал сам, они не знают, поскольку Кэткарт бросал их в почтовый мешок, который относили на почту и вскрывали только там, или отдавал в руки почтальону, если тот приходил. Но складывается впечатление, что писал он не особо много. Горничная утверждает, что в мусорной корзине не находила ничего, что свидетельствовало бы об обратном.

– На редкость ценные сведения. Постой! Вот его вечная ручка. Очень красивая, в золотом корпусе. Смотри, совершенно пустая! Правда, не представляю, какой из этого следует вывод. Кстати, нет ни одного карандаша. Это мне подсказывает, что ты ошибся, предположив, что он писал письма карандашом.

– Я ничего не предполагал, – мягко возразил Паркер.

Лорд Питер отошел от туалетного столика, взглянул на содержимое шкафа и перевернул пару-тройку книг на прикроватной полке.

– «Харчевня королевы «Гусиные лапы», «Аметистовый перстень»⁸, «Южный ветер»⁹ (Наш юный друг очень верно придерживался типажа.), «Хроника кадета Кутра»¹⁰ (Только этого не хватало!), «Манон Леско»¹¹. Хм! Есть еще что-нибудь в этой комнате, на что мне стоит взглянуть?

– Пожалуй, нет. Куда хочешь направиться дальше?

– Вниз. Постой, чьи здесь еще комнаты? Эта, помнится, Джеральда. Хелен сейчас в церкви. Вот и заглянем. Пыль здесь, конечно, вытирали и сделали ее непригодной для осмотра.

– Боюсь, что так. Но я не смог бы выставить герцогиню из ее собственной спальни.

– Разумеется. Вот окно, из которого кричал Джеральд. На каминной решетке, конечно, ничего нет – огонь с тех пор разводили. Интересно, куда Джеральд подевал то письмо – я имею в виду от Фриборна.

– Никому не удалось вытянуть из него ни слова по этому поводу, – произнес Паркер. – Старый мистер Мерблс пытался выяснить, но ничего не добился. Герцог настаивает, что он его просто уничтожил. Мерблс считает, что это абсурд. И это справедливо. Если герцог хотел выдвинуть обвинения против жениха сестры, ему бы потребовались доказательства своих утверждений. Или он, как один из тех римских братьев, хотел просто провозгласить: «Как глава семьи, я запрещаю ваш брак, и этого достаточно»?

– Джеральд добрый, приличный, порядочный, хорошо воспитанный выпускник привилегированной школы – и невозможный осел. Но не думаю, что у него настолько средневековые повадки.

– Но если письмо у него, почему бы его не предъявить?

– А действительно, почему? Письма от однокурсников и друзей из Египта, как правило, не компромат.

– А нельзя ли предположить, – осторожно начал Паркер, – что в письме содержится... упоминание о давнишней... э-э-э... любовной связи твоего брата... и он не хотел, чтобы о ней узнала герцогиня.

Лорд Питер помолчал, рассматривая ряд обуви, и наконец ответил.

– Это дельная мысль. Бывали интрижки, хоть и незначительные, но Хелен раздула бы из этого пожар по максимуму. – Лорд Питер присвистнул. – И все же, когда дело пахнет виселицей...

– Неужели, Уимзи, ты полагаешь, что твой брат допускает возможность виселицы?

– Думаю, Мерблс ему достаточно недвусмысленно это объяснил.

– Так-то оно так. Но неужели он и впрямь считает – пускай исключительно в воображении, – что английского пэра можно повесить на основании косвенных улик?

Лорд Питер задумался над этим вопросом.

⁸ Романы А. Франса.

⁹ Роман Н. Дугласа.

¹⁰ Роман А. Эрмана.

¹¹ Роман А. Прево, известного как аббат Прево.

– Воображение не самая сильная сторона Джеральда, – признал он наконец. – По-моему, пэров всегда именно вешали... Им же не отрубали голову на площади Тауэр-хилл или что-то в этом роде?

– Я это выясню, – пообещал Паркер. – Но графа Феррерса совершенно точно повесили в 1760 году.

– Неужели? Что ж, как сказал старый язычник о Евангелии, «это было давно, и будем надеяться – неправда».

– Правда, – подтвердил Паркер. – А потом его вскрыли и анатомировали. Но эту часть процедуры больше не соблюдают.

– Мы обязательно расскажем об этом Джеральду, – заявил лорд Питер, – и убедим его отнестись к делу серьезно. В каких сапогах он ходил в среду вечером?

– Вон в тех, – показал Паркер, – но эти идиоты их почистили.

– Вижу. Ага! Добротные тяжелые высокие сапоги со шнуровкой. Способствуют приливу крови к голове.

– Еще на нем были бриджи. Вот эти.

– Весьма тщательный выбор наряда для простой прогулки по саду. Однако, как ты наверняка собираешься заметить, ночь была сырой. Надо спросить у Хелен, не мучился ли Джеральд бессонницей.

– Я спрашивал. Она ответила, что обычно – нет, но иногда у него болели зубы, и он не мог уснуть.

– Но зубная боль не гонит человека на улицу в холодную ночь. Ладно, пойдем вниз.

Они миновали бильярдную, где в этот момент полковник очень красиво закатил шар, и вошли в пристроенную к ней небольшую оранжерею.

Лорд Питер мрачно обвел взглядом хризантемы и ящики с цветочными луковицами.

– Чертовы цветы выглядят отменно здоровыми. Получается, ты каждый день позволял садовнику копошиться здесь, чтобы их поливать?

– Позволял, – подтвердил Паркер извиняющимся тоном. – Но дал строгие инструкции ходить только по циновкам.

– Хорошо. Убирай их, и приступим к работе.

Держа перед глазами лупу, Уимзи внимательно осмотрел пол.

– Полагаю, все ходили этим путем?

– Да, – ответил Паркер. – Я опознал большинство следов. Люди входили и выходили. Вот это герцог. Шел с улицы. Перешагнул тело. (Паркер открыл внешнюю дверь и поднял циновки, чтобы показать окрашенную кровью утопанную гравийную тропинку). Возле тела он опустился на колени. Вот отпечатки коленей, вот – ступней. Затем направился через оранжерею в дом, оставляя внутри следы черной грязи и гальки.

Лорд Питер осторожно присел на корточки над отпечатками и внимательно рассмотрел.

– Повезло, что здесь такой податливый гравий.

– Да. Это единственный подобный участок. Садовник объяснил: здесь так растоптано и грязно потому, что он регулярно ходит к бадье наполнять лейки. Бадью постоянно пополняют из колодца, а потом воду переносят в лейках. В этом году здесь особенно топко, поэтому несколько недель назад положили новый гравий.

– Жаль, не распространили свое благое намерение на всю дорожку, – проворчал лорд Питер, неустойчиво балансируя на куске мешковины. – Пока все подтверждает слова старины Джеральда. Что за слон наступал сбоку от ящика? Кто таков?

– А, это констебль. Навскидку больше центнера весом. Он нам неинтересен. Вот резиновая подошва Крейкса, с характерным рисунком. Он тут везде наследил. Вот смазанные отпечатки домашних тапочек Арбатнота, а калоши – мистера Петтигрю-Робинсона. О них мы

можем забыть. Но вот через порог ступила женская нога в крепкой обуви. Полагаю, леди Мэри. Вот опять у края колодца. Подошла поглядеть на тело.

– Да, – кивнул лорд Питер, – и вернулась, подцепив на сапожок несколько красных камешков. Все правильно.

На внешней стене оранжереи висели полки для мелких растений, а под ними – огороженный рядом горшков с крупными хризантемами – располагался унылый клочок влажной земли, где беспорядочно торчали вытянутые жилистые кактусы и стелились папоротники.

– Что тебя заинтересовало? – спросил Паркер, видя, как его друг вглядывается в зеленый уголок.

Лорд Питер извлек свой длинный нос из промежутка между двумя горшками и спросил:

– Кто и что сюда ставил?

Паркер поспешил к другу. Среди кактусов виднелся ясный отпечаток некоего длинного предмета с четкими углами, который когда-то стоял вне поля зрения за горшками.

– Хорошо еще, что садовник Джеральда не из тех добросовестных идиотов, которые даже кактус не могут оставить на зиму в покое, – проговорил лорд Питер. – Упорно поднимают поникшие головки до тех пор, пока несчастное растение не превратится в красного дикобраза. Измерь.

Паркер измерил.

– Два с половиной фута на шесть дюймов, – сказал он. – Приличного веса: вдавилось в землю и поломало растение. Что это было? Поддон от чего-то?

– Не похоже, – возразил лорд Питер. – Земля вдавлена сильнее с дальнего края. Такое впечатление, что здесь стояло что-то громоздкое и прислоненное к стеклу. Если хочешь знать мое мнение, это был чемодан.

– Чемодан? – удивился лорд Паркер. – Зачем сюда ставить чемодан?

– И в самом деле, зачем? Можно предположить, что он простоял здесь недолго. Днем его бы заметили. Но кто-то вполне мог быстро сунуть чемодан сюда, если его с ним застукали – скажем, в три часа утра, – чтобы спрятать с глаз.

– В таком случае когда же его забрали?

– Почти сразу, надо думать. До рассвета. Иначе его не проглядел бы даже инспектор Крейкс.

– Полагаю, это не чемоданчик врача?

– Нет, если только он не полный дурак. С какой стати оставлять медицинский чемодан в грязном сыром месте, когда по всем законам здравого смысла и удобства его следовало бы разместить рядом с телом? Если не брать в расчет садовника и Крейкса, в среду вечером что-то здесь спрятать могли только Джеральд, Кэткарт или, скажем, Мэри. И никто другой.

– Да, – согласился Паркер. – Но здесь был еще один человек.

– Кто?

– Назовем его Неизвестной Личностью.

– Кого?

Вместо ответа Паркер гордо шагнул к циновке, аккуратно уложенной на деревянные рамки, и с видом епископа, снимающего покрывало с памятника, продемонстрировал V-образную линию следов.

– Не принадлежат никому, кого я видел или о ком слышал.

– Ура! – воскликнул лорд Питер. – «Следы ведут на косогор, отчетливо видны...»¹²

– Не радуйся раньше времени, – заметил Паркер. – Скорее подходят другие строки: «Следы пересекают мост... а дальше чистый снег»¹³.

¹² У. Вордсворт «Люси Грей». Пер. Игн. Ивановского.

¹³ Там же.

– Великий поэт Вордсворт, – кивнул лорд Питер. – Очень часто в этом убеждаюсь. Итак. Следы мужчины с ногами десятого размера, со стертymi каблуками и заплатой на левой внутренней стороне подошвы появляются с твердой части тропинки, где отпечатков не видно, и ведут к телу – сюда, где лужа крови. Весьма странно, тебе не кажется? Нет? Похоже, нет. А под телом следов не было? Невозможно определить – сплошное месиво. Неизвестный подошел довольно близко, вот его глубоко вдавленный след. Возможно, он хотел бросить Кэткарта в колодец, но тут услышал шум, встрепенулся, развернулся – и убежал на цыпочках в кусты.

– Да, – кивнул Паркер. – Следы выводят к одной из заросших травой лесных тропинок и там обрываются.

– Ага! Ну, мы позже по ним пройдемся. Так, а откуда же они начинаются?

Друзья проследовали по дорожке дальше от дома. Кроме участка у оранжереи, гравий везде был старым, утоптаным и твердым, и отпечатков там почти не осталось, тем более что в последние дни шли дожди, но Паркер заверил Уимзи, что там были явные признаки волочения и следы крови.

– Следы какого типа – смазанные?

– Да, в основном смазанные. К тому же смещенное покрытие на всем пути. А вот здесь нечто странное.

На границе с травянистым участком виднелся четкий отпечаток глубоко вдавленной в землю мужской ладони. Пальцы указывали в сторону дома. Гравий на дорожке был взрыт двумя длинными бороздами, трава на границе с тропинкой перепачкана кровью, вырвана и примята.

– Мне это не нравится, – заметил лорд Питер.

– Да, жутковато смотрится, – согласился Паркер.

– Бедняга! Здесь он из последних сил пытался упираться. Это объясняет кровь у двери в оранжерею. Но каким надо быть исчадием ада, чтобы тащить тело, в котором еще теплится жизнь?

Через несколько ярдов тропинка сливалась с главной подъездной аллеей, вдоль которой росли деревья, дальше от дороги переходящие в густую чащу. В точке пересечения Паркер обратил внимание лорда Уимзи еще на некоторые малозаметные следы, а еще ярдов через двадцать друзья свернули в сторону чащи. Одно из деревьев когда-то давно упало, образовав небольшую полянку, теперь аккуратно накрытую закрепленным брезентом. В воздухе стоял густой запах грибов, плесени и гниющих листьев.

– Место трагедии, – коротко пояснил Паркер, отворачивая брезент.

Лорд Питер печально опустил взгляд. В пальто и сером шарфе, с узким, продолговатым лицом, он походил на большого меланхоличного аиста. Тут жертва упала, корчась от боли, смахнув телом в сторону опавшие листья и оставив углубление во влажной земле. Темное пятно указывало место, где в почву впиталось много крови. И эта же кровь придала желтым тополиным листьям не по-осеннему ржавый окрас.

– Здесь нашли платок и револьвер, – сообщил Паркер. – Я пытался обнаружить отпечатки пальцев, но дождь и грязь все уничтожили.

Уимзи вытащил свою лупу, улегся на живот и пустился в персональный ознакомительный тур по местности, неспешно ползая из стороны в сторону. Паркер молча следовал за ним.

– Какое-то время он ходил взад-вперед. Не курил. Что-то обдумывал или кого-то ждал. А это что такое? Ага! Снова нога десятого размера, обладатель которой пробирався сюда сквозь деревья с дальней стороны от дороги. Никаких следов борьбы, что очень странно. Кэткарта застрелили с близкого расстояния. Так?

– Да. Выстрел опалил на его груди рубашку.

– Так почему же он спокойно стоял и ничего не предпринимал для своего спасения?

– Полагаю, – предположил Паркер, – он назначил с Десятым Размером встречу. И тот человек, не вызывая подозрений, подошел к нему вплотную.

– Значит, беседа поначалу складывалась дружеским образом – по крайней мере, со стороны Кэткарта. Загвоздка с револьвером. Откуда у Десятого Размера револьвер Джеральда?

– Дверь в оранжерею оставалась незапертой, – неуверенно произнес Паркер.

– Об этом не знал никто, кроме Джеральда и Флеминга, – возразил лорд Питер. – И что же, ты хочешь сказать, что Десятый Размер явился сюда, потом сбегал в кабинет, взял револьвер, вернулся и застрелил Кэткарта? На мой взгляд, просто нелепость. Уж если решил пострелять, надо вооружиться заранее.

– Более вероятно, что это Кэткарт принес револьвер с собой, – согласился Паркер.

– В таком случае почему отсутствуют следы борьбы?

– Может быть, Кэткарт застрелился? – предположил детектив.

– Тогда зачем Десятый Размер перетащил его на видное место, а затем сбежал?

– Стоп. А если предположить следующее. У Десятого Размера с Кэткартом была назначена встреча – допустим, с целью шантажа. Он каким-то образом сообщил жертве о своих намерениях между девятью сорока пятью и пятнадцатью минутами одиннадцатого. Это объясняет изменение в поведении Кэткарта и подтверждает, что и Арбатнот, и герцог говорили правду. После ссоры с твоим братом Кэткарт стремительно убегает. Расхаживает туда-сюда в ожидании Десятого Размера, тот приходит и ругается с ним. Кэткарт предлагает деньги, Десятый Размер требует больше. Кэткарт отвечает, что у него столько нет. Оппонент грозит, что в таком случае не будет молчать, на что Кэткарт говорит: «В таком случае можете убираться к дьяволу! А я буду вам попутчиком». И стреляется из револьвера, который предусмотрительно захватил с собой. Десятого Размера охватывает чувство раскаяния. Он замечает, что Кэткарт еще жив, и то несет, то волочит его к дому. Он меньше и слабее Кэткарта, и для него это тяжкий труд. Они добираются до оранжереи, когда раненый, потеряв много крови, испускает дух. Десятый Размер понимает, что оказался в трудном положении: три часа утра, он один над трупом – это как-то надо объяснить. Бросает тело и поспешно ретируется. Появляется герцог Денверский и натывается на труп. Живописная сцена.

– Неплохо, – похвалил лорд Питер. – Вполне достойно. Однако когда, по-твоему, это случилось? Джеральд обнаружил труп в три утра. Врач, прибывший в половине пятого, утверждает, что Кэткарт был мертв в течение нескольких часов. Ну ладно. Тогда как насчет выстрела, который моя сестра слышала в три часа?

– Сразу оговорюсь, старина: не хочу показаться грубым по отношению к твоей сестре. Скажу так: по-моему, стрелял браконьер.

– Конечно, браконьер, – согласился лорд Питер. – Во всех смыслах этого слова. Что же, Паркер, тогда все сходится. Давай примем это объяснение как временное. Наша первейшая задача – найти Десятый Размер, поскольку он может свидетельствовать, что Кэткарт совершил самоубийство, а это – если иметь в виду дальнейшую судьбу моего брата – единственное, что имеет значение. Но ради удовлетворения самолюбия мне хотелось бы понять вот что: чем именно Десятый Размер шантажировал Кэткарта? Чей чемодан стоял у оранжереи? Что Джеральд делал в саду в три часа утра?

– Давай начнем с того, что определим, откуда явился этот Десятый Размер, – предложил Паркер.

– Ого! – воскликнул Уимзи, когда они вернулись на тропу. – Да тут настоящий клад! Смотри, Паркер!

Из грязи и облетевших листьев он поднял маленький блестящий предмет, и тот вспыхнул в его пальцах белыми и зелеными искрами.

Это был амулет из тех, какие женщины носят на браслетах – миниатюрный бриллиантовый кот с яркими изумрудными глазами.

Глава 3

Пятна грязи и крови

Конечно, на свете есть немало хорошего в своем роде, но дайте мне кровь... Мы говорим: «Вот оно! Это кровь!» Вот так в действительности обстоят дела. Давайте посмотрим в глаза фактам. Это не вызывает сомнений... Кровь, знаете ли, нам необходима.

Ч. Диккенс.

*Дэвид Копперфильд*¹⁴

– До сих пор, – начал лорд Питер, пока они в поисках следов джентльмена с ногой десятиго размера с трудом продирались сквозь неглубокий лес, – я считал, что услужливые преступники, которые помечают свой путь личными безделушками (развешивают на гнилых грибах, как в нашем случае), – это досужие выдумки детективных авторов, которым так удобнее, но, оказывается, мне еще нужно многому учиться в моей работе.

– Ты ведь ею не так давно занимаешься, – заметил Паркер. – К тому же нам доподлинно неизвестно, что бриллиантовую кошку обронил именно преступник. Она могла принадлежать кому-то из вашей семьи и много дней пролежать там, где мы ее нашли. Может, это вещь хозяина усадьбы, который сейчас в Штатах, или кого-нибудь из прошлых постояльцев, потерявшего ее несколько лет назад. О! Эта сломанная ветка, возможно, наш союзник – думаю, так и есть.

– Я спрошу у родных, – пообещал лорд Питер. – И надо выяснить в деревне, не искал ли кто потерянное украшение в виде кота. Первоклассные камешки. Такими не разбрасываются просто так. Что-то я других следов не вижу.

– Есть. Вот тут он запнулся о корень.

– Так ему и надо, – буркнул Уимзи, распрямляя спину. – Вот что я скажу: человеческое тело не очень-то подходит для службы ищейкой. Было бы намного практичнее ходить на четырех ногах или иметь глаза на коленях.

– Телеологической¹⁵ точке зрения на сотворение человека присуще много трудностей, – заметил Паркер. – О, мы уже дошли до забора парка.

– А вот и то место, где он перелез, – добавил лорд Питер, указывая на верхушку ограждения со сломанными пиками. – Вон вмятина, где он приземлился на каблуки. А дальше – где упал вперед на ладони и колени. Гм... не подставишь мне спину, дружище? Спасибо. Проломлено давно. За заборами надо следить, господин Монтень, проживающий сейчас в Штатах. Но Десятый Размер все равно порвал пальто о пикку – на острие остался кусочек клетчатой ткани. На нашу удачу. Так, тут с другой стороны глубокая сырая яма, в которую я сейчас загремлю.

Грохот и шорох дали знать, что его светлость осуществил данное намерение. Внезапно покинутый Паркер огляделся и, увидев, что он всего лишь в сотне ярдов от ворот, бросился к ним, где его чинно выпустил появившийся в этот момент из домика егерь Хардро.

– Кстати, – обратился к нему Паркер, – вы в итоге обнаружили в среду ночью следы браконьеров?

– Нет, – ответил тот. – Никаких мертвых кролей. Сдается мне, госпожа напутала насчет времени выстрела – тот, который я слышал, и прикончил капитана.

¹⁴ Пер. И. Введенского

¹⁵ Телеология – учение, приписывающее процессам и явлениям природы цели, которые или устанавливаются Богом, или являются внутренними причинами природы.

– Не исключено, – согласился Паркер. – Вы, случайно, не знаете, когда вон там на заборе сломали пики?

– С месяц, а то и два, назад. Их должны были починить, но работник захворал.

– Как я понимаю, ворота на ночь запираются?

– Знамо дело.

– И если кому-нибудь надо пройти на территорию, придется разбудить вас?

– Так и есть, сэр.

– Не видели, чтобы в прошлую среду с наружной стороны ограды болтались подозрительные личности?

– Нет, сэр. Может, жене кто на глаза попадался? Эй, мать, поди сюда!

Из двери показалась вызванная таким образом миссис Хардро. К ее юбке жался маленький мальчик.

– В среду? – переспросила она. – Нет, никаких бездельников не видала. Место здесь на отшибе, так что я поглядываю за всякими бродягами. В среду, в среду... Хотя да, Джон, появлялся в тот день паренек с мотоциклеткой.

– Молодой человек с мотоциклом?

– Истинно так, сэр. Сказал, что проколол колесо, и попросил ведро воды.

– И это все?

– Еще спросил, как называется наше место и чей это большой дом.

– Вы ему сказали, что здесь проживает герцог Денверский?

– Да, сэр. Он еще заметил, что многие джентльмены, наверное, ходят на охоту.

– Он не сказал, куда направляется?

– Из Вейрдейла в Кумберленд.

– Он долго здесь пробыл?

– С полчаса. Затем завел свою таратайку и потрясся в сторону Кингс-Фентона.

Она указала направо, где посередине дороги размахивал руками лорд Питер.

– Каким человеком он вам показался?

– Да человек как человек. – Как и большинство свидетелей, миссис Хардро нельзя было назвать щедрой на описания. По ее словам, молодой и высокий. Не блондин, не брюнет, что-то среднее, в длинном пальто, какие надевают мотоциклисты, с поясом.

– Джентльмен?

Миссис Хардро колебалась, и Паркер мысленно отнес незнакомца к разряду «не совсем».

– Вы, случайно, не заметили номер мотоцикла?

Она не заметила, но добавила, что мотоцикл был с коляской.

Лорд Питер жестикулировал все интенсивнее, и Паркер поспешил к нему.

– Шевелись быстрее, старый трепач! – нетерпеливо воскликнул Уимзи. – Здесь такая дивная яма.

Из ямы этой,
Когда лобзал деревья нежный ветер,
Не шелестя листвой, – из ямы этой,
Наш друг всходил на стены Трои, верно,
И отер каблуки о грязную траву¹⁶.

Только взгляни на мои брюки!

– С этой стороны перелезть через забор вовсе не просто, – констатировал Паркер.

¹⁶ Обыграны строки из пьесы У. Шекспира «Венецианский купец».

– Еще бы. Он сперва стоял в яме, потом задрал ногу вот сюда, на нижнюю перекладину, где выломана пика. Взялся за верхнюю и подтянулся. Наш Десятый Размер, должно быть, исключительного роста, силы и ловкости. Я бы оттуда закинуть ногу не сумел, не говоря уже о том, чтобы дотянуться до верха. Во мне пять футов девять дюймов. А ты бы смог?

В Паркере было шесть футов, но он сумел лишь дотронуться до верха.

– В лучшие дни смог бы, – оправдался он. – Но потребовался бы соответствующий стимул и мотивация.

– На этом давай пока остановимся и сделаем вывод, что Десятый Размер исключительного роста и силы.

– Немного досадно, что до этого мы пришли к выводу, что он редкий коротышка и слабак.

– О да, – кивнул Питер, – это ты очень точно выразился: немного досадно.

– Хорошо, что сейчас все прояснилось. Полагаю, у него не было сообщника, чтобы подставить спину или подсадить.

– Разве что тот был безногим или имел какое-то невидимое средство опоры. – Питер указал на единственный отпечаток пары заплатанных подошв десятого размера. – Кстати, каким образом он безошибочно вышел в темноте к тому месту в заборе, где выломаны пики? Похоже, этот человек из местных или заранее разведал обстановку.

– В ответ на твои слова я расскажу, о чем так увлекательно «трепался» с миссис Хардро.

– Хм... – промычал Уимзи, когда Паркер закончил. – Нужно навести справки в Риддлсдейле и Кингс-Фентоне. А пока что мы узнали, откуда пришел Десятый Размер. Теперь надо выяснить, куда он скрылся после того, как притащил тело Кэткарта к колодцу.

– Следы ведут к заказнику, – сказал Паркер. – А дальше я их потерял. Там настоящий ковер из опавших листьев папоротника.

– Понятно, но у нас нет необходимости снова изображать ищеек. Человек сюда вошел и, если предположить, что он не прячется здесь до сих пор, как-то вышел. Не через ворота – иначе его заметил бы егерь. И не тем же путем, каким появился, иначе оставил бы там обратные следы. Следовательно, он покинул территорию в каком-то другом месте. Давай-ка прогуляемся вдоль забора.

– Тогда пойдем налево, – предложил Паркер. – Заповедник в ту сторону, а он явно ушел через него.

– Справедливо, о мой король. И, поскольку здесь не церковь, нет ничего зазорного в направлении против движения солнца. Кстати, о церкви: скоро вернется Хелен. Давай поторопимся, старина.

Они пересекли въезд на территорию, миновали егерский домик, а далее, сойдя с дороги, двинулись с внешней стороны забора по открытой травяной луговине. И вскоре нашли то, что искали: на металлической пике забора выше головы сиротливо висела полоска ткани. Уимзи, опираясь на Паркера, полез за ним почти в лирическом восхищении.

– Вот же, вот! – кричал он. – Пояс от «Барберри»! Какие могут быть осторожности? Тут следы человека, спасавшего свою жизнь, удиравшего со всех ног. Он порвал пальто, совершая очаянные прыжки на забор – один, другой, третий! С третьей попытки у него получилось уцепиться за пики и вскарабкаться наверх. Вот следы на заборе! В трещине кровь – он поранил руки. А затем он прыгнул, отцепив пальто, но оставив пояс болтаться...

– Хорошо бы, ты тоже прыгнул, – буркнул Паркер. – Не ровен час, сломаешь мне шею.

Лорд Питер послушно прыгнул и встал рядом, теребя пальцами пояс. Его большие серые глаза беспрестанно скользили по полю. Внезапно он сжал Паркеру руку и живо зашагал к невысокому сооружению в деревенском стиле у дальней стены ограды. И там повел себя как терьер на охоте: нос вперед, кончик языка прикушен. Перепрыгнул ограду, повернулся к Паркеру и спросил:

– Ты читал «Песнь последнего менестреля»?¹⁷

– Большую часть выучил наизусть в школе, – ответил Паркер. – А что?

– В ней есть один персонаж, гоблин-паж, который в самые неподходящие моменты кричит: «Нашел! Нашел! Нашел!» Я всегда считал его жутко надоедливым. А теперь понимаю его чувства. Смотри сюда!

Неподалеку от ограды были следы мотоцикла с коляской – на узкой грязной тропинке, идущей под прямым углом к главной дороге.

– Отлично, – похвалил Паркер. – Новая покрышка «Данлоп» на переднем колесе, на заднем старая. На колесе коляски резина «Гайтер». Приметней не придумать. Следы ведут от дороги и возвращаются обратно на дорогу. Парень откатил мотоцикл сюда на случай, если мимо пройдет человек пытливого ума и решит его стянуть или срисовать номер. На своих двоих пошел к пролому в заборе, который присмотрел днем, и перелез на территорию. После истории с Кэткартом испугался и кратчайшим путем рванул через заказник к своей машине. Так-так.

Паркер сел на ограду и, вытащив записную книжку, стал заносить в нее уже известные приметы искомого человека.

– Для старины Джерри расклад становится немного благоприятнее. – Лорд Питер оперся о стену и стал старательно насвистывать то место «Страстей по Матфею» Баха, где упоминаются дочери Сиона.

– Интересно, – проворчал Фредди Арбатнот, – какой идиот придумал воскресные дни.

Он с противным лязганьем ворошил уголь в камине библиотеки и разбудил полковника Марчбэнкса, который промямлил:

– А? Воистину так, – и тут же снова уснул.

– Вам ли жаловаться, Фредди, – заметил лорд Питер, который уже некоторое время был занят тем, что чрезвычайно раздражающим образом по очереди открывал и закрывал все ящики письменного стола и вяло щелкал туда-сюда шпингалетом французского окна. – Представьте, как тоскливо старине Джерри. Надо бы черкнуть ему строчку-другую.

Он вернулся к столу и взял лист бумаги.

– Вы не в курсе: этой комнатой часто пользовались, чтобы писать письма?

– Понятия не имею, – ответил почтенный Фредди. – Сам я никогда их не пишу. Какой в этом смысл, если можно послать телеграмму? Вынуждаешь людей писать ответ, вот и все. Но Денвер, по-моему, мог писать где угодно, в том числе и здесь, а день-другой назад я видел, как полковник возился с пером и чернилами. Правда, полковник? (Тот что-то буркнул, отвечая на обращение к себе, как собака, водящая во сне хвостом.) А что случилось? Чернила закончились?

– Я просто поинтересовался, – спокойно ответил лорд Питер. Он поддел канцелярским ножом верхний лист из стопки промокательной бумаги и поднес к свету. – Ну что, агент Промокашка, весьма неплохо. Пять баллов за внимательность, продолжайте наблюдение. Вот подпись Джерри, а вот и полковника. А этот крупный почерк с растянутыми буквами принадлежит даме, насколько я могу судить. – Он снова посмотрел на лист, покачал головой, сложил его и убрал в записную книжку. – Похоже, ничего важного. Но как знать. Все-таки синица в руках. Пусть пока побудет у меня. Семейная ищейка взяла след, а это чертовски возбуждает...

Полковник фыркнул.

Воскресенье продолжалось. Паркер уехал на машине в Кингс-Фентон с заданием заглянуть по дороге в Риддлсдейл и поинтересоваться там насчет зеленоглазого кота и молодого человека на мотоцикле с коляской. Герцогиня прилегла. Миссис Петтигрю-Робинсон выта-

¹⁷ Повествовательная поэма в шести песнях В. Скотта.

щила мужа на короткую прогулку. Миссис Марчбэнкс где-то наверху наслаждалась общностью мыслей с супругом.

Перо Питера тихо шуршало по бумаге, но вдруг резко замерло, возобновило свой бег и остановилось окончательно. Уимзи опустил худой подбородок на руки и посмотрел в окно, где зашелестел мелкими каплями внезапный дождик. Время от времени к стеклу прилипал мягкий осенний лист. Полковник храпел, огонь потрескивал в камине, достопочтенный Фредди напевал что-то себе под нос и постукивал пальцами по подлокотникам кресла. Стрелки часов лениво двигались к пяти – времени чаепития и выхода герцогини.

– Как там Мэри? – спросил лорд Питер, когда та появилась, внезапно вступив в ответ огня.

– Тревожусь за нее, – ответила герцогиня. – Дает волю нервам в очень странной манере. Совсем на нее не похоже. Почти не подпускает к себе. Я снова послала за доктором Торпом.

– Ей бы лучше встать и спуститься сюда, – заметил Уимзи. – Пережевывать одно и то же в голове не дело. Умные разговоры Фредди ее бы взбодрили.

– Ты забываешь, что бедная девочка была помолвлена с Кэткартом, – напомнила герцогиня. – Не все такие бесчувственные, как ты.

– Будут еще письма, ваша милость? – спросил лакей, появившись с почтовым мешком.

– Вы уже идете? – Уимзи поднял на него глаза. – Вижу, вижу. Будет еще одно, если не откажетесь минуту подождать. Хотел бы я писать в таком же темпе, как это делают люди в кино, – добавил он, торопливо водя пером по бумаге и одновременно бормоча: – «Дорогая Лилиан! Ваш отец убил мистера Уильяма Снукса. И если вы не перешлете мне с посыльным тысячу фунтов, я все открою вашему мужу. Искренне ваш граф Диггсбрейк». Вот так. Сразу чувствуется стиль. И все это одним росчерком пера. Держите, Флеминг.

Письмо было адресовано ее светлости вдовствующей герцогине Денверской.

Из газеты «Морнинг пост» от понедельника 19 ноября:

БРОШЕННЫЙ МОТОЦИКЛ

Необычную находку совершил вчера скотовод. Он обычно поит животных в одном и том же пруду, который находится в двенадцати милях от Рипли, немного в стороне от дороги. На этот раз он заметил, что одно из животных не может выйти из воды. Поспешив на выручку, скотовод обнаружил, что оно застряло в мотоцикле, брошенном в пруд. С помощью двух работников он вытащил из воды машину. Мотоцикл оказался марки «Дуглас», с темно-серой боковой коляской. Номера были предусмотрительно сняты. Этот пруд отличается значительной глубиной, и машина целиком скрывалась под водой. Тем не менее представляется вероятным, что она пролежала там не дольше недели, поскольку по воскресеньям и понедельникам этот водоем используется для помыва скота. В настоящее время полиция ищет владельца мотоцикла. Покрышка его переднего колеса – новый «данлоп», на покрышке коляски заплата. Мотоцикл модели 1914 года и сильно изношен.

– Вот это нечто интересное, – задумчиво проговорил лорд Питер. Сверившись с расписанием и выяснив, когда следующий поезд на Рипли, он попросил машину и добавил: – Пошлите ко мне Бантера.

Сей джентльмен явился, когда господин уже натягивал пальто.

– Что там за история с номерами в газете за прошлый четверг? – поинтересовался его светлость.

Бантер, словно фокусник, извлек откуда-то вырезку.

ТАЙНА НОМЕРНОГО ЗНАКА

Сегодня в шесть часов утра преподобного Натаниеля Фулиса из церкви Апостола Симона Зилота, Норт-Феллкот, остановили за езду на мотоцикле без номеров. Священник, когда ему объяснили суть претензий, выглядел пораженным. Он рассказал, что в четыре утра его срочно вызвали для совершения обряда соборования умирающего прихожанина, жившего в шести милях. Он поспешил к нему на мотоцикле, который на время таинства доверчиво оставил на обочине. Фулис покинул дом умирающего в половине шестого, не заметив ничего необычного. Его прекрасно знают в Норт-Феллкоте и окрестностях и не сомневаются, что он стал жертвой нелепого розыгрыша. Норт-Феллкот – небольшая деревня, которая находится в паре миль от Рипли.

- Я еду в Рипли, Бантер, – сказал лорд Питер.
- Хорошо, милорд. Хотите, чтобы я присоединился к вам?
- Нет. Но хочу знать, кто исполняет обязанности горничной моей сестры.
- Эллен, милорд. Домработница.
- В таком случае я желаю, чтобы вы проявили по отношению к ней всю вашу способность красноречия.
- Будет сделано, милорд.
- Это ведь она чинит одежду сестры, чистит юбки и все прочее?
- Полагаю, да.
- Не имеет никакого значения, что она может вообразить себе по этому поводу.
- Я бы и не стал намекать женщине на что-то непристойное, милорд. Это ударяет им в голову, если позволите так выразиться.
- Когда мистер Паркер уехал в город?
- В шесть утра, милорд.

Обстоятельства благоприятствовали Бантеру: он столкнулся с Эллен, когда та спускалась по задней лестнице с охапкой одежды. Сверху груды сорвались кожаные перчатки. Бантер подобрал их и с извинениями последовал за молодой женщиной в помещение для прислуги.

– Сюда, – сказала она, укладывая ношу на стол. – Буду работать здесь, как я их поняла. Истерики – вот как это называется: притворяются, что голова болит так, что нет сил впустить человека забрать одежду в чистку. Но если рядом никого нет, выбирают из постели и бродят по всему дому. Согласитесь, это разве головная боль? Готова спорить, вы не понимаете их так, как я. Тут каждую минуту на части разваливаешься – то голова кругом, то ноги не держат. А ну как в доме пожар случится – я просто упаду и буду лежать. Кошмар-то какой! Вот от этого у людей морщины и появляются.

– Не заметил у вас никаких морщин, – возразил Бантер. – Но возможно, недостаточно хорошо к вам присматривался. – Последовала немая сцена, во время которой Бантер присмотрелся достаточно хорошо, стоя близко. – Нет, – заявил он решительно. – Уверен, что не разглядел бы никаких морщин даже в большой микроскоп, который его светлость держит в городе.

– Ишь ты, а еще лорд, – пробормотала Эллен, доставая из шкафа губку и бутылку с бензином. – И для чего же его светлости такая штуковина?

– Чтобы использовать в нашем хобби, мисс Эллен: криминальных расследованиях. Бывает, что нужно сильно увеличить что-нибудь мелкое – например, рукописный текст в слу-

чаях фальсификации. Так можно установить, не стирали ли слова, не меняли ли буквы, не пользовались ли другими чернилами. Или изучить корни волос, чтобы выяснить, клочок выдрали или он выпал сам. Бывают проблемы с пятнами крови – приходится определять, чья кровь: человека или животного, – а может, просто разлитый портвейн.

– Да неужто правда, – Эллен расстелила на столе твидовую юбку и открыла бутылочку с бензином, – что вы с лордом Питером все это можете разузнать?

– Мы, разумеется, не химики, – ответил Бантер, – но у его светлости достаточно познаний, чтобы заподозрить неладное. Тогда мы отправляем материал к самым видным джентльменам-экспертам. (Бантер галантно перехватил руку Эллен, когда та собиралась поднести к юбке пропитанную бензином губку). Возьмем хотя бы пятно на кайме этой юбки в самом низу бокового шва. Предположим, произошло убийство, и особа, которая носит эту юбку, попала под подозрение. Тогда мне необходимо изучить данное пятно. (Бантер достал из кармана лупу.) Можно провести по краю влажным носовым платком. (Свои слова он сопровождал действием.) И убедиться, что цвет именно красный. Теперь выворачиваем юбку наизнанку, дабы выяснить, пропитало ли пятно одежду насквозь. Тут мне потребуются ножницы. (Он извлек миниатюрные ножницы из кармана.) И срезаем маленький кусочек с внутренней стороны шва. Вот так. Кладем в коробочку (та волшебным образом появилась из внутреннего кармана). Заклеиваем герметично с обеих сторон, сверху пишем: «С юбки леди Мэри Уимзи», – и ставим дату. Теперь мне надлежит отправить материал аналитику в Лондон. Он посмотрит в свой микроскоп и объявит, что на юбке кровь кролика. Возможно, даже выяснит, сколько дней назад она попала сюда, на этом и делу конец. – Бантер беззаботно убрал ножницы и коробочку с содержимым в карман.

– Ну и попадет пальцем в небо, – фыркнула Эллен, кокетливо встряхивая головой. – Потому что тут птичья кровь, а не кроличья. Так сказала мне госпожа. Не быстрее ли просто пойти и спросить у самого человека, чем возиться со всякими дурацкими микроскопами и остальными штуками?

– Я сказал «кровь кролика» просто для примера, – защищался Бантер. – Удивительно, как она умудрилась посадить пятно в таком месте. Должно быть, частенько опускается на колени.

– Так и есть. Пролила много крови невинных птичек. Бедные создания! Некоторые не слишком-то аккуратны, когда выходят «побродить с ружьем». Не то что его светлость или бедняга капитан. Мистер Арбатнот иной раз так увлечется, что сам себя не помнит. Понятно, потом все ужасно грязное. А отчистить пятна очень непросто, если оставить слишком надолго. Мне, конечно, было не до чистки, когда убили беднягу капитана. А потом началось дознание: тоже испереживалась, – и его милость забрали в тюрьму, да так грубо! Меня это очень расстроило. Наверное, я слишком чувствительная. В общем, мы все были в полном шоке еще день или два. А дальше ее светлость закрылась и не велела прикасаться к ее вещам. «Даже не открывай дверь в мою гардеробную. Ты же знаешь, как она скрипит, моей голове и нервам этого не выдержать!» Я ответила, что просто хочу почистить юбки ее светлости. «Забирай мои юбки, – заявила на это ее светлость, – и иди куда-нибудь, Эллен. Я закричу, если буду видеть, как ты здесь суетишься. Ты действуешь мне на нервы». Я не видела смысла продолжать. Особенно после того, что мне сказали. Приятно быть госпожой, а свою балованность называть расстроенными нервами. Я тоже рвала себе душу из-за Берта – моего молодого человека, которого убили на войне: выплакала все глаза, – но мне было бы стыдно так себя вести. И, кроме того, строго между нами: леди Мэри не так уж увлекалась этим капитаном. Не ценила его, как следовало бы. Я однажды это сказала кухарке, и та со мной согласилась. Он умел достойно держаться, этот капитан. Вел себя всегда как джентльмен. Не говорил ничего неприличного. Приятно было ему услужить. Такой красивый мужчина!

– То есть вы хотите сказать, что леди Мэри расстроилась несколько сильнее, чем вы от нее ожидали? – переспросил Бантер.

– Сказать по правде, мистер Бантер, я думаю, что это просто характер такой. Она хотела выйти замуж и уйти из дома. Да пропади оно пропадом, это пятно! Сильно как въелось, засохшая дрянь! Ее светлость и герцог никогда не ладили. Когда во время войны он уехал в Лондон, леди Мэри прекрасно проводила время: ухаживала за ранеными офицерами и общалась с сомнительными личностями, чего его светлость никак бы не одобрил. Даже случилась любовная история с каким-то, как сказала кухарка, неблагородным парнем. По-моему, он был из тех странных русских, которые хотят нас всех взорвать. Будто мало людей погибло на войне! Его светлость устроил жуткий шум, перестал давать деньги и вернул ее в дом. И с тех пор она мечтает с кем-нибудь отсюда убежать. Сама не знает, чего хочет. Честно говоря, я от нее устала. Герцога жалко. Мне понятно, о чем он думает. Бедный господин! А теперь его арестовывают за убийство и сажают в тюрьму, словно какого-нибудь бродягу. Уму непостижимо!

Эллен с шумом выдохнула, оставила губку и распрямилась.

– Тяжелая работа тереть. Все болит.

– Позвольте, я помогу, – предложил Бантер, забирая у нее горячую воду, бутылку с бензином и губку. Он перевернул юбку на другую сторону и спросил: – У вас есть щетка, чтобы почистить эту грязь?

– Я смотрю, вы слепы как летучая мышь, – хихикнула Эллен. – Все перед вами.

– Ах да, – кивнул верный оруженосец лорда Питера. – Но я предпочитаю пожесть. Сбегайте и принесите другую, будьте хорошей девочкой. Если вы дадите мне что-то более жесткое, то останетесь довольны.

– Нахал! – притворно возмутилась Эллен, но, уступая восхищенному блеску в глазах собеседника, добавила: – Пойду возьму из коридора. Та жесткая, как битый кирпич.

Как только она ушла, Бантер достал из кармана перочинный нож и еще две коробочки, в мгновение ока соскреб грязь в двух местах юбки и подписал два ярлыка: «Гравийная крошка с юбки леди Мэри примерно в шести дюймах от края подола» и «Белый песок с края юбки леди Мэри».

Бантер добавил дату и едва успел спрятать коробочки, как Эллен вернулась со щеткой. Процесс чистки в сопровождении бессвязного разговора продолжался еще некоторое время. Третье пятно Бантер осмотрел критическим взглядом.

– Вот те раз! Ее светлость пыталась стереть его сама!

– Что? – удивилась Эллен, уставившись на размазанную и побелевшую отметину с одного края. Та выглядела достаточно жирной. – Я им не занималась; значит, точно она! Что бы это значило? А ведь притворялась такой больной, что голову не может оторвать от подушки! Хитрюга – вот она кто!

– Может, она пыталась его отчистить до болезни? – предположил Бантер.

– Разве что в период между убийством капитана и расследованием, – согласилась Эллен. – Но вряд ли это было подходящее время, чтобы начинать учиться домашней работе. Она ничем таким не занималась, хоть когда-то и ухаживала за ранеными. Никогда не думала, что это ей что-нибудь дало.

– Она пользовалась мылом, – заметил Бантер, энергично протирая бензином ткань. – Ее светлость могла подогреть в своей спальне воду?

– Зачем ей это, мистер Бантер? – удивилась Эллен. – Уж не думаете ли вы, что она держит там чайник? Утренний чай приношу ей я. Благородные дамы не любят кипятить воду.

– Не любят, – согласился Бантер. – А почему бы не принести горячую воду из ванной? – Он еще внимательнее осмотрел пятно. – Неумело. Очень неумело. До конца не доведено. Дама энергичная, но безрукая.

Последнее замечание было адресовано бутылке с бензином, поскольку Эллен в это время, высунув голову из окна, разговаривала с егерем.

Суперинтендант полиции в Рипли принял лорда Питера сначала холодно, а затем со смешанным чувством профессионала к детективу-любителю и официального лица к сыну герцога.

– Я приехал к вам, – пояснил Уимзи, – поскольку ваш подход к таким делам намного эффективнее моего любительского. И, полагаю, ваша отлаженная организация плотно занимается этим случаем.

– Естественно, – ответил суперинтендант. – Хотя совсем непросто, не зная номера, отследить неизвестный мотоцикл. Вспомните убийство в Борнмуте. – Он печально покачал головой и принял вид «только между нами». – Мы сначала не связывали преступника с делом о номерных знаках. – Суперинтендант сбился на чересчур непринужденный тон, который дал понять лорду Питеру, что именно его замечания впервые установили эту связь в мозгу официального лица в последние полчаса. – Разумеется, если бы мотоцикл без номеров заметили в Рипли, то немедленно остановили бы, а с номерами Фулиса езда была надежной как... Английский банк! – завершил он фразу всплеском остроумия.

– Священник потрепал себе нервы, – кивнул Уимзи. – Бедолага. Да еще так рано утром. Полагаю, все это приняли за розыгрыш?

– Не без этого, – признал суперинтендант. – Но, выслушав вас, мы приложим все силы, чтобы найти неизвестного. Думаю, его светлость не слишком расстроится, узнав, что этот неизвестный обнаружен. Положитесь на нас. И если мы найдем его или номера...

– Спаси и благослови нас Господь! – неожиданно живо отреагировал лорд Питер. – Не думаю, что вам стоит тратить время на поиски номеров. Он свинтил номер священника уж точно не для того, чтобы афишировать в округе собственный. По номеру можно узнать его фамилию и адрес. Но пока он у него за пазухой, вы в тупике. Простите, суперинтендант, что навязываю свое мнение, но мне больно думать, что вы потратите усилия напрасно: будете прочесывать пруды и переворачивать груды мусора в поисках номерных знаков, которых там нет. Лучше прошерстите железнодорожные станции – ищите молодого человека ростом шесть футов один или два дюйма, в обуви десятого размера, в пальто от «Барберри» с потерянными ремнями, с глубокими царапинами на руках. Вот мой адрес. Я буду очень признателен, если вы дадите мне знать, как идут дела. Неприятная для моего брата ситуация. Он чувствительный человек, очень переживает. Кстати, я птица перелетная: сегодня здесь, завтра там, – так что телеграфируйте о новостях в два адреса: в Риддлсдейл и в Лондон, на Пикадилли, сто десять «а». Окажетесь в столице, буду рад вас видеть. А сейчас извините и разрешите откланяться – много дел.

Возвратившись в Риддлсдейл, лорд Питер застал за чайным столом нового гостя. При его появлении тот поднялся во весь свой величественный рост и протянул красивую выразительную руку, способную принести удачу любому актеру. Актером он не был, но в драматические моменты считал свою руку полезной. Великолепная фигура, подвижность головы, прекрасная мимика. Черты лица безукоризненны, глаза жестоки. Вдовствующая герцогиня однажды заметила: «Сэр Импи Биггс – самый симпатичный в Англии мужчина, но ни одна женщина не оценила бы его и в два пенса». Холостяк тридцати восьми лет, он отличался учтивым красноречием, но был объектом для безжалостного препарирования враждебными наблюдателями. Его неожиданным увлечением стало разведение канареек. Кроме их пения, он не воспринимал никакой музыки, разве что красоту речей на заседаниях суда.

Гость ответил на приветствие Уимзи гулким, красивым, полностью подвластным ему голосом. Трагическая ирония, колкое презрение и беспощадное возмущение – вот те чувства, которыми сэр Импи Биггс влиял на присяжных и судей. Он преследовал убийц невинных, защищал оклеветанных и, пробуждая умы, держался как камень. Уимзи заверил гостя, что рад его приходу, но голосом необычно сухим и прерывающимся.

– Вы сейчас от Джерри? – спросил он и повернулся к Флемингу: – Поджарьте свежие тосты, пожалуйста. Как он? Бодрится? Не знаю другого человека, который, как Джерри, умеет

находить выход из любой ситуации. Я и сам люблю приобретать новый опыт, знаете ли. Ненавижу только, когда мне затыкают рот, а другие идиоты портят мое дело. Нет-нет, я не про Мерблса или вас, Биггс. Имею в виду только себя, то есть человека, который был бы мной, если бы я был Джерри. Вы следите за моей мыслью?

– Я только что попросила сэра Импи, – вступила в разговор герцогиня, – чтобы он убедил Джеральда признаться, что тот делал в саду в три утра. Будь я тогда в Риддлсдейле, ничего подобного не случилось бы. Мы все, разумеется, понимаем, что Джеральд не совершил ничего дурного, но нельзя надеяться, что присяжные воспримут это так же. Низшие сословия очень предвзяты. Это абсурдно с его стороны, но сам Джеральд не понимает, что ему необходимо открыться. У него нет выбора.

– Я сделаю все возможное, герцогиня, чтобы его убедить, – пообещал сэр Импи. – Но наберитесь терпения. Сами знаете: законники любят небольшие тайны. Если все начнут говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, нам всем придется уйти в отставку и податься в работный дом.

– Смерть капитана Кэткарта очень загадочна, – заметила герцогиня. – Но если принять во внимание то, что о нем всплыло, – для сестры моего мужа это удача.

– Полагаю, Биггс, вам не удастся убедить присяжных, что смерть капитана наступила вследствие кары небесной, – заметил лорд Питер, – как наказание за попытку втереться в наше семейство посредством брака.

– Бывают и куда более нелепые вердикты, – холодно парировал Биггс. – Вы удивитесь, но присяжных можно убедить в чем угодно, если постараться. Помню, однажды на выездной сессии суда в Ливерпуле...

Пока он предавался воспоминаниям, лорд Питер рассматривал его точеный профиль на фоне огня. Адвокат напоминал ему Дельфийского возничего, был таким же красивым и общительным.

Только после ужина сэр Импи открыл свои мысли Уимзи. Герцогиня отправилась в постель, а двое мужчин остались в библиотеке одни. Прислуживал Бантер, и лорд Питер в строгом костюме был весь вечер необыкновенно сумбурным и оживленным, но теперь взял сигару, выбрал самое большое кресло и замолчал.

Сэр Импи Биггс с полчаса мерил шагами комнату и курил. А затем решительно подошел к лорду Питеру, порывисто включил настольную лампу так, чтобы она светила в лицо собеседнику, и сказал:

– Так вот, Уимзи, я хочу знать все, что знаете вы.

– Да неужели? – Питер поднялся, отключил лампу, перенес на боковой столик и, улыбувшись спросил: – Это называется «не оказывать давление на свидетеля»?

– Мне все равно, как это называется. Только бы вы проснулись. – Биггс остался невозмутимым.

Лорд Питер вынул изо рта сигару, склонив голову, посмотрел на нее, аккуратно повертел и, решив, что пепел продержится на листьях еще минуту-другую, молча продолжил курить, пока падение пепла не стало неотвратимым. Затем снова вынул сигару изо рта, стряхнул пепел точно в центр пепельницы и начал повествование, опуская только тему чемодана и полученную Бантером от Эллен информацию.

Сэр Импи слушал, как раздраженно отметил Питер, с выражением, уместным на перекрестном допросе, иногда перебивая проницательными уточнениями. Сделал для себя несколько пометок, а когда Уимзи завершил рассказ, задумчиво постучал пальцами по записной книжке.

– Думаю, у нас есть шансы выиграть это дело, – наконец заключил он. – Даже если полиция не найдет вашего таинственного господина. Конечно, молчание Денвера – досадное ослож-

нение. – Адвокат на мгновение прикрыл глаза. – Так вы сказали, что направили полицию на поиски этого типа?

– Да.

– Разве вы не дурного мнения о полиции?

– Не в этой области. Это их поле деятельности; у них имеются все возможности, и они хорошо выполняют работу.

– Иными словами, вы рассчитываете, что неизвестный найдется?

– Надеюсь.

– И в какую сторону, по-вашему, это повлияет на дело?

– По-моему...

– Послушайте, Уимзи, – начал адвокат, – вы умный человек. Не надо изображать из себя сельского полицейского. Вы на самом деле пытаетесь найти этого человека?

– Разумеется.

– Как вам угодно, конечно, но мои руки уже достаточно связаны. Вам не приходило в голову, что его, возможно, лучше не искать?

Уимзи посмотрел на законника с таким откровенным изумлением, что буквально обезоружил его.

– Запомните одно, – сказал тот серьезным тоном. – Если уж полиция вцепится в какой-то вещдок или человека, вы больше не сможете полагаться на мою, или мистера Мерблса, или чью-либо еще профессиональную осмотрительность. Все будет вытащено на свет, поверьте, абсолютно все, обывателям на потеху. На данный момент Денвера обвиняют в убийстве, а он категорически отказывает мне в самой малой помощи.

– Джерри ведет себя как осел: не понимает...

– Неужели вы думаете, – перебил Биггс, – что я не пытался до него достучаться? Он твердит одно и то же: «Меня не могут повесить. Я его не убивал, но считаю его смерть удачей. Никого не касается, что я делал в саду». И я вас спрашиваю, Уимзи: разумная ли это позиция в положении Денвера?

Питер пробормотал что-то вроде: «Ему всегда не хватало здравого смысла».

– Кто-нибудь сообщил Денверу насчет того, другого человека?

– Как я понимаю, во время расследования было сказано что-то расплывчатое насчет следов.

– Этот парень из Скотленд-Ярда – ваш близкий друг?

– Да.

– Тем лучше. Может придержать язык за зубами.

– Послушайте, Биггс, все это очень загадочно и впечатляюще, но почему мне не следует ловить того типа, если я могу это сделать?

– Отвечу на один вопрос другим. – Сэр Импи чуть подался вперед. – Почему Денвер его покрывает?

Сэр Импи всегда гордился тем, что никакой свидетель не способен дать в его присутствии ложные показания так, чтобы он этого не заметил. Задавая свой вопрос, он внимательно следил за подвижными губами и нервными руками Уимзи, а когда секундой позже поднял взгляд, глаза собеседника были непроницаемыми, хотя тот и пытался изобразить удивленное просветление. Но слишком поздно: адвокат заметил легкую разгладившуюся морщинку в уголке губ и расслабившиеся пальцы. Первой реакцией было облегчение.

– Боже милостивый! – воскликнул Питер. – Я об этом не подумал. Какие же вы, адвокаты, дотошные! Если так, то я должен быть поосторожнее. А то вечно бегу впереди паровоза. Моя мать говорит...

– Вы хитрый бес, Уимзи, – перебил его законник. – Впрочем, я тоже могу ошибаться. Ищите своего типа любыми средствами. Хочу спросить последнее: кого покрываете *вы*?

– Вот что, Биггс, – ответил сэр Питер, – вам платят не за то, чтобы вы задавали здесь подобные вопросы. Дождитесь момента, когда окажетесь в суде. Ваша задача наилучшим образом воспользоваться предоставляемой нами информацией, а не устраивать нам полицейский допрос с пристрастием. Предположим, это я убил Кэткарта...

– Вы не убивали.

– Знаю, что не убивал. Но если бы убил, не стал бы подставляться под ваши вопросы, которые вы задаете подобным тоном. В качестве одолжения прямо отвечаю: я не знаю, кто отправил на тот свет капитана. Когда выясню, скажу.

– Скажете?

– Скажу. Но только тогда, когда буду знать точно. Вы, законники, такой народ, что из самой мелкой улики способны раздуть дело и отправить человека на виселицу по первому подозрению.

– Вот как? – хмыкнул Биггс. – Тем не менее буду откровенен: с моей точки зрения, у стороны обвинения ничего не выйдет.

– Нет доказательств, да? Во всяком случае, клянусь, моего брата не повесят из-за отсутствия на суде показаний с моей стороны.

– Разумеется, – согласился Биггс и про себя добавил: «Ты же надеешься, что до этого не дойдет».

В широкую каминную трубу упали капли дождя и зашипели на поленьях.

«Отель «Грейвен»

Стрэнд

Вторник

Дорогой Уимзи!

Я обещал сообщать, как идут дела, но успехов поразительно мало. По дороге я сидел рядом с миссис Петтигрю-Робинсон, открывал и закрывал ей окно, присматривал за ее вещами. Она упомянула, что когда в четверг утром твоя сестра будила дом, то первым делом отправилась к комнате мистера Арбатнота, что показалось ей странным. Но, если вдуматься, это вполне естественно, так как его комната располагается прямо напротив верхней лестничной площадки. Мистер Арбатнот постучал к Петтигрю-Робинсонам, и мистер П. немедленно побежал вниз. Миссис П. увидела леди Мэри. Казалось, что силы вот-вот покинут ее, и миссис П. попыталась ее поддержать. Твоя сестра ее оттолкнула: грубо, как выразилась миссис П., – «в совершенно дикарской манере» отвергла предложение помощи, убежала в свою комнату и там заперлась. Миссис Петтигрю-Робинсон прислушалась у двери: по ее словам, чтобы убедиться, что все в порядке, – но услышав, как леди Мэри внутри расхаживает и стучит дверцами шкафов, решила, что внизу больше шансов приобщиться к событию, и удалилась.

Если бы этот эпизод рассказала мне миссис Марчбэнкс, я счел бы, что он достоин внимания, но у меня неизгладимое чувство, что, даже лежа на смертном одре, я вынужден буду встать и запереть дверь на ключ, чтобы в комнату не пробралась миссис Петтигрю-Робинсон. Миссис П. уверена, что у леди Мэри все это время ничего не было в руках. Твоя сестра была одета – как сказано и в материалах расследования – в длинное пальто поверх пижамы (по выражению миссис П. – спальный костюм), крепкие сапоги и шерстяную кепку. И оставалась в этой одежде во время последующего визита врача.

Еще одна небольшая странная деталь: миссис Петтигрю-Робинсон (которая, как ты помнишь, с двух часов бодрствовала) уверена, что

непосредственно перед тем, как леди Мэри постучала к Арбатноту, она слышала, как где-то в коридоре хлопнула дверь. Я не знаю, важно ли это. Возможно, эпизод не имеет значения, так что я просто упоминаю. Время в городе прошло впустую. Избранник твоей сестры был образцом благоразумия. Его комната в Олбани – пустыня с точки зрения сыска. Никаких бумаг, кроме нескольких английских счетов, квитанций и приглашений. Я связался с некоторыми из тех, кто его приглашал, но с большинством из них он встречался в клубе или вместе служил в армии, и они ничего не могли рассказать о его личной жизни. Он известен в нескольких ночных клубах. Я обошел их вчера вечером, или, точнее, уже сегодняшним утром. Общий вердикт: щедрый, но неприступный. Кстати, его любимая игра – покер. Никаких намеков на шулерство. Выигрывал постоянно, но не впечатляющие суммы.

Думаю, полезную нам информацию нужно искать в Париже. Я написал в Сюрте¹⁸ и в банк «Лионский кредит» с просьбой проинформировать о его документах, особенно счете и чековой книжке.

От вчерашней и сегодняшней работы я просто с ног валюсь. Сразу с поезда отплясывать всю ночь напролет – сомнительное удовольствие. Если я тебе не нужен, дождусь бумаг тут или съезжу в Париж сам.

Здесьняя библиотека Кэткарта состоит из нескольких обычных современных французских романов и экземпляра «Манон» с гравюрами того сорта, что в каталогах называют любопытными. Видимо, он вел жизнь не только здесь.

Тебя может заинтересовать оплаченный счет косметолога с Бонд-стрит. Я наведалься к этой даме, и она сообщила, что Кэткарт, когда бывал в Англии, приходил регулярно, каждую неделю.

В Кингс-Фентоне в воскресенье я потерпел неудачу, но уже рассказывал об этом. Вряд ли наш тип туда доехал. Я вот думаю, не прошмыгну ли он через болото... Стоит ли вообще там искать, как ты думаешь? Легче найти иголку в стоге сена. Касательно бриллиантового кота – дело очень странное. Полагаю, от владельца дома ты не получал насчет него никаких сведений? Десятому Размеру он как-то не особо подходит в качестве украшения. И сам понимаешь: если его потерял кто-то из местных, в деревне должны были об этом слышать. Ладно, до встречи.

Твой Паркер».

¹⁸ Французская полиция.

Глава 4

И дочь его Испуг¹⁹

...женщины также смутились и побледнели.

Дж. Беньян.

Путешествие Пилигрима в Небесную страну²⁰

В среду утром Бантер подал письмо Паркера лорду Питеру в постель. Дом опустел – почти все уехали в Норталертон для участия в судебном разбирательстве. Мероприятие, разумеется, чисто формальное, но выглядело правильным, что семья должна собраться на нем в полном составе. И действительно, вдовствующая герцогиня присутствовала там: немедленно поспешила к сыну и героически поселилась в меблированных комнатах, – но младшая герцогиня считала, что свекровь скорее деятельна, чем блещет чувством собственного достоинства. Никто не представлял, на что она способна, если ее предоставить самой себе. Она могла бы даже дать интервью газетному репортеру. К тому же в критические моменты жизни рядом с джентльменом должна быть жена, а не мать. Леди Мэри болеет, ее нельзя упрекнуть, а если Питер остался валяться в пижаме и курить сигареты, когда его единственный брат подвергается публичному унижению, то от него ничего другого и не ожидалось. Питер весь в свою мать. Как эта эксцентричная черта стала приметой семьи, ее светлость догадывается: вдовствующая герцогиня из знатного хэмпширского рода, но в корнях семейного древа присутствует иностранная кровь. Однако свой собственный долг ее светлости ясен, и она его исполнит.

Разбуженный лорд Питер выглядел весьма измученным, словно во сне бежал по следу. Бантер заботливо закутал его в блестящий восточный халат и поставил на колени поднос.

– Бантер, – начал господин, – ваш *café au lait*²¹ – единственный приятный момент в этом ужасном доме.

– Спасибо, милорд. Сегодня утром снова промозгло, но без дождя.

Лорд Питер хмурился над письмом.

– В газетах что-нибудь есть?

– Ничего срочного. На следующей неделе торги в Нортберри-холле – библиотека мистера Флитуайта, «Исповедь влюбленного»²² Кэкстона...

– Какой смысл мне об этом сообщать, если мы засели здесь неизвестно насколько. Господи, как бы я хотел целиком отдаться книгам и больше никогда не касаться преступлений! Вы отправили образцы Лаббоку?

– Да, милорд, – ответил Бантер. Доктор Лаббок был одним из тех «джентльменов-экспертов», о которых он упоминал горничной.

– Нужны факты, – проговорил Питер. – Факты. В детстве я ненавидел факты. Представлял их мерзкими, несговорчивыми шишками.

– Вы правы, милорд. Моя старая матушка говорит...

– Ваша матушка, Бантер? Вот уж не думал, что вас родила мать! Всегда считал, что вы появились на свет, так сказать, готовым. Извините за дьявольскую бестактность. Прошу прощения.

¹⁹ Цитата из «Путешествия Пилигрима в Небесную страну» Дж. Беньяна. Пер. Ю. Засецкой.

²⁰ Пер. Ю. Засецкой.

²¹ Кофе с молоком (*фр.*).

²² Поэма английского поэта Дж. Гауэра.

– Не стоит, милорд. Моя мать живет в Кенте, неподалеку от Мейдстоуна. Ей семьдесят пять лет, и для своего возраста, если позволите так выразиться, она исключительно активная женщина. Я один из семи ее детей.

– Не верю, Бантер. Мне ли не знать: вы уникальны. Но я вас перебил. Вы собирались рассказать, что ваша мать говорит о фактах.

– Она говорит, что факты похожи на коров. Если уверенно смотреть им в морду, они убегают прочь. Моя мать, милорд, исключительно храбрая женщина.

Питер импульсивно хотел пожать ему руку, но Бантер был слишком вышколен, чтобы это заметить. Он уже правил бритву. Внезапно лорд Питер резко соскочил с кровати и поспешил через лестничную площадку в ванную. Там, достаточно ожив, он возвысил голос и запел:

– «Духи гор, лесов и вод, все в хоровод! Утихло море...»²³ – Затем, проникнувшись перселлийским настроением, продолжил: – «Я напрасно пытаюсь от болезни любви улететь...»²⁴

В этом необычном состоянии духа он налил в ванну несколько галлонов холодной воды и принялся яростно растираться губкой. Промокнув себя полотенцем, он вывалился из ванной и с такой силой ударился голенью о стоявший на площадке дубовый сундук, что у того подскочила крышка и с протестующим стуком снова захлопнулась.

Сэр Питер остановился, высказал сундуку что-то нелестное и осторожно потер ладонью ногу. И тут его осенило. Он положил полотенца, мыло, губку, мочалку, щетку и прочие принадлежности и тихо поднял крышку сундука.

Неизвестно, рассчитывал ли он, подобно героине «Нортенгерского аббатства»²⁵, найти там нечто ужасное, но, как и она, не обнаружил ничего более зловещего, чем аккуратно свернутые на дне простыни и покрывала. Неудовлетворенный, он осторожно приподнял верхнее и некоторое время рассматривал в свете лестничного окна. Он уже собирался вернуть его на место, тихонько насвистывая себе под нос, как вдруг услышал чей-то вздох и, вздрогнув, поднял глаза.

Рядом с ним стояла его сестра. Питер не слышал, как она подошла и встала поблизости, в пеньюаре, сложив руки на груди. Зрачки ее голубых глаз настолько расширились, что глаза казались почти черными, кожа по цвету напоминала ее пепельно-светлые волосы. Уимзи смотрел на нее поверх простыни, которую держал в руках, и тут ее страх передался ему, внезапно наложив на их лица магическую печать кровного родства.

Понимая, что должен немедленно взять себя в руки, секунду-другую Питер глазел на сестру как баран на новые ворота, затем бросил простыню в сундук и поднялся.

– Привет, Полли, привет, дружок. Где же ты все время прячешься? Впервые с тобой столкнулся. Боюсь, тебе пришлось совсем не сладко. – Питер обнял сестру и почувствовал, как та вздрогнула. – В чем дело? Что не так? Да, Мэри, мы редко видимся, но я же твой брат! У тебя неприятности? Не могу ли я как-то...

– Неприятности? – повторила она. – Идиот ты, Питер. Разве тебе не известно, что убит мой жених и моего брата посадили в тюрьму? Вполне достаточно, чтобы считать, что в жизни что-то не так. – Она рассмеялась, а Питер внезапно подумал, что сестра говорит словно героиня кроваво-мелодраматического романа. – Ладно, Питер, – продолжила она обыденным тоном. – Все хорошо, вот только с головой беда. Сама не знаю, что делаю. Что ты тут затеял? Так гремишь, что я вышла. Мне показалось, хлопнула дверь.

– Ложись-ка лучше обратно в постель, – посоветовал брат. – Замерзнешь. Не понимаю, почему женщины носят такие тонкие пижамы в этом холодном климате? Ни о чем не волнуйся. Я заскочу к тебе позже, и мы приятно поболтаем, как в старые времена. Договорились?

²³ Песня Ариэля из пьесы У. Шекспира «Буря», акт I, сцена 2. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

²⁴ Слова из песни английского композитора Г. Перселла.

²⁵ Роман Дж. Остен.

– Не сегодня, Питер. Я сама не своя. (Опять что-то из сентиментальной литературы, подумал брат.) Джеральда судят сегодня?

– Не то чтобы судят – формальности. – Питер мягко подталкивал сестру к ее комнате. – Старый сыч судья выслушивает обвинения, затем вскакивает старина Мерблс и требует свидетельских показаний, данных строго официально, поскольку обязан проинструктировать адвоката, ну вот того Бигги, ты его знаешь. Далее зачитывают показания, на основании которых был произведен арест, а Мерблс заявляет, что старина Джеральд оставляет за собой право на защиту. И так до выездной сессии большой коллегии присяжных. Сплошная ерунда. Коллегия, вероятно, соберется в начале следующего месяца. К тому времени ты должна прийти в себя.

Мэри поежилась.

– Нет и нет! Неужели обязательно меня туда тащить? Не могу переживать все это заново. Я больна. Я ужасно себя чувствую. Нет, не входи! Обойдусь без твоей помощи. Вызови ко мне Эллен, вот колокольчик. Хотя нет, уходи! Убирайся прочь. Ты мне не нужен, Питер.

Питер, слегка обеспокоенный, колебался у ее порога.

– Простите, милорд, но лучше не надо, – услышал он над ухом тихий голос Бантера. – Только вызовет лишнюю истерику, – добавил дворецкий, мягко уводя господина от двери. – Очень болезненно для обеих сторон и совершенно бесперспективно. Лучше дождаться приезда ее светлости вдовствующей герцогини.

– Пожалуй, верно, – согласился Питер и повернулся собрать свои умывальные принадлежности, но Бантер ловко его опередил. Тогда, еще раз подняв крышку сундука, Уимзи задумчиво заглянул внутрь.

– Так что вы нашли на той юбке, Бантер?

– Мелкие крошки гравия, милорд, и белый песок.

– Белый песок...

За охотничьей усадьбой Риддлсдейл вдаль и вширь простиралась болотистая вересковая пустошь с холмами. Вереск был бурым и мокрым, ручейки в нем не имели определенного цвета. В шесть часов солнце еще не садилось, и лишь белесая пелена весь день ползла с востока на запад по тусклому небу. Возвращаясь с долгих и бесполезных поисков других следов человека с мотоциклом, лорд Питер озвучивал тяжкие страдания своей общительной души.

– Вот бы старина Паркер был здесь, – бормотал он, шлепая ногами по раскисшей овечьей тропе.

Он возвращался к усадьбе не напрямую, а через фермерский дом, расположенный от нее примерно в двух с половиной милях и известный под названием «Нора Грайдера». Он располагался у северной окраины деревни Риддлсдейл – одинокий аванпост на участке плодородной земли у края болота, между двумя возвышенностями с обширными зарослями вереска. Тропа вилась с холма Уэмелинг-Фелл, шла по краю неприятной топи и за полмили до фермы пересекала речушку Рид. Питер не надеялся услышать что-нибудь новое в «Норе Грайдера», но руководствовался внезапно возникшим намерением не оставлять неперевернутым ни одного камня. Сам он внутренне был убежден, что, несмотря на изыскания Паркера, мотоциклист воспользовался главной дорогой и, вероятно, проехал через Кингс-Фентон, не останавливаясь и не привлекая внимания. Но Уимзи все равно сказал себе, что должен исследовать окрестности, а «Нора Грайдера» находилась как раз в окрестностях.

Питер остановился раскурить трубку и снова упорно пошлепал по грязи. Здесь, в низине, тропу через равные промежутки отмечали крепкие белые колья, кое-где стояла плетеная изгородь. Ее назначение было очевидным: всего в нескольких ярдах слева начиналась черная трясина с редкими кочками, поросшими камышом. Попади в нее кто-нибудь тяжелее трясогузки, и быстро превратится в россыпь пузырьков на поверхности. Уимзи подобрал растоптанную

банку из-под сардин и бездумно зашвырнул ее в болото. Она упала с чавкающим звуком, напоминающим поцелуй, и тут же исчезла.

Охваченный тем чувством, которое заставляет человека в депрессии думать обо всяких грустных вещах, Питер облокотился на изгородь и праздно размышлял о: 1. Тщетности человеческих желаний; 2. Непостоянстве; 3. Первой любви; 4. Упадке идеализма; 5. Последствиях Великой войны; 6. Контроле над рождаемостью и 7. Обманчивости свободы воли. Он находился в самой низшей точке своего настроения. Но тут, почувствовав, что ноги замерзли, в желудке пусто, а идти предстоит еще несколько миль, перебрался по скользким камням через ручей и оказался у ворот, сколоченных не из обычных жердей, а из крепких, неприступных брусьев. На них опирался человек, он жевал соломинку и при приближении Уимзи не двинулся с места.

– Добрый вечер! – радостно поздоровался Питер, положив ладонь на задвижку. – Не правда ли, свежо?

Человек не ответил, только грузнее навалился на ворота и вздохнул. На нем было грубое пальто и гетры, покрытые навозом.

– По сезону, – продолжал Питер. – Хорошо для овец. Завивается шерсть, и все такое.

Человек вынул изо рта соломинку и сплюнул в сторону правого ботинка гостя.

– Много животных потеряли в трясине? – не отступал Питер, небрежно отпирая ворота и наваливаясь на них со своей стороны. – Я вижу, у вас крепкий забор вокруг дома. В темноте, наверное, немного опасно. Вдруг вы заболтаетесь с приятелем во время вечерней прогулки да и налетите лбом?

Человек снова сплюнул, натянул на лоб шляпу и коротко спросил:

– Чего надо?

– Хотел нанести небольшой визит мистеру... ну, то есть владельцу этой фермы. Сельское добрососедство, и все такое... Тут скучновато, вам ли не знать. Как вы считаете, он дома?

Человек хрюкнул.

– Рад это слышать, – кивнул Питер. – Так непривычно приятно убедиться, что йоркширцы народ очень добрый и гостеприимный. Неважно, кто пришел, сразу приглашают к огню, да так приветливо. Простите, вы в курсе, что, опираясь на ворота, не даете мне их открыть? Не сомневаюсь, исключительно по недосмотру. Вам невдомек, что, стоя таким образом, вы играете роль рычага. Какой прелестный дом! Все радостно, голо и сурово. Никаких вьюнов, роз и других городских штучек. Кто в нем живет?

Человек окинул его взглядом с ног до головы и ответил:

– Мистер Граймторп.

– Неужели? Только подумать! Вот его-то я и хотел бы повидать. Образцовый фермер. На просторах Северного Райдинга только и слышишь: «Масло Граймторпа самое лучшее. Одежду из граймторпской шерсти можно носить вечно. Свинина тает на вилке. Для ирландского рагу берите мясо только у Граймторпа. Кто его бифштексы уважает, тот горя не знает». Цель моей жизни – повидаться с мистером Граймторпом лично. А вы, как я понимаю, его верный помощник и правая рука. Бессменно встаете затемно который год и доите коров среди ароматного сена. А вечером, когда овец ряды нисходят с гор, вы загоняете их всех во двор. Потом, детей собрав у очага, рассказываете, как жили в прежние века. Замечательная жизнь, хотя зимой, наверное, немного монотонная. Разрешите пожать вашу честную руку.

То ли на человека подействовал всплеск поэзии, то ли меркнувший свет был недостаточно тускл, чтобы скрыть металлический блеск в ладони Питера, но он немного отступил от ворот.

– Большое спасибо, дружище. – Сэр Питер порывисто шагнул за ним. – Я так понимаю, что мистера Граймторпа можно найти дома?

Человек ничего не ответил, и лишь когда Уимзи уже прошел дюжину ярдов по мощенной плитками дорожке, окликнул его, не поворачивая головы:

- Мистер!
- Что, приятель? – дружелюбно отозвался Питер.
- Как бы он не награвил на вас собаку.

– Разве такое возможно? Верный пес приветствует возвращение блудного сына²⁶. Сцена семейного воссоединения. «Мой давно потерянный малыш!» Рыдания, речи, пиво для восхищенных арендаторов. Веселье у древнего костра до упаду, пир горой. Покойной ночи, милый принц²⁷, пока домой не вернутся коровы, и псы съедят Иезавель за стеною Изрееля²⁸. И пока весенние гончие не встанут на зимний след²⁹. Полагаю, они уже поужинали, – добавил он от себя.

По мере приближения к двери фермерского жилища настроение Питера повышалось. Он любил наносить подобные визиты. Хотя он и увлекался расследованиями так, как при другом воспитании и законах мог бы увлечься курением индийской травки – за их бодрящие свойства, – в моменты, когда жизнь казалась суетой и тленом, его детективный темперамент отступал на второй план. Питер ничего не ждал от посещения «Норы Грайдера» – и если бы захотел, то любую информацию мог бы получить прямо у ворот, показав угрюмому человеку несколько банкнот. Паркер, скорее всего, так бы и поступил – ему платили за следственные действия и ни за что другое. И ни природные данные, ни образование (он учился в престижной частной школе Барроу-ин-Фернс) не побудили бы его блуждать по задворкам неуправляемого воображения.

Но лорду Питеру мир представлялся увлекательным лабиринтом побочных тем. Он был уважаемым знатоком пяти или шести языков, неплохо музицировал, разбирался в токсикологии, коллекционировал редкие издания книг, был светским человеком и по-обывательски любил сенсации. По воскресеньям в половине первого его видели гуляющим в Гайд-парке в цилиндре и сюртуке и читающим газету «Ньюс оф зе уорлд». Страсть к неизведанному толкала его к поискам неизвестных текстов в Британском музее, копанию в эмоциональных историях сборщиков налогов и рассуждениям, куда его занесет его собственным течением. И в этом смысле тема йоркширского фермера, готового спустить на случайного гостя собак, требовала личной встречи. Хотя результат был непредсказуем.

На его первый стук никто не откликнулся, и он постучал снова. За дверью возникло движение, и раздался злобный голос:

- Ну ипусти его тогда, черт его побери – и черт *тебя* побери!

Ругательство сопровождалось звуком: то ли что-то упало, то ли что-то нарочно швырнули.

Дверь неожиданно открыла девочка лет семи – очень темная, симпатичная. Она потирала руку, словно в это место ей угодил камень. Девочка настороженно стояла, закрывая собой проход, пока прежний голос не спросил:

- Кого там принесло?
- Добрый вечер, – поздоровался Уимзи, снимая шляпу. – Надеюсь, вы простите меня за то, что я так бесцеремонно зашел. Я живу в Риддлсдейл-лодже.
- И что с того?

Поверх головы девочки Питер заметил силуэт курившего у огромного камина крепко сбитого мужчины. Помещение освещалось только огнем в топке, хотя окна были маленькие, а на улице смеркалось. Комната, судя по всему, была большой, но сразу за дымоходом ее перегородивала надвое высокая дубовая скамья, за которой простиралась область непроглядной тьмы.

²⁶ Лк 15:11–32.

²⁷ У. Шекспир «Гамлет», акт V, сцена 2. Пер. А. Кронеберга.

²⁸ 3Цар. 21:23.

²⁹ Из поэмы А. Суинберна «Атланта в Каледоне».

– Можно войти? – спросил Уимзи.

– Если не терпится, – нелюбезно ответил хозяин. – Закрой дверь, девка, на что уставилась? Пооди к своей мамаше – пусть поучит тебя манерам.

Ситуация напоминала ту, когда горшок учит чистоте чайник. Но девочка моментально растворилась в темноте, а гость сделал шаг вперед и вежливо спросил:

– Вы мистер Граймторп?

– А если и так, что с того? Уж *мне* не приходится стыдиться за мою фамилию.

– Разумеется, – кивнул Уимзи. – И за ферму тоже. Замечательное место. Кстати, меня зовут Уимзи, лорд Питер Уимзи, брат герцога Денверского. Не хотел вас тревожить – вы ведь заняты овцами и всем прочим, – но все-таки решился заглянуть по-соседски. Уединенная местность – полезно знать тех, кто обитает рядом. Понимаете, я привык к Лондону, где люди живут скученно. Сюда, наверное, редко заходят незнакомцы?

– Вообще не заходят, – отрезал Граймторп.

– Возможно, это и к лучшему, – продолжал лорд Питер. – Больше ценится домашний круг. Часто возникает мысль, что в городе видишь слишком много чужаков. Не то что в семье, где все, что говорится и делается, исключительно приятно. Вы женаты, мистер Граймторп?

– Какого черта вам здесь нужно? – прорычал хозяин с такой яростью, что Уимзи тревожно оглянулся: не прорвались ли в дом недавно упомянутые собаки.

– Не горячитесь, – ответил Уимзи. – Просто я подумал, что та очаровательная девочка – ваша дочь.

– Если бы я думал иначе, то придушил бы сучонку вместе с матерью. Как вам такое?

Вопрос, который следовало расценивать как разговорную формальность, был таков, что естественное красноречие Питера подверглось серьезному испытанию. Он прибег к обычному мужскому выходу из положения и предложил хозяину фермы сигару, а сам подумал: «Какую же окаянную жизнь ведет с этим типом женщина!»

Фермер, отказавшись от сигары коротким «нет», надолго замолк. Уимзи, раскурив свою, задумчиво разглядывал «собеседника». Это был выдавший виды мужчина лет сорока пяти, грубый, неотесанный, с широкими рельефными плечами и короткими толстыми ногами – одним словом, бультерьер с дурным характером. Решив, что тонкие намеки такой организм не проймают, Уимзи начал напрямую.

– Сказать по правде, мистер Граймторп, я заявился без какого-либо повода. Хотя, проходя в чей-то дом, всегда полезно поводом обзавестись. Но вас повидать – это так замечательно, что и повод не нужен. Хотя, если честно, повод все-таки был: я ищу приятеля, который, как он мне сообщил, обретался где-то в округе. Боюсь, я с ним разминулся. Понимаете, я только что приехал с Корсики – интересная страна, я вам скажу, только очень далекая. Из того, что говорил мне друг, он должен был объявиться здесь с неделю назад и искать меня. Но мне, как всегда, не везет – он, не оставив карточки, лишил меня всякой уверенности. Вы его, случайно, не встречали? Высокий, с большой ступней, на мотоцикле с коляской. Может, проезжал мимо. Не знаете его?

Лицо фермера перекопилось и потемнело от бешенства.

– В какой день это было? – прорычал он.

– Речь идет о среде или ночи на четверг, – продолжал Уимзи, держа руку на своей тяжелой малайзийской трости.

– Так и знал, – прохрипел Граймторп. – Эта шлюха и все эти грязные бабы хитрости... Слушай сюда, мистер. Говоришь, он твой приятель? Так вот, в среду и четверг я был в Степли, и ты это знал. Знал? И твой дружок тоже знал. Раз я его не поймал, тем хуже для тебя. Я бы его в бараний рог согнул, как тебя через секунду! А будете здесь еще рыскать, костей не соберете!

С этими удивительными словами он кинулся на Питера, норовя вцепиться в горло, как бульдог.

– Э, так не пойдет! – воскликнул Питер, освободившись от захвата с ошеломительной для противника легкостью и заломив его запястье загадочным и чрезвычайно болезненным приемом, от чего тот моментально обмяк. – Очень неразумно, так можно и убить. Убийство – дело скверное. Следствие и все такое. Обвинитель станет задавать неприятные вопросы. А потом вам накинут на шею петлю. К тому же ваши методы весьма примитивны. Стойте спокойно, идиот, иначе сломаете себе руку. Вот так. Теперь сядьте. В один прекрасный день вы влипнете в серьезные неприятности, если будете себя вести подобным образом в ответ на вежливый вопрос.

– Убирайся из моего дома! – мрачно потребовал Граймторп.

– Непременно, – кивнул Питер. – Спасибо за вечернее развлечение. Жаль, что не сообщили новостей о моем приятеле.

Фермер вскочил, изрыгая потоки брани, и ринулся к двери с криками:

– Джейбез! Джейбез!

Лорд Питер секунду смотрел ему вслед, затем обвел глазами комнату.

– Что-то здесь нечисто, – пробормотал он. – Этот тип что-то знает. Опасный ублюдок. Интересно... – Он заглянул за скамью и внезапно наткнулся взглядом на лицо женщины – тусклое светлое пятно в плотной тени.

– Вы? – хрипло выдохнула та. – Вы? Вы сумасшедший, раз явились сюда. Быстрее! Быстрее! Он пошел за собаками.

Она уперлась ладонями в его грудь, решительно выталкивая обратно, а когда пламя из камина осветило его лицо, сдавленно вскрикнула и застыла с выражением ужаса, как у Медузы с картины Караваджо...

Предание гласит, что Медуза была красива. Эта женщина тоже. Открытый белый лоб под копной темных волос, блеск черных глаз из-под прямых бровей, широкий чувственный рот такой изумительной формы, что даже в этот напряженный момент в жилах Питера разыгралась кровь всех шестнадцати поколений знати. Его руки инстинктивно сомкнулись вокруг плеч прекрасной незнакомки, но женщина сжалась и поспешно отстранилась.

– Мадам, – начал Уимзи, приходя в себя, – я не совсем...

В его голове роилась тысяча вопросов, но прежде, чем он успел облечь их в слова, за домом послышался лай.

– Бегите, бегите! – вскрикнула женщина. – Собаки! Боже, что со мной станет? Скорее, пока меня из-за вас не убили. Уходите! Имейте жалость!

– Послушайте, – попытался успокоить ее Питер. – Я могу остаться и защитить вас...

– Вы можете остаться и погубить меня. Не медлите!

Питер, послав ко всем чертям традиции привилегированной школы, подхватил трость и выскочил наружу. Злобные зверюги преследовали его по пятам, пока он бежал к выходу. Питер ударил палкой первую – собака, зарывав, отпрянула. Человек у забора по-прежнему опирался на ворота. Позади слышался хриплый голос Граймторпа – он требовал, чтобы тот схватил беглеца. Последовала свалка из людей и псов, и Питер вдруг почувствовал, что перелетает через ворота. Он поднялся и на бегу слышал, как фермер отчитывает работника, а тот оправдывается – мол, ничего не мог поделать. Их перебранку перекрывал испуганный женский голос. Питер оглянулся через плечо. Работник, женщина и еще один человек, присоединившийся к веселью, отгоняли собак назад и как будто уговаривали Граймторпа не выпускать их с территории. Слова, судя по всему, подействовали, потому что фермер повернул прочь, а второй работник криками и ударами хлыста продолжал прогонять псов. Женщина что-то сказала, муж сердито накинулся на нее и повалил на землю.

Питер дернулся было, чтобы прийти на помощь, но его остановило твердое убеждение, что от этого будет только хуже. Он стоял и смотрел, как женщина поднялась и пошла к дому,

утирая шалью кровь и грязь с лица. Фермер погрозил Питеру кулаком и последовал за ней. Джейбез увел собак, а приятель Питера снова облокотился на ворота.

Питер дождался, когда за семейством Граймторп закрылась дверь, достал платок и пома- хал работнику, который, проскользнув в ворота, медленно направился к нему.

– Большое спасибо, – поблагодарил Питер, вкладывая ему деньги в ладонь. – Боюсь, я невольно стал причиной скандала.

Мужчина посмотрел на него и на деньги.

– Держитесь отсюда подальше, мистер, если не хотите, чтобы ее кровь пала на вашу голову.

– Послушайте, – заговорил Уимзи, – вы, случайно, не видели в среду или около того молодого мужчину на мотоцикле?

– Нет... В среду я ездил в Степли. За техникой, за зерном.

– Ладно. Если узнаете, что кто-нибудь видел, дайте мне знать. Вот мое имя. Я живу в Риддлсдейл-лодже. Доброй ночи. И еще раз спасибо.

Человек взял визитную карточку и, не прощаясь, пошел прочь.

Лорд Питер медленно брел, подняв воротник пальто и надвинув на глаза шляпу. Этот кинематографический эпизод поколебал его способность логически думать. Он с трудом сортировал свои мысли и организовывал их в некоторое подобие порядка.

«Пункт первый, – говорил он себе. – Мистер Граймторп. Джентльмен, который ни перед чем не остановится. Дюжий. Грубый. Негостеприимный. Сатрап по характеру, ревнует свою потрясающую жену. В прошлую среду ездил в Степли покупать технику. Услужливый человек у ворот это косвенно подтвердил. Так что на данной стадии расследования можно считать это за алиби. Таинственного типа на мотоцикле с коляской не видел, *если* тот здесь вообще проезжал. Хотя надо думать, что проезжал. А если так, то мало сомнений, с какой целью. Возникает интересный момент. Зачем понадобилась коляска? С ней тут ездить неудобно. Если он приезжал за миссис Г., то – это очевидно – не забрал ее. Пошли дальше.

Пункт второй. Миссис Граймторп. Очень одинокий пункт. Господи! – Питер остано- вился, вспоминая драматический момент. – Давайте признаем сразу: если человек с ногой десятого размера появлялся здесь с той целью, в которой его подозревают, то у него были на это веские основания. Итак. Миссис Г. страшится мужа, которому ничего не стоит по первому подозрению швырнуть ее на землю. Бог ему судья – я сделал бы все только хуже. Единственное, чем можно помочь жене такого дикаря, – держаться от нее подальше. Остается надеяться, что он ее не убьет. Одного раза достаточно. Итак, к чему я пришел?

Пункт третий. Миссис Граймторп что-то знает и кого-то знает. Она приняла меня за человека, которому никак не следовало являться в это место. Интересно, где она была, когда я разговаривал с Граймторпом? В комнате ее не было. Возможно, ее предупредила девочка? Не годится. Я сказал девочке, кто я такой. Ага! Кажется, осенило. Она посмотрела в окно и увидела человека в поношенном клетчатом пальто. Но Десятый Размер тоже ходит в поно- шенном клетчатом пальто. Предположим на секунду, что она приняла меня за него. Что она делает дальше? Поначалу благоразумно держится в стороне. Ей непонятно, с чего мне взбрело в дурную голову заявиться в их дом. Когда же муж побежал звать псаря, она отважно рискует жизнью, чтобы поскорее выпроводить своего... своего – скажем прямо – любовника. Тут она понимает, что перед ней не любовник, а просто какой-то любопытный осел (боюсь), причем еще и упрямый. Новый поворот неловкой ситуации. Она велит ослу выметаться из дома, чтобы спастись самому и спасти ее. Осел выметается – не слишком обходительно. Теперь надо ждать следующего акта этой увлекательной драмы. Когда? Вот что интересно знать».

Некоторое время Питер топал по грязи молча, потом заметил:

– И тем не менее, все это ничуть не проливает свет на то, что делал Десятый Размер в Риддлсдейл-лодже.

К концу своего путешествия он так и не пришел ни к каким выводам по этому поводу.

– В любом случае, – сказал он себе, – если это не будет угрожать жизни миссис Граймторп, я должен снова с ней встретиться.

Глава 5

Улица Сент-Оноре и улица Де-ла-Пэ

*Думаю, это был кот.
Корабль ее величества
«Пинафор»³⁰*

Паркер сидел с несчастным видом в маленькой квартирке на улице Сент-Оноре. В три часа дня Париж был полон мягкого, но радостного осеннего солнца, однако окна выходили на север и помещение наводило тоску простой темной мебелью и застоялым воздухом.

Это была мужская комната – выдержанная в строгом стиле respectable клуба и соответствующая сухому вкусу покойного владельца. У холодного камина стояли два обитых красной кожей кресла. На каминной полке – бронзовые часы; по обе стороны – блестящие гильзы от немецких снарядов. В пепельнице из камня давно потухшая трубка. В рамках из грушевого дерева несколько превосходных гравюр и портрет маслом довольно напыщенной дамы времен Карла II. На окнах красные шторы, пол покрыт плотным турецким ковром. Напротив камина – высокий книжный шкаф красного дерева со стеклянными дверцами. Несколько томов английской и французской классики, большая подборка работ по истории и международной политике, французские романы, книги на спортивные и военные темы и известное французское издание «Декамерона»³¹ с дополнительными иллюстрациями. У окна стоял большой секретер.

Паркер покачал головой, взял лист бумаги и принялся писать донесение. В семь он позавтракал булочками с кофе, тщательно осмотрел квартиру, допросил консьержку, переговорил с управляющим банка «Лионский кредит» и квартальным префектом полиции, но результат получился весьма плачевным.

Информация, почерпнутая из бумаг капитана Кэткарта, была таковой.

До войны Дэнис Кэткарт был, несомненно, богатым человеком: вкладывал средства в предприятия России и Германии и имел долю в процветающей виноделии Шампани. Получив в двадцать один год наследство, три года провел в Кембридже, много путешествовал, встречался с важными персонами, готовился стать дипломатом. Период с 1913 по 1918 год был интересным, тяжелым и удручающим. В начале войны Кэткарт получил офицерский чин. С помощью чековой книжки Паркер восстановил финансовую жизнь молодого британского офицера: обмундирование, лошади, вооружение, поездки, обеды и вино во время увольнений, карточные долги, плата за квартиру на улице Сент-Оноре, клубные взносы и многое другое. Скромные траты строго соответствовали доходам. Счета были аккуратно сложены и занимали целый ящик в секретере. Никаких расхождений. Но помимо этого, казалось, средства Кэткарта утекали куда-то еще. Начиная с 1913 года каждый квартал капитан снимал крупные суммы наличных, ставя на чеках в графе «Получатель» самого себя. Иногда чаще. По поводу того, куда уходили средства, секретер хранил молчание: в бумагах не было ни расписок, ни квитанций, ни листа учета расходов.

Потрясший мировые финансы удар 1914 года отразился и в депозитной книжке Кэткарта. Поступления из Германии и России прекратились, а из Франции, где война прокатилась по винодельческим регионам и оторвала рабочих от дел, сократились до четверти прежнего объема. В первый год еще продолжали поступать существенные дивиденды от вложений во

³⁰ «Корабль ее величества «Пинафор», или Возлюбленная матроса» – комическая опера в двух действиях композитора А. Салливана и либреттиста У. Гилберта.

³¹ Сборник новелл итальянского писателя Дж. Боккаччо.

французские государственные ценные бумаги. Затем кредитный актив сократился на 20 тысяч франков, а через полгода еще на 30, после чего все быстро покатило под гору. Паркер мог представить, как в вихре повышающихся цен и обвала валют распродавались государственные облигации и таяли накопления. Доход становился все меньше, появлялось больше долговых обязательств.

Примерно к восемнадцатому году ситуация стала настолько острой, что записи демонстрировали безуспешные попытки поправить дела игрой на курсах валют. Через банк проводились покупки немецких марок, русских рублей и румынских леев. Паркер, вспомнив о собственных 12 фунтах, вложенных в подобные никчемные образцы гравировального искусства, лежавшие теперь дома в его письменном столе, сочувственно вздохнул. Он понимал, что они стоят не больше бумаги, на которой напечатаны, но его рассудительный ум не терпел даже мысли, чтобы их выкинуть. Кэткарт явно убедился, что марки и рубли – дело гиблое.

Где-то в этот же период банковская расчетная книжка Кэткарта стала демонстрировать поступления наличными – то больших, то малых сумм с разной периодичностью. В декабре 1919 года сумма достигла 35 тысяч франков. Паркер сначала предположил, что эти доходы представляют собой дивиденды от неких ценных бумаг, которые Кэткарт держал при себе, не проводя через банк. Он тщательно обыскал комнату, надеясь найти или сами облигации, или любой документ, где о них бы упоминалось, но напрасно. И был вынужден заключить, что Кэткарт либо держал их в каком-нибудь тайном месте, либо доход происходил из иного источника.

Кэткарт демобилизовался очень быстро (явно благодаря завязанным ранее знакомствам с важными государственными лицами) и долго отдыхал на Ривьере. Последующий визит в Лондон совпал с получением семисот фунтов, которые, переведенные по тогдашнему курсу во франки, составили неплохое подспорье счету. С тех пор расходы и поступления были примерно сбалансированы, выписанные на себя чеки существеннее, а начиная с 1921 года стали возвращаться доходы от вложений в виноделие.

Тщательно записав информацию, Паркер откинулся на спинку и обвел взглядом помещение. Он не в первый раз ощутил неприязнь к своей профессии, вырвавшей его из сообщества мужчин, которые относились друг к другу с доверием и уважали частную жизнь. Раскурив потухшую трубку, он продолжил писать донесение.

Информация, полученная от мсье Туржо, управляющего банка «Лионский кредит», во всем подтвердила данные расчетной книжки Кэткарта. В последнее время тот осуществлял платежи наличными, обычно банкнотами небольшого достоинства. Раз или два ненамного превысил кредит, но в течение нескольких месяцев погасил задолженность. Кэткарт, как все, страдал от сокращения доходов, но его счет никогда не доставлял банку неудобств. На последний момент положительный баланс составлял 14 тысяч франков. Мсье Кэткарт был очень приятным, но не слишком общительным человеком – и чрезвычайно корректным.

Информация, полученная от консьержа.

Он не часто видел мсье Кэткарта, но считал его очень вежливым. Уходя или приходя, тот никогда не забывал поздороваться – говорил: «Bon jour, Bourgeois»³². Иногда к нему приходили господа в вечерних костюмах. Один был партнером в карточных играх. Мсье Бургуа никогда не видел в его комнатах женщин, кроме одного случая, когда капитан пригласил на завтрак дам, *très comme faut*³³, которые привели с собой его *fiancée, une jolie blonde*³⁴. Мсье Кэткарт пользовался квартирой в качестве *piéd à terre*³⁵, часто закрывал и уезжал на несколько недель

³² Добрый день, Бургуа (*фр.*).

³³ очень благопристойных (*фр.*).

³⁴ невесту, очень приятную блондинку (*фр.*).

³⁵ временного жилища (*фр.*).

или месяцев. Он был un jeune homme très rangé³⁶. Слуг не имел. В его квартире поддерживала чистоту мадам Леблан, кухня покойной жены консьержа, очень достойная женщина. Разумеется, он даст мсье ее адрес.

Информация, полученная от мадам Леблан.

Мсье Кэткарт был очаровательным молодым человеком, ей нравилось у него работать. Благородный, постоянно интересовался семьей. Мадам Леблан сильно расстроилась, узнав о его смерти накануне свадьбы с дочерью английской миледи. Она видела мадемуазель в прошлом году, когда та приезжала в Париж повидаться с Кэткартом, и считала, что молодой леди очень повезло. Немногие мужчины настолько же серьезны, как мсье Кэткарт, особенно при такой привлекательной внешности. Мадам Леблан мужчин знает и могла бы под настроение рассказать множество историй, но о мсье Кэткарте ничего подобного не слышала. Он не всегда пользовался квартирой, но ее извещал, когда намеревался приехать, и она приводила комнаты в порядок. Он и сам поддерживал чистоту и в этом отношении отличался от других англичан. Мадам Леблан встречала таких, у которых sens dessus dessous³⁷. Мсье Кэткарт всегда очень хорошо одевался. Регулярно мылся. Несчастный господин увлекался своим туалетом, как женщина. И вот умер! Le pauvre garçon³⁸. От этой трагической новости у мадам Леблан даже аппетит пропал.

Информация, полученная у господина префекта полиции.

Абсолютно никакой информации. Мсье Кэткарт никогда и ни в каком отношении не привлекал внимание полиции. Что же касается упомянутых господином Паркером денежных сумм – если господин предоставит номера купюр, будут предприняты усилия проследить их оборот.

Куда уходили деньги? Паркер мог представить только два варианта: незаконное предприятие или шантаж. Разумеется, столь привлекательный мужчина, как Кэткарт, мог иметь женщину и даже не одну, о которых не подозревал консьерж. Карточному шулеру – если Кэткарт в самом деле им являлся – грозит опасность оказаться под властью слишком много узнавшего человека. Нерегулярные поступления наличными, когда иссякли его доходы, могли быть выигрышами в казино, на курсах валют, или – если верить рассказам Денвера – в нечестной карточной игре. Паркер склонялся к версии шантажа. Это более соответствовало картине преступления, которую они с лордом Питером реконструировали в Риддлсдейле.

Но кое-что все-таки озадачивало Паркера. Зачем шантажисту понадобилось ехать на мотоцикле с коляской через йоркширские болота? Кому принадлежал зеленоглазый кот? Безделушка недешевая. Не мог ли Кэткарт предложить ее в качестве части платежа? Мысль показалась глупой: шантажист отверг бы ее с презрением, – но кот теперь был у Паркера и детективу пришлось в голову, что следовало бы отнести его ювелиру на оценку. Все было неясным: роль коляски, роль кота и более всего – роль леди Мэри.

Почему она солгала на следствии? То, что она говорила неправду, не вызывало у Паркера сомнений. Он не верил ни единому слову истории о разбудившем ее втором выстреле. Что привело ее к двери в оранжерею в три часа утра? Чей чемодан был спрятан в кактусах – если там вообще стоял чемодан? Что это за длительный нервный срыв без определенных симптомов, не позволивший дать показания магистрату и ответить на вопросы брата? Не присутствовала ли леди Мэри при встрече в кустах? Но тогда они с Уимзи наверняка обнаружили бы там ее следы. Не в сговоре ли она с шантажистом? Предположение было неприятным. Не намеревалась ли помочь жениху? От герцогини Паркер знал, что леди Мэри располагает собственными средствами. Не решила ли она поддержать Кэткарта деньгами? Но в таком случае почему не сообщила все, что ей известно? Худшее из высказанных о Кэткарте предположений

³⁶ очень правильным молодым человеком (*фр.*).

³⁷ все вверх ногами (*фр.*).

³⁸ Бедный юноша! (*фр.*).

– что он карточный шулер – стало всеобщим достоянием, а сам он умер. Если Мэри знает правду, почему не выступила и не спасла брата?

В этот момент Паркеру пришла в голову еще более неприятная мысль. Что, если миссис Марчбэнкс слышала в библиотеке шаги не Денвера, а кого-то другого – человека, который тоже назначил встречу с шантажистом, но был на его стороне против Кэткарта и понимал опасность их разговора? А сам Паркер – достаточно ли хорошо осмотрел лужайку между домом и зарослями, где проходила встреча? Возможно, что утром в четверг там еще были следы примятости, а потом благодаря дождю и жизненным силам трава вновь воспрянула. *Все ли следы они с Питером обнаружили в лесу? Не произвела ли этот выстрел с близкого расстояния чья-то более надежная рука? И еще раз – чей же этот зеленоглазый кот?*

Догадки, предположения – одно неприятнее другого – кололи сознание Паркера. Он взял данную ему Уимзи фотографию Кэткарта и долго с любопытством вглядывался в изображение. Смуглое симпатичное лицо, слегка выющиеся черные волосы, большой, хорошо очерченный нос, темные с разлетом глаза, одновременно притягательные и надменные. Губы красивые, хотя чуть полноватые, с намеком на чувственность в изгибе. Подбородок с ямочкой. Паркер признал, что изображенный на фотографии человек ему не нравится – кажется слишком напыщенным. Он бы отмахнулся от такого приятеля как от байронического мерзавца. Но опыт подсказывал, что подобный тип лица способен сильно действовать на женщин, вызывая в них любовь или ненависть.

Совпадения обычно похожи на розыгрыши Провидения. И Паркер вскоре удостоился – если это выражение в данном случае уместно – познакомиться с проявлением подобного снисходительного юмора. Как правило, такие вещи случались не с ним – они были больше по части Уимзи. Детектив проделал путь с низших ступеней до уважаемой должности в Скотленд-Ярде скорее благодаря упорному труду, практичности и осторожности, чем счастливым совпадениям и умению поймать удачу за хвост. Но на этот раз Паркера явно «вел» кто-то свыше, а то, что детектив не ощутил по этому поводу особой благодарности, можно объяснить только одним из проявлений несовершенной человеческой природы.

Он закончил донесение, все аккуратно сложил в стол и заглянул в полицейский участок договориться с префектом о ключах и печатях на дверь. Вечер только начинался, и похолодало несильно. Паркер решил разогнать мрачные мысли кофе с коньяком на бульваре Сен-Мишель, а затем прогуляться по парижским магазинам. По натуре добрый семейный человек, он захотел купить что-нибудь парижское своей старшей сестре – незамужней и ведущей одинокую унылую жизнь в Барроу-ин-Фернс. Детектив знал, что она придет в восторг от тонкого кружевного нижнего белья, которого никто, кроме нее самой, не увидит. Паркер был не из тех, кто испытывает неловкость, покупая в иностранном магазине женское белье: не имел для этого достаточного воображения. Он помнил, как однажды судья поинтересовался, что такое «камисоль»³⁹, и детектив не нашел ничего смущающего в описании этого предмета одежды. И теперь намеревался найти истинно парижский магазин и спросить там камисоль. Этим он положит начало, а затем продавщица без всяких просьб покажет все остальное.

Около шести вечера Паркер шел по улице Де-ла-Пэ с небольшой коробкой под мышкой. Он потратил денег больше, чем намеревался, но приобрел массу знаний. Больше не сомневался, что такое «камисоль», и впервые в жизни осознал, что крепдешин не имеет ничего общего с крепом и, хотя очень тонок, на удивление дорог. Молодая продавщица вела себя очаровательно мило и, ни на что не намекая, сумела устроить так, что покупатель ощутил себя немного собакой. Он чувствовал, как улучшилось его французское произношение. Мимо великолепных витрин магазина по улице неспешно прогуливались толпы людей. Паркер оста-

³⁹ Легкая укороченная комбинация.

новился, заглядевшись на выставку украшений, словно колебался в выборе между жемчужным колье за 80 тысяч франков, алмазной подвеской и аквамаринами в платине.

И тут увидел, что, свисая из-под бирки с надписью «Vonne fortune»⁴⁰, ему по-злодейски подмигивает зеленоглазый кот. Кот смотрел на Паркера, а Паркер смотрел на кота. Это был не обычный, а особенный кот. Тонкое изогнутое тельце сверкало алмазами, платиновые лапы сведены вместе, блестящий хвост задран вверх – все выдавало чувственную радость, будто он терся о некий любимый предмет. Голова слегка склонена на одну сторону, приглашая приласкать шею. Истинное произведение искусства – художника, а не ремесленника. Паркер достал блокнот и посмотрел на изображенного в нем кота, затем на кота с витрины. Они были похожи. Удивительно похожи. Одинаковые. Паркер вошел в магазин.

– Мой бриллиантовый кот очень похож на того, что выставлен в вашей витрине, – обратился он к молодому человеку за прилавком. – Не окажете ли любезность сообщить, какова стоимость такого кота?

– Разумеется, мсье, – с готовностью ответил продавец. – Его цена пять тысяч франков. Он, как вы понимаете, сделан из самых превосходных материалов. Более того, это настоящее произведение искусства и ценится выше рыночной стоимости потраченных на него драгоценных камней.

– Это, полагаю, своеобразный талисман?

– Совершенно верно, мсье. Приносит удачу. Особенно в карточной игре. Эти небольшие предметы часто покупают женщины. У нас есть и другие талисманы, но все подобного качества и цены. Мсье может не сомневаться, что его кот высочайшей породы.

– И таких котов можно приобрести в Париже повсюду? – как бы равнодушно спросил Паркер.

– Нет, мсье, – ответил продавец. – Если вы планируете подобрать своему коту пару, советуем поспешить. У господина Брике было только два десятка, а теперь, включая того, что на витрине, осталось всего три. Думаю, он больше не станет ими заниматься. Повторять одно и то же значит вульгаризировать идею. Конечно, появятся другие коты...

– Мне не нужно другого, – внезапно заинтересовался Паркер. – Я так понимаю, что подобных котов продавал только Брике. Следовательно, и мой из вашего магазина?

– Несомненно. Это один из наших котов. Сделан нашим художником, занимавшимся подобными миниатюрными зверьками.

– Полагаю, невозможно установить, кому был изначально продан этот кот?

– Если с прилавка за наличные – нет. Но если попал в наши книги – возможно, получится, если угодно мсье.

– Очень угодно, – кивнул Паркер, доставая визитку. – Я сотрудник британской полиции. Мне крайне важно узнать, кому сначала принадлежал этот зверь.

– В таком случае мне необходимо известить владельца магазина, – заявил продавец. Он ушел с визиткой в глубь помещения и вскоре возвратился с крепким мужчиной, которого представил как господина Брике.

В кабинете хозяин выложил на стол учетные книги.

– Вы должны понимать, что я могу назвать фамилии и адреса покупателей котов лишь в том случае, если мы получали плату с их счетов. Конечно, маловероятно, что такую дорогую вещь покупали за наличные. Но случается, что богатые англосаксы приобретают украшения именно так. Углубляться в прошлое дальше, чем до начала года, нет нужды – именно тогда были изготовлены эти коты. – Брике провел толстым пальцем по записям в книге. – Первая продажа состоялась девятнадцатого января.

Паркер записывал фамилии и адреса, и через полчаса господин Брике подытожил:

⁴⁰ На удачу (*фр.*).

– Это все, мсье. Сколько у вас получилось человек?

– Тринадцать, – ответил Паркер.

– В магазине осталось три кота. Изначально их было двадцать. Следовательно, четыре штуки продали за наличные. Если хотите, сверимся с бухгалтерскими книгами.

Поиски в бухгалтерских книгах оказались более утомительными, но четырех котиков обнаружить удалось. Первого продали 31 января, второго 6 февраля, третьего 17 мая и последнего 9 августа.

Паркер поднялся и рассыпался в похвалах и благодарностях, и тут ему в голову пришла мысль показать господину Брике фотографию капитана.

Хозяин магазина покачал головой.

– Уверен, он не из наших постоянных клиентов. У меня хорошая память на лица. Стараясь запомнить всех, кто имеет у нас счет. А у этого господина необычное лицо. Но мы можем спросить моих помощников.

Большинство работников не узнали изображенного на карточке человека, и Паркер уже собирался спрятать фотографию в карман, но тут девушка, которая вернулась, продав обручальное кольцо тучному пожилому еврею, уверенно заявила:

– Mais oui, j'ai vu, ce monsieur-là⁴¹. Он англичанин. Купил бриллиантового кота для симпатичной блондинки.

– Мадемуазель, – встрепенулся Паркер, – окажите мне любезность, расскажите все, что сможете вспомнить.

– Хорошо, – кивнула продавщица. – Такое лицо не забыть, особенно женщине. Господин купил бриллиантового кота и заплатил... ах нет, не так: вспомнила, купила дама и выложила наличные. Я еще удивилась: женщины обычно не носят таких крупных сумм. Господин тоже совершил покупку – приобрел для дамы черепаховый с бриллиантами гребень. И тут она сказала, что тоже хочет подарить ему что-то на счастье. Спросила, нет ли у нас талисмана, приносящего удачу в карточной игре. Я показала несколько пристойных для господина украшений. Но она увидела этих котиков, они ей понравились, и сказала, что больше ничего не хочет и уверена, что это именно то, что ему нужно. Спросила моего совета. Я ответила, конечно, что джентльмен больше никогда не сядет без него за карточный стол. Он рассмеялся и пообещал не расставаться с котом за игрой.

– Какова из себя была эта дама? – спросил Паркер.

– Блондинка, мсье. Очень привлекательная, довольно высокая, стройная, хорошо одетая. Большая шляпка, темно-синий костюм. *Quoi encore? Voyons*⁴² – она была иностранкой.

– Англичанкой?

– Не знаю. По-французски говорила очень хорошо, как француженка, но все-таки с легким акцентом.

– А на каком языке говорила с мужчиной?

– По-французски. Понимаете, мсье, мы беседовали втроем. Они постоянно обращались ко мне, и поэтому мы вели речь на французском языке. Господин говорил по-французски à merveille⁴³, и только по костюму и некоторым деталям внешности я догадалась, что он англичанин. Дама говорила тоже свободно, лишь время от времени пробивался акцент. Иногда я отходила взять с витрины вещи. Тогда они разговаривали между собой, но не знаю, на каком языке.

– Мадемуазель, вы можете вспомнить, как давно это было?

⁴¹ Да, я видела этого господина (*фр.*).

⁴² Что еще? Вот (*фр.*).

⁴³ превосходно (*фр.*).

– Ah, mon Dieu, ça c'est plus difficile. Monsieur sait que les jours se suivent et se ressemblent. Voyons⁴⁴.

– Можно посмотреть по бухгалтерским книгам, – предложил Брике. – Когда были проданы одновременно бриллиантовый гребень и кот.

– Конечно, – поспешно согласился Паркер. – Вернемся к вам в кабинет.

Там они открыли январский том, но ничего не нашли, зато в февральском, в записях от шестого числа, прочитали:

Peigne en écaille et diamants – f 7500

Chat en diamants (Dessin c-5) – f 5000⁴⁵

– Это все решает, – мрачно заметил Паркер.

– Мсье, кажется, недоволен, – удивился хозяин магазина.

– Не могу выразить, как я благодарен за вашу доброту, но, откровенно признаюсь, из всех месяцев в году я предпочел бы любой другой.

Паркер настолько расстроился, что купил две юмористические газеты, чтобы успокоить чувства, и прочитал их за обедом в ресторане на углу улицы Огюст-Леопольд. Затем, вернувшись в свой скромный отель, заказал вина и сел сочинять письмо лорду Питеру. Работа шла медленно и была не по душе Паркеру. Заключительный абзац получился таким.

«Я изложил все без комментариев. Сделаешь выводы сам, лучше меня. Мои умозаключения меня поставили в тупик и бесконечно встревожили. Возможно, все это полная чушь. Надеюсь, у тебя всплывет нечто такое, что позволит по-иному трактовать факты, но, чувствую, их нужно прояснить. С удовольствием сложил бы с себя полномочия, но понимаю, что другой может поспешить с выводами и все испортить. Но если ты считаешь, что так будет лучше, я могу в любой момент заболеть. А если полагаешь, что нужно продолжать копать здесь, не мог бы ты раздобыть фотографию леди Мэри Уимзи и, если возможно, выяснить насчет черепахового гребня и кота: когда именно леди Мэри была в феврале в Париже? Так ли она хорошо говорит по-французски, как ты? Дай знать, как идут у тебя дела.

Твой Паркер».

Он внимательно перечитал донесение и письмо и запечатал. Затем написал сестре, аккуратно упаковал подарок и позвонил коридорному.

– Это письмо отправьте немедленно заказным, а посылку завтра общей почтой.

Затем он лег в постель и стал читать комментарии к «Посланию к Евреям», пока не уснул.

В ответ пришло письмо лорда Питера.

«Дорогой Чарлз!

Не тревожь себя. Мне самому очень не нравится, как обстоят дела, но предпочитаю, чтобы нашим вопросом занимался именно ты. Как ты выражаешься, рядовому полицейскому все равно, кого арестовывать, лишь бы арестовывать – его не волнует, как он повредит человеку. Я сосредоточил все мысли на том, чтобы очистить имя Джерри – это первая цель: все, что угодно, лучше, чем петля за преступление, которое он не совершал. Пусть понесет наказание преступник, а не другой. Посему продолжаем.

⁴⁴ Ах, боже мой, это труднее. Мсье сам знает, что дни идут друг за другом и похожи один на другой. Вот так (*фр.*).

⁴⁵ Черепаховый гребень с бриллиантами – 7500 франков. Кот с бриллиантами (образец С-5) – 5000 франков (*фр.*).

Прилагаю две фотографии – все, что сумел раздобыть. Одна – в сестринской форме – неудачная, на другой почти все скрывает большая шляпа.

У меня в среду случилось маленькое приключение – расскажу при встрече. Нашел женщину, которая знает гораздо больше, чем должна, и перспективного головореза, только боюсь, что у него есть алиби. Появилась слабая зацепка насчет Десятого Размера. В Норталлертоне ничего особого не произошло, если, конечно, не считать, что Джерри под судом. Слава богу, здесь мать, и я надеюсь, что она приведет Мэри в чувство, но ей – то есть Мэри, а не матери, – хуже, чем в прошлые два дня: жутко больна и хандрит. Доктор Тингамми – тот еще осел – ничего не может поделать. Мать утверждает, что все ясно как божий день и она положит этому конец, а мне надо набраться терпения. Я просил ее разузнать насчет гребня и кота. М. кота начисто отрицает, но признает, что приобрела в Париже гребень. Где – не помнит, чек потеряла, но говорит, что он гораздо дешевле 7,5 тысяч франков. Она находилась в Париже со 2 по 20 февраля. Теперь моя главная задача связаться с Лаббокком и прояснить вопрос с тем белым песком.

Выездные сессии суда состоятся в последней неделе ноября – фактически в конце следующей недели. Это немного напрягает, но не особенно. Они не имеют права судить Джерри. Важна исключительно большая коллегия присяжных, которая утвердит проект обвинительного акта, и тогда мы получим столько времени, сколько нужно. Возникнет куча проблем. Заседания парламента, и все такое. Старина Биггс за своим непроницаемо-мраморным фасадом не на шутку встревожен. Судить пэров – та еще головная боль. Такое случается примерно раз в шестьдесят лет, и процедура – ровесница королеве Елизавете. Придется назначать лорда-распорядителя, да мало ли что еще. И нужно ясно отдавать себе отчет, что это только ради данного случая, поскольку где-то во времена Ричарда II лорд-распорядитель был настолько важной шишкой, что заправлял практически всем. Когда на трон взошел Генрих IV и судебная служба оказалась под властью короны, он с радостью прибрал все к рукам, и теперь лорда-распорядителя выбирают лишь по случаю коронации или таких представлений, как с Джерри. Король делает вид, что не знает, что такое должностное лицо отсутствует, и немало удивляется, когда требуется подобрать кандидатуру для выполнения подобных функций. Ты это знал? Я – нет. Меня просветил Бигги.

Взбодрись! Представь, что все эти люди не имеют ко мне отношения. Мать передает тебе самые добрые пожелания и надеется, что скоро увидит. Бантер передает что-то правильное и уважительное, только забыл, что именно.
Твой соратник по сыску
П. У.».

Можно сразу сказать, что никакого убедительного опознания по фотографиям от свидетелей добиться не удалось.

Глава 6

Противоречивая Мэри

Я пытаюсь взять в общественной жизни то, что каждый мужчина получает от матери.

Леди Астор⁴⁶

В день открытия Йоркских выездных судебных сессий большая коллегия присяжных утвердила проект обвинительного акта в совершении убийства Джеральдом, герцогом Денверским. Герцог предстал перед судом, и судья открыл миру то, о чем газеты всей страны уже кричали две недели подряд: он судья общегражданских исков, присяжные из народа, а потому не могут судить английского пэра, – но тем не менее добавил, что считает своим долгом обо всем известить лорда-канцлера (который уже больше десяти дней вел согласования с Королевской галереей, подыскивая лордов для формирования специального комитета). Было отдано соответствующее распоряжение, и знатного заключенного увезли.

Прошло немного времени, и хмурым лондонским днем Чарлз Паркер позвонил в квартиру на втором этаже по улице Пикадилли. Дверь открыл Бантер и, с любезной улыбкой сообщив, что лорд Питер на несколько минут вышел, но вскоре будет, пригласил войти и дожждаться.

– Мы прибыли только нынешним утром, – добавил дворецкий, – и не все еще уладили. Поэтому просим нас извинить. Не угодно ли выпить чаю?

Паркер предложение принял и с удовольствием устроился в углу большого мягкого дивана. После неудобной французской мебели казалось облегчением ощутить упругость пружин под собой, подушку под головой, и вдохнуть аромат превосходных сигарет Уимзи. Что подразумевал Бантер, когда сказал, что не все еще уладили, он гадать не стал. Трепещущий огонь отражался в безупречном, без единого пятнышка, черном кабинетном рояле. Кожаные переплеты редких изданий Питера тускло светились на фоне темных с бледно-желтыми просветами стен. В вазах стояли темно-лимонные хризантемы. На столе, словно хозяин квартиры никуда не уезжал, лежали последние номера газет.

За чаем Паркер достал из нагрудного кармана фотографии леди Мэри и Дэниса Кэткарта, прислонил к чайнику и стал разглядывать, переводя с одной на другую взгляд, будто стараясь обнаружить смысл в слегка неестественном, смущенном виде людей. И снова, постукивая карандашом по каждому пункту, сверился со своими парижскими записями.

– Черт! – выругался он, глядя на изображение леди Мэри. – Черт! Черт! Черт...

Вереница мыслей оказалась чрезвычайно интересной. Образ за образом – и каждый богат на предположения – теснились в его голове. В Париже правильно мыслить невозможно, настолько там неудобно и к тому же в домах центральное отопление. Здесь же, где было распутано столько загадок, живой огонь. Кэткорт, наверное, тоже любил сидеть перед огнем. И конечно, думал, как решить свои проблемы. Вот так и кошки, глядя на огонь, размышляют о своей кошачьей жизни. Странно, что это не приходило Паркеру в голову раньше. Когда зеленоглазый кот сидел перед огнем, то погружался в насыщенную бархатную черноту, полную смыслов, которые были самыми главными. Мыслить так – счастье, потому что иначе можно превысить скоростной порог и черная трясина закрутится слишком быстро. Но теперь он действительно обрел формулу, которую нужно сохранить. Связь очевидна: близкая, ясная, понятная.

– Кот от стеклодува бомбоустойчив, – громко и отчетливо произнес Паркер.

⁴⁶ Нэнси Астор (1879–1964) – первая женщина – депутат палаты общин британского парламента.

– Рад слышать, – отозвался лорд Питер с дружелюбной улыбкой. – Вздремнул, старина?
– Я... что? – Паркер поднял голову. – Привет! Что значит «вздремнул»? Пытался ухватить очень важную цепь мыслей, но благодаря тебе упустил. Что же это было? Кот... кот... кот... – лихорадочно пытался вернуться на след детектив.

– Ты сказал, что кот от стеклодува бомбоустойчив, – подсказал лорд Питер. – Превосходное слово. Мозг рвет на части. Только я не понимаю, что ты этим хотел сказать.

– Бомбоустойчив? – Паркер слегка покраснел. – Возможно, ты прав: я немного вздремнул. Понимаешь, мне показалось, что я нашел ко всему ключ. Придал определяющее значение этой фразе. Даже теперь... нет, теперь, когда я об этом думаю, цепочка мыслей рассыпается. Жаль. Мне казалось, все абсолютно прозрачно.

– Не бери в голову, – успокоил его лорд Питер. – Только что вернулся?

– Пересек Ла-Манш прошлой ночью. Есть новости?

– Много.

– Хорошие?

– Нет.

Взгляд Паркера скользнул по фотографиям.

– Не верю, – отрешенно проговорил он. – Будь я проклят, если поверю из этого хоть единому слову.

– Единому слову из чего?

– Что бы это ни было.

– Придется поверить, Чарлз, – мягко проговорил приятель, набивая трубку короткими решительными нажимами пальцев. – Я не утверждаю, что Мэри застрелила Кэткарта, – нажим, нажим, – но она лжет, – нажим, – лжет снова и снова. – Нажим, нажим. – Она знает, кто это сделал. – Нажим. – Была к этому готова, – нажим, – а теперь притворяется и говорит неправду, чтобы выгородить некоего человека. Надо заставить ее заговорить. – Лорд Питер чиркнул спичкой и серией коротких сердитых пыхов раскурил трубку.

– Если ты считаешь, – начал Паркер с жаром, – что эта женщина, – он указал на фотографию, – приложила руку к убийству Кэткарта, я не буду требовать улик. Пропади все пропадом, Уимзи, – она твоя сестра!

– А Джеральд – мой брат, – едва слышно заметил лорд Питер. – Ты же не станешь утверждать, что мне нравится наше занятие. Но мы лучше справимся с задачей, если будем сохранять хладнокровие.

– Прости, ради бога, – извинился Паркер. – Не понимаю, как у меня вырвалось. – Прости, старина. Самое лучшее, что мы можем сделать, – посмотреть в лицо фактам, какими бы неприятными они ни казались. Не стану отрицать: некоторые из них страшнее горгульи.

– Мать приехала в Риддлсдейл в пятницу, сразу поднялась наверх и занялась Мэри, пока я слонялся в холле, дразнил кота и досаждал сам себе, – начал рассказ Уимзи. – Появился старина доктор Торп. Я устроился на лестнице на сундуке. Прозвенел колокольчик. Явилась Эллен. Мать и доктор Торп перехватили ее у комнаты Мэри и долго о чем-то спорили. Затем мать бросилась по коридору так, что стучали каблуки и в ушах сердито отплясывали серьги. Я прокрался за ними к двери ванной, но ничего не разглядел, поскольку они закрылись. Зато услышал, как мать сказала: «Что я говорила?» – и Эллен ответила: «Боже, кто бы мог подумать, ваша светлость!» Мать снова: «Если бы я надеялась, что в случае чего вы спасете меня от отравления мышьяком или сурьмой – вы знаете, о чем я говорю: о снадобье, при помощи которого вполне симпатичный мужчина с нелепой бородкой избавился от жены и тещи (которая была намного привлекательней своей дочери)⁴⁷, – то лежала бы теперь вскрытая на столе

⁴⁷ Герцогиня, вероятно, имела в виду дело Эдварда Уильяма Причарда, осужденного за убийство своей жены и тещи. – *Примеч. авт.*

доктора Спилсбери⁴⁸. Отвратительная, незавидная работа – изучать людей, как бедных подопытных кроликов».

Уимзи прервался перевести дыхание, и Паркер, несмотря на горькие чувства, невольно рассмеялся.

– За точность слов не ручаюсь, – продолжал лорд Питер, – но смысл такой. Ты же знаешь стиль моей матери. Доктор Торп пытался сохранить внешнее достоинство, но мать, раскудахтавшись словно наседка, сверкнула на него глазами. «В *мои* дни мы называли такие состояния истерикой и озорством. Не позволяли девушкам нас дурачить. А вы называете это неврозом, или мнимым желанием, или рефлексом, пестуете и доводите несчастное создание до реальной болезни. Вы смешны и способны позаботиться о себе не лучше, чем малые дети. Хотя в трущобах обитает множество подростков, заботящихся о целых семьях. В одном таком парне больше здравого смысла, чем в вас вместе взятых. Я очень сердита на Мэри за ее поведение, и нечего ее жалеть».

Уимзи помолчал и добавил:

– Мне кажется, зачастую в материнских словах много дельного.

Паркер кивнул.

– Потом я спросил у матери, что происходит. Она ответила, что Мэри не сказала ей ничего ни о себе, ни о своем недуге, только потребовала оставить в покое. Торп, рассуждая о нервном срыве, заявил, что не в состоянии объяснить природу болезненных припадков Мэри и почему у нее скачет температура. Мать выслушала и попросила измерить температуру Мэри сейчас. Он послушался, но посреди процесса мать отозвала его к туалетному столику, однако, будучи воробьем стреляным, не сводила глаз с зеркала и, вовремя обернувшись, застучала Мэри, которая прижимала градусник к горячей грелке. Это и служило причиной таких огромных скачков.

– Надо же так всех надуть! – воскликнул Паркер.

– Вот и Торп клюнул. Мать высказалась по этому поводу так: если эта старая ворона дожила до седых волос, но не может распознать такой древний трюк, то и нечего строить из себя почтенного семейного врача. А затем спросила горничную о приступах: когда они случаются, как часто, до еды или после и прочее. Оказалось – как правило, после завтрака, а иногда в другое время. Мать призналась, что поначалу не могла догадаться, что к чему, – обшарила всю комнату в поисках бутылки или чего-нибудь подобного, – и наконец, поинтересовалась, кто убирает постель: решила, Мэри может что-нибудь прятать под матрасом. Эллиен ответила, что обычно убирает она, пока Мэри принимает ванну. «В какое время?» – спросила мать. «Прямо перед своим завтраком», – проблеяла девица. «Господь тебе судья, простофиля! – бросила мать. – Что же ты раньше не сказала?»

Они отправились в ванную и там, на полке, среди пузырьков с солями, жидкими мазями, слабительным, зубными щетками, обнаружили семейную бутылку с ипекакуаной – на три четверти пустую! Это такая настойка из рвотного корня. Мать сказала... впрочем, я уже говорил, что она сказала. Кстати, как пишется «ипекакуана»?

Паркер показал.

– Черт! А я решил, что подловил тебя, что, прежде чем ответить, тебе придется куда-нибудь сходить, полазить по справочникам. Ни один нормальный человек не держит в голове, как пишется «ипекакуана». Ты правильно говоришь: можно сразу понять, по какой линии в семье передается детективный инстинкт.

– Я ничего подобного не говорил...

⁴⁸ Бернард Спилсбери (1877–1947) – известный ученый-патологоанатом; внес заметный вклад в развитие судебно-медицинской экспертизы.

– Знаю. А почему? Разве таланты моей матери не заслуживают хотя бы частичного признания? Кстати, я ей это сказал, и она ответила вот такими памятливыми словами: «Мой дорогой сын, можешь называть это как угодно длинно, но я старомодная женщина и зову это материнской мудростью – качеством, настолько у мужчин редким, что, если им кто-нибудь обладает, о нем следует написать книгу и назвать Шерлоком Холмсом». Кроме того, я ей сказал (разумеется, наедине): все это хорошо, но я не могу поверить, чтобы Мэри взяла на себя труд такое проделать только для того, чтобы своей болезнью произвести на нас впечатление. Не такой она человек. Мать посмотрела на меня пристально, как сова, и привела несколько примеров истерии в мире, последним из которых стал случай с горничной, которая разбрасывала по комнатам парафин, чтобы люди подумали, что в доме завелись привидения. И заключила: если новомодные доктора съехали с катушек, чтобы напридумывать подсознание, kleptomaniю, комплексы и хитроумные состояния, чтобы объяснить, почему люди совершают неприглядные поступки, найдутся такие, кто начнет извлекать из этого выгоду.

– Уимзи! – взволновался Паркер. – Она имела в виду, что подозревает что-то?

– Старина, – ответил лорд Питер, – если о Мэри можно что-то узнать, сложив два и два, матери это известно. Я рассказал, что нам удалось выяснить, она выслушала на свой известный тебе смешливый манер, наклонив голову – и, как обычно, не отвечая прямо, заявила: «Вот если бы Мэри меня послушала и не занималась медицинской чепухой в Добровольной организации – только учти, я ничего не имею против Добровольной организации в целом, но ее тогдашняя глупая начальница была величайшим на земле снобом, – то могла бы совершить много полезного при разумном поведении, на которое вполне способна. Но она рвалась в Лондон – величайшая на свете глупость. Я не перестану утверждать, что все это вина того смехотворного клуба. А чего еще ждать от места, где едят всякую дрянь, собираются в выкрашенном в красный цвет подвале, орут во все горло, не носят вечернего платья, а только советские джемперы, и отрачивают бакенбарды. Как бы то ни было, я сказала старому дуралею доктору, что нужно говорить по этому поводу; лучшего объяснения им самим никогда не придумать». На самом деле, знаешь, – добавил лорд Питер, – мне кажется, если кто начнет любопытничать, мать обрушится на них, как тонна кирпича.

– Сам-то ты что думаешь? – спросил Паркер.

– Я еще не дошел до самого неприятного, – ответил лорд Питер. – Узнал это совсем недавно, и, должен признать, новость меня сильно расстроила. Вчера я получил письмо от Лаббока. В нем говорится, что он желает со мной повидаться. Направляясь утром сюда, я завернул к нему. Если помнишь, я послал ему пятно, которое Бантер вырезал для меня с юбки Мэри. Я тогда сам бросил на него взгляд. Пятно мне не понравилось, поэтому я отправил его Лаббоку, ex abundantia cautelo⁴⁹. Должен с прискорбием сообщить: Лаббок подтвердил мои опасения. Это человеческая кровь, и, боюсь, Чарлз, кровь Кэткарта.

– Но... Похоже, я слегка потерял нить.

– Кровь попала на юбку в тот день, когда погиб Кэткарт. Тогда компания в последний раз выходила на болото. Если бы это случилось раньше, Эллен ее бы отчистила. Впоследствии Мэри отчаянно сопротивлялась попыткам служанки унести юбку и неумело пыталась отмыть пятно с мылом. Думаю, можно сделать вывод, что Мэри знала о пятне на юбке и не хотела, чтобы его обнаружили. Она сказала Эллен, что на юбке кровь куропатки, что было явной неправдой.

– Возможно, – безнадежно попытался выгородить Мэри Паркер, – она всего лишь сказала: «Наверное, капнуло с птицы» – или что-нибудь в этом духе.

⁴⁹ из-за избытка осторожности (лат.).

– Маловероятно, – возразил лорд Питер, – чтобы кто-то, заполучив на одежду такую порцию человеческой крови, не понял, что это такое. Мэри, очевидно, угодила в лужу коленом. Пятно в поперечнике дюйма три-четыре.

Паркер угрюмо покачал головой.

– Дела обстояли так, – продолжал Питер. – В среду вечером все собрались, поужинали и отправились спать. Кроме Кэткарта, который выскочил из дома и не вернулся. Без десяти двенадцать егерь Хардро услышал выстрел, который, вероятно, прозвучал на той полянке, где – скажем так – произошел инцидент. Время совпадает с медицинским показанием – утверждением, что в четыре тридцать, когда производился осмотр трупа, Кэткарт был уже мертв часа три-четыре. Идем дальше. В три утра откуда-то появился Джерри и обнаружил тело. Именно тогда, когда он склонялся над трупом, из дома вышла Мэри: в пальто, кепи и прогулочных сапогах.

Какова ее версия? Она утверждает, что в три утра ее разбудил выстрел. Но тот выстрел, кроме нее, не слышал никто. И у нас имеются показания миссис Петтигрю-Робинсон, которая находилась в соседней комнате и лежала по своей известной привычке с широко открытым окном, с двух до трех с небольшим, когда поднялась тревога, не спала, но выстрела не слышала. По словам Мэри, звук был достаточно громким, чтобы разбудить ее на другой стороне дома. Странно, не правда ли: бодрствующий человек категорически утверждает, что не слышал звука, достаточно громкого, чтобы разбудить крепко спящую соседку? В любом случае, если это был тот самый выстрел, Кэткарт не мог быть мертв, когда его нашел мой брат. И еще: разве могло хватить времени, чтобы перетащить его из кустов к оранжерее?

– В этом мы сходимся, – проговорил Паркер с выражением неприязни на лице. – Истории о том выстреле нельзя придавать значения.

– Боюсь, наоборот, нужно, – мрачно возразил лорд Питер. – Что делает Мэри? Либо она думает, что выстрел...

– Выстрела не было.

– Знаю. Просто анализирую несоответствия в рассказе Мэри. Она утверждает, что не подняла тревогу, потому что решила, что стреляли, наверное, браконьеры. Но если бы это были браконьеры, безумие спускаться и выяснять, так это или не так. Она также объясняет: мол, подумала, что это могут быть грабители, – но как она оделась, чтобы в этом убедиться? Как бы поступили ты или я? Скорее всего надели бы халат, бесшумные тапочки, взяли бы кочергу или крепкую палку. И уж не стали бы выходить в пальто, кепи и сапогах.

– Ночь стояла сырая, – пробормотал Паркер.

– Дорогой мой, если речь идет о грабителях, выходить из дома и искать их в саду не нужно. Если вы решили, что воры проникли в дом, вы захотите неслышно за ними проследить с лестницы или из-за двери столовой. Можешь представить, чтобы современная девушка, которая в любую погоду ходит с непокрытой головой, обрядилась в кепи для охоты на вора? Ни в жизнь! Она же направилась напрямиком в оранжерею, где и наткнулась на труп, словно заранее знала, где искать.

Паркер снова покачал головой.

– Идем дальше. Она видит склонившегося над телом Кэткарта Джерри. Что она говорит? Спрашивает, что случилось? Кто лежит на земле? Нет, восклицает: «О боже! Джеральд, ты его убил!» И только потом: «Это Дэнис! Что произошло? Несчастный случай?» Тебе представляется это естественным?

– Нет. Такое ощущение, что она ожидала увидеть не Кэткарта, а кого-нибудь другого.

– Вот как? У меня другое впечатление: она притворилась, что не знает, чье тело. Сначала сказала: «Ты его убил». А затем, сообразив, что не должна знать, кого «его», добавила: «Это Дэнис!»

– В любом случае, если ее первые слова искренни, она не предполагала, что человек мертв.

– Не предполагала. Нужно запомнить, что смерть стала для нее неожиданностью. Прекрасно. Затем Джеральд посылает Мэри за помощью. И тут возникает небольшое обстоятельство, которое подмечаешь ты. Помнишь, что тебе сказала в поезде миссис Петтигрю-Робинсон?

– Ты о хлопнувшей двери на лестничной площадке?

– Да. А теперь я тебе расскажу о случае, который со мной приключился. Утром я в своей вечной торопливой манере летел в ванную, стукнулся о чертов старый сундук, и от удара крышка приподнялась, но тут же захлопнулась – *шлеп!* Это навело меня на определенную мысль, и я заглянул внутрь. На дне лежали свернутые простыни и что-то еще. И тут я услышал, как кто-то охнул. На меня, белая словно привидение, смотрела Мэри. Она меня напугала, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как напугал ее я! Она ничего не сказала, закатила истерику, и я отвел ее в спальню, но успел кое-что заметить на простынях.

– Что?

– Белый песок.

– Песок?..

– Помнишь кактусы в оранжерее и то место, где кто-то ставил чемодан или что-то в этом роде?

– Помню.

– Там много такого песка. Таким обычно присыпают некоторые виды луковиц и прочие растения.

– И такой же оказался в сундуке?

– Да. Погоди секунду. После шума, который слышала миссис Петтигрю-Робинсон, Мэри разбудила Фредди, потом Петтигрю-Робинсонов, а после что сделала?

– Заперлась в своей комнате.

– Точно. А вскоре спустилась и присоединилась в оранжерее к остальным. Все запомнили, что в этот момент на ней было кепи, надетое на пижаму пальто и сапоги на босу ногу.

– Ты хочешь сказать, – медленно проговорил Паркер, – что леди Мэри уже проснулась и оделась к трем часам и что вышла к оранжерейной двери с чемоданом, рассчитывая встретиться там с убийцей своего... Черт побери, Уимзи!

– Не следует заходить настолько далеко, – ответил Питер. – Мы договорились, что она *не ожидала* обнаружить Кэткарта мертвым.

– Вот именно. Но вышла, предполагая с кем-то встретиться.

– Скажем, *pro tem*⁵⁰, с обладателем ноги десятого размера, – мягко подсказал Уимзи.

– Можно сказать и так, – согласился Паркер. – Включив фонарь и увидев склонившегося над Кэткартом герцога, она... Господи, Уимзи, я был прав! Когда воскликнула: «Ты его убил!» – Мэри решила, что перед ней тело Десятого Размера.

– Точно! – воскликнул Питер. – Какой же я глупец! Так. Затем она сказала: «Это Дэнис! Что произошло?» Это ясно. А как она тем временем поступила с чемоданом?

– Теперь мне все понятно! – вскричал Паркер. – Разглядев, что труп не Десятого Размера, Мэри решила, что Десятый Размер, должно быть, и есть убийца. Теперь ее игра заключалась в том, чтобы никто не узнал, что он там был. Она пихает чемодан за кактусы, а затем, когда идет наверх, опять вытаскивает и прячет в сундуке на лестничной площадке. В свою комнату она отнести его не могла, конечно: если бы кто-то услышал, как она поднимается, показалось бы странным, что сначала она кинулась к себе в спальню и только потом позвала остальных.

Затем она стучит к Арбатноту и Петтигрю-Робинсонам, но остается в темноте, а те взволнованы и не особо разглядывают, что на ней надето. Сбежав от миссис П., она бросается в свою

⁵⁰ на некоторое время (*лат.*).

комнату, там снимает юбку, в которой опускалась на колени подле трупа Кэткарта, и остальную одежду, поспешно влезает в пижаму. Потом снова надевает кепи, которое могли запомнить, пальто, которое *навверняка* кто-то запомнил, и сапоги, которые уже, вероятно, оставили следы. Теперь можно и показаться внизу. А для коронера она сочинила историю с воров.

– Похоже на то, – кивнул Питер. – Она так отчаянно старалась сбить нас со следа Десятого Размера, что не сообразила, что подставляет брата.

– Дошло до нее во время дознания, – подхватил Паркер. – Помнишь, с какой готовностью она ухватилась за версию о самоубийстве?

– А когда поняла, что, выгораживая Десятого Размера, может отправить на виселицу брата, потеряла голову, легла в постель и вообще отказалась давать показания. Сдается мне, в моем семействе прибавление глупцов.

– Что могла поделать бедная девочка? – спросил Паркер, почти развеселившись. – Теперь она оправдана...

– До некоторой степени. Но до выхода из чащи на свет еще долгий путь. Почему она на короткой ноге с Десятым Размером, который как минимум шантажист, если не убийца? Как на месте преступления оказался револьвер Джеральда? И зеленоглазый кот? Что Мэри известно о встрече Десятого Размера с Дэнисом Кэткартом? И если она знакома и встречалась с тем человеком, то могла в любой момент передать ему револьвер.

– Нет-нет! – возразил Паркер. – Уимзи, выкинь из головы эти ужасные мысли.

– Черт! – взорвался Питер. – Я докопаюсь до правды в этом гадком деле, даже если нам всем придется отправиться на виселицу!

В этот момент вошел Бантер и подал лорду Питеру телеграмму. Тот прочитал:

«Фигурант засветился Лондоне. Замечен вокзале Марилебон пятницу.
Подробности Скотленд-Ярде. Полицейский суперинтендант Гослинг, Рипли».

– Хорошие новости! – сообщил Уимзи. – Мы подбираемся ближе. Побудь здесь, дружище, на случай, если что-то еще появится. Я заскочу в Ярд. Ужин тебе подадут. Скажи Бантеру, чтобы принес бутылку «Шато Икем» – вполне приличное вино. Бывай.

Он выскользнул из квартиры, и минутой позже его увозило с Пикадилли такси.

Глава 7

Клуб и пуля

Он умер, и умер от моей руки. Это лучше, чем если бы умер я, пусть даже при этом я негодяй.

Приключения Секстона Блейка

Час за часом Паркер ждал друга. Снова и снова мысленно возвращался к риддлсдейлскому делу, сверялся с записями, что-то добавлял, заставлял усталый мозг придумывать самые фантастические версии, расхаживал по комнате, снимал с полки то одну, то другую книгу, брал на пианино несколько неумелых аккордов, листал журналы, нервничал. Наконец, выбрал том из криминалогической секции шкафа и принудил себя углубиться в чтение материала о наиболее драматичном процессе об отравлениях – деле Седдона⁵¹. Постепенно головоломка, как обычно, захватила его. Когда настойчиво прозвучал дверной звонок, он с удивлением поднял голову и обнаружил, что уже далеко за полночь.

Паркер сначала решил, что Уимзи забыл ключ, и приготовился к шутливому приветствию, но когда дверь открылась – точно как в начале рассказа о Шерлоке Холмсе, – за ней стояла красивая молодая женщина, в чрезвычайно нервном состоянии, с копной золотистых волос, с лиловато-голубыми глазами и в растрепанной одежде. Она скинула тяжелое дорожное пальто, и под ним обнаружилось вечернее платье со светло-зелеными чулками и обильно покрытые грязью грубые башмаки.

– Его светлость еще не вернулся, миледи, – сообщил Бантер, – но здесь мистер Паркер, и мы ждем его с минуты на минуту. Вашей светлости что-нибудь подать?

– Нет-нет, – отказалось видение. – Ничего не надо. Добрый вечер, мистер Паркер. Где Питер?

– Его вызвали, леди Мэри, – ответил тот. – Не представляю, почему он до сих пор не вернулся. Присядьте.

– Куда он отправился?

– В Скотленд-Ярд. Но это было в шесть часов. Не понимаю...

Леди Мэри в отчаянии махнула рукой:

– Ясно. О, мистер Паркер, что мне делать?

Паркер молчал.

– Мне *необходимо* видеть Питера. Это вопрос жизни и смерти. Можете за ним послать?

– Но мне неизвестно, где он сейчас. Пожалуйста, леди Мэри...

– Он делает нечто ужасное, *неправильное!* – Молодая женщина с горячностью заломила руки. – Он все понял не так! Мне нужно с ним встретиться, все ему сказать. Никто не попал в такое ужасное положение! О!

Она расхохоталась и тут же разразилась слезами.

– Леди Мэри, пожалуйста, не надо! – У Паркера возникло острое ощущение, что он выглядит глупо и смешно. – Пожалуйста, сядьте, выпейте бокал вина. От слез вам станет плохо. Начнется икота. – Паркер сомневался, что говорит то, что следует. – Бантер!

Тот был недалеко. Собственно, он стоял сразу за дверью с маленьким подносом. С уважительным: «С вашего позволения, сэр», – он шагнул к дрожащей леди Мэри и поднес к ее носу небольшой пузырек. Эффект оказался поразительным. Пациентка два-три раза энергично чихнула, села, распрямилась и набросилась на Бантера:

⁵¹ Фредерик Генри Седдон – британский бизнесмен, масон, известен как убийца квартирантки Элизы Мэри Барроу, которую отравил мышьяком.

– Как вы смеете? Убирайтесь прочь!

– Вашей светлости лучше выпить каплю бренди, – посоветовал тот, снова затыкая вонючий пузырек, но Паркер уже успел почувствовать острый запах аммиака. – Вот «Наполеон» 1800 года. Соболаговолите не фыркать, миледи. Его светлость ужасно расстроится, если узнает, что хотя бы капля драгоценного напитка пропала зря. Ваша светлость ужинали по дороге? Нет? Крайне неблагоразумно предпринимать долгое путешествие на голодный желудок. Осмелюсь предложить вам омлет. Может быть, и вы, сэр, желаете перекусить – ведь уже поздно.

– На ваше усмотрение, – торопливо махнул рукой Паркер. – Леди Мэри, вам ведь лучше? Позвольте помочь вам с пальто.

Ничего волнующего больше не было сказано, пока не появился омлет и женщина удобно не устроилась на мягком диване. Она пришла в себя, и Паркер, глядя на нее, замечал, какие следы оставила на ней недавняя болезнь. Исчез блестящий цвет лица, она держалась напряженно, побледнела, под глазами появились фиолетовые круги.

– Прошу прощения, что повела себя так глупо, мистер Паркер. – Мэри глядела ему в глаза с трогательным доверием и откровенностью. – Но я ужасно расстроена и очень спешила из Риддлсдейла.

– Не стоит извинений, – бессмысленно ответил тот. – Могу я что-нибудь для вас сделать, пока нет вашего брата?

– Полагаю, вы с Питером делаете все сообща?

– Ни один из нас не знает касательно этого расследования ничего такого, что бы не сообщил другому.

– Поговорить с вами – это все равно что с ним?

– Абсолютно одно и то же. Если вы почтите меня своим доверием...

– Минуту, мистер Паркер. Я в трудном положении. Не вполне понимаю, что я должна...

Можете мне сказать, насколько вы продвинулись? Что обнаружили?

Ее вопрос застал Паркера врасплох. Хотя лицо леди Мэри преследовало его воображение с начала расследования, а кипение чувств во время этого романтического интервью достигло высшей точки, профессиональный инстинкт осторожности его еще не вполне покинул. Придерживая по долгу службы при себе доказательства соучастия леди Мэри в преступлении – какова бы ни была ее роль, – он был недалеко от того, чтобы выложить карты на стол.

– Боюсь, – начал он, – не вполне могу вам это сказать. Видите ли, многое из того, чем мы располагаем, пока всего лишь подозрения. Я могу случайно нанести существенный вред невинному человеку.

– Таким образом, вы определенно кого-то подозреваете?

– *Неопределенно* – более точное слово, – улыбнулся Паркер. – Но если вы располагаете чем-то, что может пролить свет на это дело, прошу вас, говорите. Возможно, мы подозреваем совершенно не того человека.

– Я бы не удивилась. – Леди Мэри коротко, нервно рассмеялась. Ее руки шарили по столу, она нащупала оранжевый конверт и принялась его складывать. – Что вы хотите знать? – внезапно спросила она другим тоном.

Паркер почувствовал нечто новое в ее окрепшем голосе: напряжение и жесткость, – открыл записную книжку и, начав задавать вопросы, ощутил, как его покидает нервозность. Привычное дело вернуло уверенность.

– Вы были в Париже в прошлом феврале?

Леди Мэри кивнула.

– Вы припоминаете, как заходили с капитаном Кэткартом... да, кстати, полагаю, вы говорите по-французски?

– Свободно.

– Так же, как ваш брат, практически без акцента?

– Точно так же. В детстве у нас постоянно были гувернантки-француженки. Мать за этим очень следила.

– Ясно. Вы помните, что шестого февраля зашли с капитаном Кэткартом в ювелирный магазин на улице Де-ла-Пэ и там купили – или он купил для вас – гребень из черепахового панциря с бриллиантами и платинового кота с бриллиантом и изумрудными глазами?

В глазах молодой женщины мелькнуло смутное понимание.

– Так это о том коте вы наводили справки в Риддлсдейле? – спросила она.

Отрицать очевидное бесполезно, и Паркер кивнул:

– Да.

– Его нашли в кустах. Так?

– Кота потеряли вы или Кэткарт?

– Если я скажу, что кот его...

– Готов поверить. Так он его?

Тяжелый вздох.

– Нет, мой.

– Когда вы его потеряли?

– В ту ночь.

– Где?

– Полагаю, в кустах. Там, где вы его нашли. Хватились только позже.

– Это тот самый кот, которого вы купили в Париже?

– Да.

– А почему раньше заявили, что кот не ваш?

– Испугалась.

– А теперь?

– Намерена говорить правду.

Паркер снова внимательно на нее посмотрел. Леди Мэри не отвела открытого взгляда, но в позе чувствовалась напряженность, и это говорило, чего ей стоило принять такое решение.

– Прекрасно, – кивнул Паркер. – Мы будем рады, поскольку есть подозрения, что по одному или двум пунктам расследования вы правды не сказали. Так?

– Да.

– Поверьте, мне неприятно задавать вам эти вопросы. Ужасное положение, в которое попал ваш брат...

– В которое поставила его я.

– Я этого не говорил.

– Я говорю. Он попал в тюрьму из-за меня. Не отрицайте, потому что это так.

– Не терзайтесь. Еще достаточно времени, чтобы все исправить. Можно продолжать?

– Да.

– Спасибо. Это правда, леди Мэри, что вы слышали выстрел в три часа?

– Нет.

– А вообще слышали выстрел?

– Слышала.

– В какое время?

– Без десяти двенадцать.

– Что вы прятали за растениями в оранжерее?

– Я там ничего не прятала.

– А в дубовом сундуке на лестнице?

– Свою юбку.

– Вы вышли из дома – зачем? Чтобы встретиться с Кэткартом?

– Да.

- Кто был другой мужчина?
- Какой другой мужчина?
- Другой мужчина, который был в кустах. Высокий, в пальто от «Барберри».
- Никакого другого мужчины не было.
- Прошу прощения, леди Мэри, мы видели его следы по пути от кустов к оранжерее.
- Должно быть, их оставил какой-то бродяга. Я о таком ничего не знаю.
- Но у нас есть доказательства того, что он там был, что он там делал и каким образом скрылся. Ради бога, леди Мэри, ради вашего брата, скажите правду, потому что человек в «барберри» и есть тот, кто застрелил Кэткарта.
- Нет! – Женщина смертельно побледнела. – Это невозможно.
- Почему невозможно?
- Потому что Дэниса Кэткарта застрелила я.

– Вот так обстоят дела, лорд Питер, – сказал начальник Скотленд-Ярда, поднимаясь из-за стола и дружески протягивая руку. – Этого человека точно видели на вокзале Марилебон в пятницу утром. И хотя мы его, к сожалению, потеряли, я несколько не сомневаюсь, что вскоре поймем. Задержку вызвала болезнь носильщика Моррисона, чьи показания были очень важны. Но теперь мы времени не теряем.

– Не сомневаюсь, что могу полностью на вас положиться, сэр Эндрю. – Уимзи пожал руку полицейскому. – Не отрицаю, я тоже копаю со своей стороны. И каждый из нас что-то нарыл: вы в своем уголке, я в своем, как говорится в гимне. Это же гимн? Помню, читал это в книге о миссионерах, когда был маленьким. Вы хотели в детстве заниматься миссионерством? Я хотел. Многие в свое время хотели, что очень странно, учитывая, как неблагоприятно все обернулось для большинства из нас.

– Если сами нападете на след этого человека, дайте нам знать, – попросил Эндрю Макензи. – Я никогда не отрицал вашего везения или, если угодно, здравого суждения в розыскной работе – чего нам, возможно, не хватает.

– Если поймаю этого типа, приду под ваши окна даже среди ночи и стану кричать до тех пор, пока вы не выйдете ко мне в ночной рубашке и не впустите внутрь. Кстати, о ночной рубашке, это мне напомнило, что мы ждем вас в Денвере после того, как закончится дело. Мать, разумеется, шлет вам наилучшие пожелания.

– Большое спасибо, – ответил сэр Эндрю. – Надеюсь, вы считаете, что все идет нормально. Утром у меня был с докладом Паркер, и мне показалось, что он немного расстроен.

– Он выполняет много рутинной неприятной работы, – объяснил Питер, – но, как всегда, держится стойко. Большая честь с ним сотрудничать. До скорого, шеф.

На выходе Питер осознал, что его разговор с сэром Эндрю Макензи занял пару часов и время приближается к восьми. Он пытался сообразить, где поужинать, когда к нему приблизилась энергичная молодая женщина с короткой стрижкой, в короткой клетчатой юбке, блестящем джемпере, вельветовом жакете и щегольском зеленом берете.

– Да это же лорд Питер Уимзи! – Женщина протянула руку без перчатки. – Как поживаете? Как поживает Мэри?

– Боже милостивый! – галантно отозвался Уимзи. – Мисс Тарант! Как приятно снова вас видеть! Восхитительно! Спасибо. Мэри держится не так хорошо, как хотелось бы. Тревожится по поводу этого дела с убийством. Полагаю, вы слышали, что мы оказались в положении, которое тактично называют неприятным.

– Конечно, – с готовностью кивнула мисс Тарант. – Но, как добрая социалистка, не могу не порадоваться, поскольку в этом положении пэр выглядит очень глупым, а с ним и палата лордов. Но, по правде сказать, предпочла бы, чтобы этим пэром был брат кого-нибудь еще. Мы

с Мэри были хорошими подругами. А вы, конечно, занимаетесь расследованием, а не просто прозябаете в поместье и стреляете птичек? Полагаю, это вскоре изменит ситуацию.

– Очень любезно с вашей стороны, – отозвался Уимзи. – Вот если бы вы могли принудить себя простить мне несчастье моего происхождения и другие грехи, то, возможно, оказали бы мне честь где-нибудь со мной поужинать. Получится?

– О, с удовольствием! – энергично воскликнула мисс Тарант. – Но сегодня вечером я обещала прийти в клуб. Там в девять собрание. Мистер Коук, лейбористский лидер, выступит с речью о переходе армии и флота в коммунизм. Мы ожидаем арестов, но собираемся устроить большой отлов стукачей, прежде чем начнем. Поужинайте со мной там. А если захотите, я попробую провести вас на собрание. Там вас схватят и выведут на чистую воду. Предполагается, что вы враг и я не должна вам много открывать. Но мне кажется, вы враг неопасный.

– Обыкновенный капиталист, – ответил Уимзи. – В высшей степени отвратительный.

– Давайте хотя бы поужинаем. Мне не терпится послушать новости.

Питер понимал, что ужин в Советском клубе будет более чем неприятным, и уже приготовился извиняться. Но тут ему пришло в голову, что мисс Тарант может рассказать о его сестре много такого, чего он не знает. И вместо вежливого отказа вежливо согласился, последовав за девушкой, которая беспечной походкой по грязным закоулкам привела его на Джеранд-стрит, где за оранжевой дверью и окнами с пурпурными шторами располагался Советский клуб.

Данный клуб был приспособлен скорее для вольнодумства, чем для светской жизни, и имел ту странную неформальную атмосферу, которая характерна для всех организаций, созданных людьми не от мира сего. Лорд Питер не мог точно сказать, почему ему мгновенно пришли на ум армейские застолья: возможно, из-за того, что все участники выглядели объединенными общей жизненной целью, а персонал казался весьма наскоро обученным. Уимзи напомнил себе, что в подобных демократических заведениях от официантов вряд ли стоит ожидать той предупредительности, которая отличает службу Вест-Энд-клуба. Они же, в конце концов, не капиталисты. Сходство с армейскими застольями в столовом зале усиливали пыльные разговоры и забавная разнородность приборов. Мисс Тарант заняла места у хлипкого стола рядом с сервировочным окном. Питер не без труда втиснулся на стул рядом с крупным кудрявым мужчиной в бархатном пиджаке, который беседовал с худощавой бойкой женщиной в русской кофточке, венецианских бусах, венгерской шали и с испанским гребнем, выглядевшей воплощением Объединенного фронта Интернационала.

Лорд Питер хотел доставить удовольствие своей спутнице вопросом о великом мистере Коуке, но был прерван решительным «тсс».

Мисс Тарант перегнулась через стол так, что ее золотистые локоны коснулись бровей собеседника.

– Не кричите! Это тайна.

– Тысяча извинений. – Питер понизил голос. – Кстати, вы в курсе, что ваши симпатичные бусинки плавают в супе?

– Неужели? – девушка поспешно отпрянула. – Спасибо. Краска может сойти. Надеюсь, не содержит мышьяка или чего-то эдакого. – Она снова подалась вперед и хрипло прошептала: – Женщина рядом со мной – Эрика Хит-Варбуртон, писательница.

Уимзи посмотрел на даму в русской блузке с новым чувством почтения. Немногие произведения обладали способностью вызвать краску на его щеках, но он помнил, что одной из книг мисс Эрики это удалось. Авторица энергично вещала своему спутнику:

– ...видели хоть раз искреннюю эмоцию в придаточном предложении?

– Джойс избавил нас от предрассудков синтаксиса, – согласился тот.

– Сцены, создающие эмоциональную историю, должны выражаться сериями животных визгов, – продолжала писательница.

– Формула Д. Г. Лоуренса⁵², – изрек ее курчавый компаньон.

– Или даже дада⁵³, – заключила мисс Эрика.

– Требуется новый условный алфавит. – Курчавый мужчина поставил оба локтя на стол и при этом столкнул на пол хлеб Уимзи. – Слышали, как Роберт Сноутс читает свои стихи под тамтам и свистульку?

Уимзи с трудом отвлекся от этого увлекательного обсуждения и обнаружил, что мисс Тарант что-то говорит о Мэри.

– Вашей сестры очень не хватает. Ее удивительного энтузиазма. Она так хорошо выступала на митингах. С такой неподдельной симпатией к рабочим.

– Это для меня что-то новенькое! – изумился лорд Питер. – Насколько мне известно, Мэри за всю свою жизнь пальцем о палец не ударила.

– Ничего подобного! – воскликнула девушка. – Она работала! Работала у нас. И замечательно! Почти полгода была секретарем нашего Общества пропаганды. А потом так же старательно помогала мистеру Гойлсу. Не говоря уж о том, что во время войны она была медсестрой. Я, конечно, не одобряю отношение Англии к войне, но такой труд никто легким не назовет.

– Кто такой мистер Гойлс?

– Один из наших ведущих ораторов. Очень молодой, однако правительство его по-настоящему боится. Думаю, он сегодня сюда придет. Выступал на Севере, но я слышала, что он вернулся.

– Осторожно, ваши бусы опять в тарелке, – предупредил Уимзи.

– Да? Значит, будут с ароматом барашка. Боюсь, кухня здесь не высшего качества, зато и взносы невелики. Удивительно, что Мэри не рассказывала вам о Гойлсе. Некоторое время назад они были очень дружны. Все думали, что Мэри собирается выйти за Гойлса замуж, но затем у них что-то разладилось и ваша сестра уехала из города. Вы об этом знаете?

– Что у нее был парень? Да, но моя семья не вполне это одобряла. Думаю, их не слишком устраивал этот Гойлс в качестве зятя. Родословная и все такое. Меня рядом не было; впрочем, *ко мне* Мэри никогда и не прислушивалась. Вот и все, что я понял об этой истории.

– Еще один пример абсурдной старорежимной тирании родителей. Кто бы мог подумать, что такое возможно в послевоенные времена.

– Я бы так не сказал, – возразил Уимзи. – Моя мать замечательная женщина. Думаю, она хотела пригласить мистера Гойлса в Денвер, но мой брат топнул ногой.

– А чего еще от таких ждать? – презрительно фыркнула мисс Тарант. – Не понимаю, его-то это как касалось?

– Никак, – согласился лорд Питер. – Но он придерживается устаревших принципов отца относительно женщин и распоряжается деньгами Мэри до тех пор, пока она не выйдет замуж с его согласия. Не скажу, что это хорошая модель: модель плохая, – но какая уж есть.

– Чудовищно! – возмутилась мисс Тарант и так яростно замотала головой, что растрепались ее волосы. – Это варварство! Типичный феодализм! Но, в конце концов, что такое деньги?

– Разумеется, ничто. Но если человека воспитали в привычке их иметь, несколько странно внезапно эту привычку бросить. Как с другой привычкой – принимать ванну.

– Я не понимаю: разве это что-то меняло для Мэри? – не унималась мисс Тарант. – Ей нравилось вести простую трудовую жизнь. Однажды мы впятером два месяца жили в рабочем коттедже на восемь шиллингов в неделю. Замечательный опыт – на самой границе Нью-Фореста.

– Зимой?

⁵² Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) – английский писатель, автор пьес, литературно-критических эссе, рассказов, стихов, путевых заметок.

⁵³ Дада (или дадаизм) – авангардистское литературно-художественное течение 1916–1922 гг.; сложилось в Швейцарии.

– Нет. Мы решили, что начинать лучше не зимой, – но пережили девять дождливых дней, и печная труба все время дымила. Дрова мы носили прямо из леса – сырыми.

– Ясно. Эксперимент был, должно быть, необычайно интересным.

– Никогда не забуду, – кивнула мисс Тарант. – Мы чувствовали себя приближенными к земле и всему исконному. Вот если бы удалось упразднить индустриализацию! Но, боюсь, это не получится без «кровавой революции». Она, конечно, очень страшит, однако целительна и неизбежна. Выпьем кофе? Только придется нести его наверх самим. После ужина официантки кофе не разносят.

Девушка расплатилась по счету и вернулась с чашкой кофе в руке. Напиток успел расплескаться на блюде, а пока она огибала ширму и поднималась по крутой винтовой лестнице, вылился еще больше.

На выходе из подвала они чуть не столкнулись со светловолосым молодым человеком, который искал письма в коротком ряду темных ячеек. Ничего не найдя, он сделал шаг в общую гостиную, а мисс Тарант не удержалась от радостного восклицания:

– Это же мистер Гойлс!

При виде высокой, слегка ссутуленной фигуры с растрепанными волосами и с перчаткой на правой руке Уимзи невольно хмыкнул.

– Вы нас представите?

– Сейчас я его перехвачу.

Мисс Тарант направилась через гостиную к молодому агитатору. Тот посмотрел на Уимзи и, явно отказываясь, покачал головой. Затем взглянул на часы и метнулся к выходу. Уимзи бросился за ним.

– Невероятно! – крикнула вслед побледневшая мисс Тарант. – Он сказал, что у него назначена встреча. Но не может же он пропустить собрание!

– Прошу прощения!

Питер оказался на улице вовремя, чтобы заметить, как темная фигура переходит на другую сторону мостовой. Уимзи кинулся в погоню. Мужчина бросился наутек и, казалось, нырнул в темную аллею, ведущую к Чаринг-Кросс-роуд. Уимзи поспешил следом и внезапно почти ослеп от вспышки и дыма перед лицом. Левое плечо рвануло болью, раздался оглушительный грохот, и Питера закружило волчком. Он пошатнулся и рухнул на медный каркас старой кровати.

Глава 8

Мистер Паркер делает заметки

Человека привели в зоопарк и показали жирафа. Посмотрев на него в молчаньи, он сказал: «Не верю».

Сначала Паркер решил, что сошел с ума сам, затем усомнился в здравом рассудке Мэри, а когда в мозгу рассеялись облака, подумал, что она просто не говорит правду.

– Послушайте, леди Мэри, – сказал он ободряюще, но с оттенком упрека, как ребенку с не в меру разыгравшимся воображением, – вы же понимаете, что мы не можем в это поверить.

– Должны, – мрачно проговорила она. – Таковы факты: я его застрелила. Не то чтобы я сильно хотела это сделать – произошло нечто вроде несчастного случая.

Паркер поднялся и принялся расхаживать по комнате.

– Вы ставите меня в ужасное положение, леди Мэри, – начал он. – Я офицер полиции и никак не мог вообразить...

– Это не имеет значения, – отрезала она. – Вы должны меня арестовать, задержать или как это называется. Я за этим пришла. Готова без сопротивления проследовать куда положено – я правильно выражаюсь? Но сначала предпочла бы объясниться. Надо было сделать это намного раньше, но, боюсь, я потеряла голову: не сообразила, что могут обвинить Джеральда, – надеялась, все спишут на самоубийство. Могу я сделать заявление сейчас? Или нужно проехать в полицейский участок?

Паркер застонал.

– Меня же не накажут слишком сурово, если это был несчастный случай? – Голос леди Мэри дрожал.

– Разумеется, нет! Разумеется, нет! Вот если бы вы признались раньше... – Паркер внезапно прервал ходьбу и сел рядом с ней. – Невероятно! Какой-то абсурд! – Он взял руку женщины в свою. – Ничто меня не убедит. Нелепость! Совершенно на вас непохоже.

– Но несчастный случай...

– Я не об этом. О том, что вы молчали.

– Испугалась. А сейчас вам признаюсь.

– Нет! – вскричал детектив. – Вы мне лжете! Из благородных побуждений, но это того не стоит. Ни один мужчина этого не достоин. Бог с ним. Умоляю, скажите правду, не выгораживайте этого человека. Если он убил Дэниса Кэткарта...

– Нет! – Мэри вскочила на ноги и протестующе выставила руку. – Никакого другого мужчины не было. Не смейте так говорить! И даже думать! Говорю вам: я убила Кэткарта, – вы должны этому верить! Другого мужчины не было.

Паркер заставил себя собраться.

– Пожалуйста, сядьте, леди Мэри. Вы намерены сделать такое заявление?

– Да.

– Понимая, что у меня не останется иного выхода, кроме как действовать в соответствии с ним? – Детектив достал блокнот. – Продолжайте.

Мэри говорила спокойно, без всяких эмоций, только теребила перчатки, но ее признание выглядело так, словно она заучила его наизусть.

– Тринадцатого октября, в среду, в половине десятого я поднялась наверх и села писать письмо. В четверть одиннадцатого услышала, что брат с Дэнисом ссорятся в коридоре. Брат назвал Дэниса жуликом и приказал, чтобы он больше никогда не смел со мной заговаривать. Дэнис выбежал из дома. Я некоторое время прислушивалась, но он не возвращался. В половине двенадцатого я встревожилась, переоделась и пошла искать Дэниса, чтобы привести обратно:

опасалась, что он совершит что-нибудь безрассудное. Спустя некоторое время я обнаружила его в кустах, просила вернуться, но он отказался. Рассказал об обвинениях брата и их ссоре. Я, конечно, пришла в ужас. Дэнис сказал, что не было смысла что-либо отрицать, раз Джеральд вознамерился его уничтожить. Он просил меня с ним убежать, выйти за него замуж и жить за границей. Я ответила, что удивлена, если он в сложившихся обстоятельствах предлагает подобные вещи. Мы оба сильно разозлились, и я сказала: «Пошли домой, а завтра можешь уезжать первым поездом». Дэнис словно взбесился, достал револьвер, пригрозил, что положит всему конец, раз его жизнь разрушена, назвал нас кучкой лицемеров, сказал, что я никогда его не ценила и не мне его судить. Если я с ним не поеду, значит, все кончено. Семь бед, один ответ – он застрелит меня и себя. Я схватила его руку с револьвером, мы некоторое время боролись, я направила дуло прямо ему в грудь и то ли нажала на спуск, то ли механизм сработал сам, не могу сказать – все происходило очень сумбурно.

Леди Мэри помолчала. Ручка Паркера записывала слова, а лицо выдавало все большую озабоченность.

– Он был еще жив. Я помогла ему подняться, и мы с трудом поплелись к дому. В одном месте он упал...

– Почему вы не оставили его и не бросились за помощью в дом? – спросил детектив.

Мэри колебалась.

– Не пришло в голову. Все происходило словно в кошмаре. Я хотела лишь поскорее от него избавиться. Думаю, хотела, чтобы он умер.

Повисла неприятная тишина.

– Он и умер. Умер возле двери. Я вошла в оранжерею и села. Сидела долго, пытаюсь собраться с мыслями. Ненавидела его за то, что он обманщик и негодяй. Меня обвел вокруг пальца обыкновенный шулер, и я радовалась тому, что он умер. Я провела там много времени, но в голове не просветлело. И лишь когда появился брат, я поняла, что натворила и что меня могут заподозрить в убийстве. Пришла в ужас и в мгновение ока решила, что притворюсь, будто ничего не знаю: мол, услышала выстрел и вышла на звук. Вы в курсе, что я так и поступила.

– Почему, леди Мэри, вы сказали брату: «Ты его убил!»? – спросил Паркер нарочито ровным тоном.

Снова пауза.

– Ничего подобного я не говорила. Я сказала: «Джеральд, он убит», – не подразумевая ничего, кроме самоубийства.

– Но вы признали те слова во время расследования?

– Да. – Мэри комкала перчатки. – К тому времени я приняла решение придерживаться версии чьего-то незаконного проникновения на территорию усадьбы.

Зазвонил телефон, и Патрик подошел к аппарату. В трубке звучал слабый голос:

– Это Пикадилли, сто десять «а»? Говорят из больницы на Чаринг-Кросс. Сюда сегодня вечером поступил человек, который утверждает, что он лорд Питер Уимзи. С ранением в плечо и травмой головы от падения. Только что пришел в сознание. Привезен в пятнадцать минут десятого. Его жизни, судя по всему, ничто не угрожает. Но обязательно приезжайте.

– В Питера стреляли, – сообщил Паркер. – Поедете со мной в больницу на Чаринг-Кросс? Врачи утверждают, что он вне опасности, но как знать...

– О, быстрее! – воскликнула Мэри.

Захватив с собой Бантера, детектив и обвинившая себя дама выскочили на Пикадилли и, поймав на углу Гайд-парка позднее такси, с бешеной скоростью понеслись по пустым улицам.

Глава 9

Гойлс

— ...а мораль отсюда такова... — сказала Герцогиня.

Л. Кэрролл.

Приключения Алисы в Стране чудес

Компания из четырех человек собралась в квартире лорда Питера то ли к позднему завтраку, то ли к раннему ланчу. Самым неунывающим из всех, несмотря на дергающее плечо и головную боль, был, несомненно, сам Уимзи. Он возлежал на диване, обложенный подушками, и пировал чаем с тостом. Домой его привезла скорая помощь, и он немедленно погрузился в целительный сон, а в девять проснулся бодрым и с ясным разумом. В результате Паркер, в спешке оторванный от завтрака и отягощенный вчерашней информацией, был отправлен в Скотленд-Ярд, где ему предстояло привести в действие механизм по отлову негодяя, напавшего на лорда Питера. «Только не говори, что он в меня стрелял, – попросил его светлость. – Скажи, что его необходимо задержать в связи с риддлсдейлским делом. Этого довольно». В одиннадцать Паркер вернулся мрачный и голодный. Он съел холодный омлет, запив его бокалом кларета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.